

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 28 ИЮЛЬ 1988

ОБЛИЧЕНИЕ КУЛЬТА

ЛОВУШКИ ДЛЯ СПИДА

ДИЛЕТАНТЫ? НЕТ, ЛЮБИТЕЛИ

ИСПОВЕДЬ «БЮРОКРАТА»

ХЛОПОТЫ НА ГРЯДКЕ

АТАКУЮЩИЙ СТИЛЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 28 (3181)

9 — 16 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь).

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора).

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора).

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Мария Калинина — победительница конкурса «Московская красавица-88». (См. в номере материал «Корона королевы».)

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Г. БЛОЦКОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 20.06.88. Подписано к печати 05.07.88. А 10365. Формат 70 × 108%. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2549.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ХОДЕ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

С 28 июня по 1 июля в Кремлевском Дворце съездов работала XIX Всесоюзная конференция КПСС.

В центре ее внимания — доклад М. С. Горбачева «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки».

В последний день работы делегаты обсудили проекты резолюций конференции:

«О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки» и «О демократизации советского общества и реформе политической системы».

«О борьбе с бюрократизмом».

«О международных отношениях».

«О гласности».

«О правовой реформе».

В дискуссиях по обсуждаемым документам в комиссиях выступило 150 человек.

После всестороннего обсуждения проектов резолюции были приняты с поправками и дополнениями.

С заключительным словом на конференции выступил товарищ Горбачев М. С. По поручению Президиума конференции М. С. Горбачев внес предложение принять резолюцию «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны». Резолюция принимается делегатами единогласно.

ПЕРЕСТРОЙКЕ УГ

**РЕПОРТАЖ
С XIX
ВСЕСОЮЗНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
КПСС**

ЛУБЛЯТЬСЯ И КРЕПНУТЬ!

● В Президиуме конференции.

● Делегаты от Белгородской областной партийной организации.

● Генеральный директор межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» С. Федоров беседует с делегатами.

- В. Ярина, оператора стана Нижнетагильского металлургического комбината имени В. И. Ленина, поздравляют с хорошим выступлением.
- Делегаты голосуют.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ОБЩАЯ СУДЬБА, ОБЩЕЕ ДЕЛО

ЗАМЕТКИ ДЕЛЕГАТА КОНФЕРЕНЦИИ

Это была удивительно бесстрашная, откровенная партийная конференция. И очень мудрая. Сегодня противников перестройки пугает нарастающий процесс включения миллионов масс в политику; реальное включение, не на уровне пресловутого «одобрения», а на уровне хозяев и творцов страны. Народ ожил. И XIX Всесоюзная партконференция подтвердила это.

Уже в самом конце последнего заседания XIX Всесоюзной конференции КПСС Михаил Сергеевич Горбачев зачитал проект резолюции: «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны». Это было очень важно, потому что меры по осуществлению решений партконференции должны быть безотлагательны. Мы изменяемся, становимся демократичнее, укрепляем народное доверие, начинаем политическую реформу, но до чего же важно, чтобы дело преобладало над рассуждениями о деле! Руководящая роль партии укрепились, но в новых условиях укреплять авторитет человека или организации можно только делами; куда ни глянь, любителям болтовни должно стать неуютно...

Впрочем, вы уже обо всем читали. Работа XIX Всесоюзной партконференции была откровенна, как никогда, — с телетрансляциями на весь мир, подарившими ощущение участия в ней сотням миллионов людей. Это принципиально, потому что доклад и все последующие выступления М. С. Горбачева на конференции были направлены именно к утверждению в нас ощущения общего дела. Только укрепление народного доверия принесет успех перестройке — и партия в условиях демократизации испытывает свой авторитет в деле. Генеральный секретарь ЦК и большинство выступавших говорили о том, как огромные массы людей включаются в активную политическую жизнь, — мы отстаиваем для них приоритет общечеловеческих ценностей, утверждая новое мышление в обществе и в мире. Сопротивляясь, мешая, огрызаясь, уходит в прошлое всевластный метод администрирования, должен уйти! Давно назревшая политическая реформа становится реальностью, прорастая сквозь дискуссии и решения конференции. Этот партийный форум парадностью не грешил, хотя делегаты были разнообразны, очень разнообразны; об этом можно было судить даже по волнам благодарности или неприятия, обрушивавшимся на газеты и журналы, — есть над чем поразмыслить, и знаю, что непростая судьба гласности еще не раз озаботит нас.

Впрочем, нельзя, невозможно, да и не надобно, чтобы уверенно себя чувствовали в обществе абсолютно все, нельзя, чтобы консолидация низводилась до беспринципности, нельзя, чтобы споры подменялись безразличным хлопаньем по плечу. Журналисты, писатели вообще не нуждаются во всеобщей любви — есть у нас для этого хоккеисты и эстрадные звезды. Мы, те, кто профессионально владеет словом, должны говорить правду и нести полную ответственность за ее последствия. И журналист, особенно журналист — член Коммунистической партии, так же, как писатель, обязан принципиально оценивать события и лиц любого уровня, что бы эти самые лица ни думали по поводу оценок. Гласность была и остается частью системы всенародного контроля, и мне хотелось бы напомнить один из самых замечательных принципов, поддержанных XXVII съездом КПСС и резолюцией XIX партконференции о том, что у нас нет зон, закрытых для критики.

Сегодня журналистов вслух обвиняют в несдержанности, а писателей раз за разом уговаривают вести себя поспокойнее. Не надо бояться, товарищи! Бояться надо было, когда во времена застоя литература трубно пела о победах и книгой века нарекали мемуары Леонида Ильича. Тогда как-то не было столь массового ощущения надвигающейся беды от того, что пишут и публикуют.

Во многих выступлениях XIX партконференции ощущалась тревога. Была она разной и по разным поводам. Непривычная для тех, кто привычно воспринимал партийные съезды и конференции исключительно как парады безгрешных триумфаторов, хозяйская тревога преобразователей жизни обнадеживала и радовала. Министры и руководители предприятий, рабочие и деятели культуры сказали много правды. Стремление к реальным результатам перестройки учило мыслить реально. И когда руководитель казахстанской партийной организации Г. Колбин откровенно формулировал, что зримые экономические результаты перестройки являются лучшей агитацией за нее, он выражал мнение очень многих. Делегаты мыслили и говорили конкретно. Утомленные бесконечным процессом строительства светлого будущего, при котором основные проблемы нарастали и нарастали в настоящем, накапливаясь, не разрешаясь и зачастую не принимаясь всерьез, люди заговорили о сегодняшнем дне. Они анализировали причины успехов и неудач в открытую и преимущественно на личном опыте — люди, своими руками и разумом преобразующие мир.

В этом году, как напомнил делегатам председатель Госкомитета СССР по народному образованию Г. Ягодин, школьники экзамена по истории не сдавали. Делегаты конференции, миллионы слушателей и читатели ее материалов сдавали и сдали этот экзамен, проявив бесстрашие именно на уровне повседневности — не боясь откровенно анализировать проблемы и видеть их в истинном свете. В связи с этим самым своеобразно выглядело предложение правды на горькую и мобилизующую. Можно было б и вспомнить, как, создавая множество вариантов заказных мобилизующих правд, целый ряд наших литераторов так никого, кроме кассиров, и не мобилизовал, так и не достигнув уровня времени, уровня народной судьбы. А вот горчинка и праздник судьбы этой куда более убедительно звучали в произведениях тех, кто не определял правду на вкус — горькая или сладкая она, — а писал всю правду, уважая народ и веря ему. Умалчивание, как и запугивание, — оружие из устаревших арсеналов. Не бойтесь! Надо уж очень не верить в силу Советской власти, чтобы думать, что будто ее экономика пошатнется от кооперативных котлет, а идеология даст трещину от публикации «Реквиема» Ахматовой...

Гласность сильна, и бояться надо не ее, а того, что она странным образом не срабатывает или срабатывает замедленно, утыкаясь в узловые пункты — в Чернобыль и Нагорный Карабах, в ленинградскую преподавательницу химии Нину Андрееву или разоблаченных не до конца высокопоставленных

жуликов. Мы должны помнить, насколько нужна и важна нам партийная правда, насколько вдумчиво надо усваивать уроки прошлого. Вот нет у нас стариков. Не то, что молодежи, «такой, как надо», нет, о чем мы привычно вздыхаем, а именно стариков. И среди делегатов партконференции было их мало. Сегодня мы понимаем страшную цену сталинских беззаконий, сегодня мы каждодневно ощущаем жестокую цену Великой Победы. У нас не то, что 70—80-летних почти нет, у нас и тех, кому от 60 до 70, маловато. Страшный груз потерь, как мука сиротства. Жжет и ответственность у каждого за живых и мертвых.

И когда зал овацией встретил предложение Генерального секретаря ЦК о реализации давнего партийного замысла — установить памятник жертвам культовых беззаконий — была в этом вера в то, что политическая реформа, которую мы начали, сделает незаконные репрессии невозможными навсегда. Вот она, дающая силу, истина! Наши главные победы одержаны там, где мы воспринимали истинную правду жизни полную, целую, всю — она-то и мобилизовала лучше всего. Правда — она правда и есть. В том числе правда о тридцатых годах — трагических и славных одновременно. О временах, на которые не устанем оглядываться. Да, летал тогда Чкалов, писал Шолохов, пахла Ангелина, добывал уголь Стаханов. И стократ более славен подвиг их оттого, что происходил он в столь трудные, столь пропитанные мукой годы. И Победа наша суровее оттого, что беззаконие умножило потери — и корчующих военачальников, и задерживая производство новых видов оружия. Все наворачивали, все смогли, но ничего не имеем права забыть. Больше лжи не позволим, потому что, провозглашаемая с официальных амвонов, она разрушает душу народа. Ту самую душу, что с болью воскресает сегодня, ту самую Историю, что срывается ныне.

Очень мудрым было решение руководства партии и страны заметить и почитать 1000-летний юбилей крещения Руси. Мы соединяем историю воедино, и в нашей конференции эхом откликаются не только ленинские партийные съезды и конференции, но и народные вече, где Минин и Пожарский подымали народ на защиту Отечества, а декабристы и народовольцы — представители разных слоев, но одного народа, научали нас, что честь и свобода дороже жизни. Люди выступали, вспоминая традиции своих народов и городов, видели в конференции продолжение борьбы за народную мечту, и не могло быть в зале много таких, кто интересы группы или группки решил бы поставить выше общего дела.

Тем более обидно, когда пытались включить древние «испугательные механизмы» и действовать ими, разобщая. Очень обидно было за писателя Ю. Бондарева, бездоказательны были его многочисленные обвинения в адрес безымянных зловещих сил, вроде обвинения, походя брошенного, что, мол, народу внушается: «произведения Шолохова пора исключить из школьных программ и вместо них включить «Дети Арбата»...», «на страницах «Огонька» появляются провокационные соблазны(!)», а «произносимые вслух слова: «Отечество», «Родина», «патриотизм» — вызывают в ответ некое змееподобное шипение, исполненное готовности нападения и укуса: «шовинизм», «черносотенство». Считаю, что эти и подобные им утверждения в речи Ю. Бондарева лживы, а трибуна всесоюзного форума коммунистов не место для произнесения подобных тирад. Но, видимо, этот маленький реванш нарицательной уже Нины Андреевой только высветил безысходность экстремизма в новых условиях. Во всяком случае, понятен риторический вопрос оратора о том, можно ли сравнивать перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка. Думаю, что после неоднократных повторенных призывов к «литературным Сталинградом» и прочим кровопролитиям известный писатель задумается, наконец, прилично ли совершать сегодня пассажирские рейсы на штурмовике без шасси.

На конференции неодолимо преобладали конструктивность, поиск общих путей, сознание общего дела. Исключения подтверждают правило. Преобладало желание не разделяться, а действовать сообща, и вовсе не случайно под аплодисменты зала известный хирург и организатор медицинского дела С. Федоров воскликнул, что, может, кому и неведомо, а уж он точно знает и куда лететь, и где самолет приземлить. Мы все вместе определяем успех общего дела, веря в него, не жалея для него сил.

Хорошо, что в нас еще столько честной тревоги. Понятна была боль Ф. Моргуна, возглавившего сегодня дело охраны природы в Советском Союзе, сообщившего делегатам, что в 102 больших городах страны загазованность более чем в десять раз превышает норму. Понятна и близка была каждому обида херсонского крестьянина дважды Героя Социалистического Труда Д. Моторного за неустроенную нашу деревню, за кормильца народа, которому страна недодала любви и заботы. Тульский агропромышленник В. Стародубцев, первый секретарь Коми обкома КПСС В. Мельников, генеральный директор Ставропольского бройлерного объединения В. Постников — только ли они! — говорили о том, что, куда мы ни надем, не накоротим, очень трудно будет решать все другие проблемы его судьбы. Абсолютное большинство ораторов так или иначе возвращались к теме хлеба и воли, к тому, что лишь демократически устроенное государство сможет и прокормить, и воспитать своих граждан надлежащим образом.

Впрочем, это краткие заметки одного из делегатов. Вы, конечно, сами прочли уже все документы XIX партконференции; не стану будоражить вас пересказом общеизвестного. Давайте-ка вместе задумаемся над резолюциями, названия которых красноречивы сами по себе: «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки», «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О гласности», «О борьбе с бюрократизмом», «О правовой реформе», «О международных отношениях»...

Управляем страной все более всенародно. Те, кто хочет устранить народные массы от управления, — враги им. Партия возглавляет процесс демократизации все более программно, уверенно, а слово «демократия» в переводе с греческого значит «народовластие». Мы убежденно приближаемся к смыслу этого великого понятия и осуществляем его.

Виталий КОРОТИЧ

Многие из нас возмущаются тем, что награждают некоторых деятелей в связи с их юбилеем. А настоящие герои часто остаются в тени. Вы писали об истинно народном докторе Касьяне из Полтавской области. Ведь он один ставит на ноги больше людей, чем иная клиника и даже институт.

Не можем ли мы, советские люди, со страниц вашего журнала обратиться в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о присвоении звания Героя Социалистического Труда доктору Касьяну? И пусть напишут в Президиум все, кому помог этот замечательный человек.

А. К. ЛОСКУТОВ
Магадан

Недавно вы сообщили, что В. В. Гришин попытался опровергнуть высказывание Э. Климова об имевшем место запрете на показ его фильма со стороны тогдашнего первого секретаря МГК, так как тот якобы вообще не вмешивался в сферу искусства и духовной жизни.

Мне, рядовому гражданину, конечно, трудно судить о степени вины Гришина в столь неприглядном деле. Но вот беру № 4 журнала «Архитектура и строительство Москвы» и узнаю, что похожее на обрубок новое здание ТАСС — вовсе не прихоть архитектора, а результат категорического распоряжения Гришина, который в самый разгар его возведения вдруг передумал подымать здание до намеченной проектом высоты. Затем раскрываю выпуск еженедельника «Собеседник» (№ 18), из которого явствует, что тот же деятель в 1969 году запретил историку Р. Медведеву издать объективную книгу о Сталине, ибо ее концепция не соответствовала гришинскому взгляду на генералиссимуса. И тут я вспомнил еще один характерный эпизод. Было это года четыре назад. Беседовал тогда с рабочими Мытищинского завода художественного литья. Знаете, сказали они мне, что-то зачастил к нам в цех сам Гришин. Все проверяет, как делаем его бронзовое изваяние для установки в Серпухове. Первый образец забраковал, потребовал сделать свое лицо более волевым. И вместе с тем торопит нас, словно речь идет о срочном заказе чрезвычайной важности.

Сопоставил я эти два факта и подумал: ведь они, как и в случае с Климовым, тоже имеют прямое отношение к искусству и духовной сфере. Поэтому вполне вероятно, что уважаемый Виктор Васильевич и их попытается опровергнуть. Равно как пусть опровергнет, что он никак не причастен к назначению на высокие посты и многолетней преступной деятельности таких проходивцев, как Трегубов и Соколов. Что он вообще не в ответе за превращение центра

Москвы по вечерам и в выходные дни в «мертвый город» — из-за безумно расплывшихся там бюрократических контор. Что не по его вине оказались в столь плачевном состоянии бесценные памятники архитектуры, часть из которых вообще разрушена. Что москвичам и гостям столицы на улице часто бывает негде перекусить. Что, оставляя в пределах кольцевой дороги незастроенными огромные пустыри, жилье строят на немислимо далеких расстояниях. Что городские парки и скверы в большинстве своем выглядят до того неухоженными, что по ним и гулять-то не очень хочется.

Впрочем, я не сомневаюсь, что тов. Гришин и тут докажет, что он был ни при чем.

О. Н. БОНДАРЕНКО,
кандидат исторических наук

У нас одна партия, и решения, которые она и ее руководители принимают, становятся решающими для всего общества и государства. Численность партии, как известно, 10 процентов от всего взрослого населения, а в общем, и того меньше.

Если партия действительно становится авангардом, то это благотворно влияет на движение общества вперед. Но что происходит, когда партия и ее руководители совершают серьезные ошибки и даже преступления? Государство становится на грань банкротства. Калечатся судьбы миллионов людей. Лозунг «Народ и партия едины» становится фикцией. А чтобы этот лозунг стал действительным отображением реальности, необходимо, чтобы кандидаты в партию принимали только с рекомендациями коллективов, где они работают.

Только в этом случае мы сможем достигнуть подлинной демократии. Общество должно реально воздействовать на политику партии.

А. В. БЕРДЮГИН
Усть-Каменогорск

В начале этого года в «Огоньке» была опубликована статья, анализирующая последствия лысенковщины. Правой рукой Лысенко (который, впрочем, был многорук) служил Всеволод Николаевич Столетов, карьера которого довольно подробно описывается в статье. К сказанному в ней можно добавить свидетельство члена-корреспондента АН СССР И. А. Рапопорта, выступившего против Лысенко в недавнем номере одного из научных журналов: «После сессии ВАСХНИЛ в руках лысенковцев оказались все форпосты в науке, преподавании, печати. Они стали номеклатурными работниками. Один из них, Столетов, бывший до этого завхозом у Лысенко, занял должность министра высшей школы и оставался на этом посту необычайно долго, открыв дорогу в вузы многим людям на основании телефонных звонков и записок власти

имущих. Он же был председателем ВАК, и потому он главный виновник аттестации огромного числа кандидатов и докторов наук, не заслуживших ученого звания. Недаром после него потребовалось две перестройки Высшей аттестационной комиссии.

Параллельно он стал профессором генетики в Московском университете и занимал эту должность вплоть до начала 80-х годов, хотя лекций не читал. Затем ему предоставили sineкуру президента Академии педагогических наук, хотя он вовсе не был педагогом!»

Конечно, абсолютное зло — категория абстрактная. Вполне возможно, что, находясь на посту президента АПН, Столетов иногда поддерживал и прогрессивные начинания. Но безусловно, что в целом деградация авторитета АПН за годы его руководства достигла красной черты необратимости. Атрофировалась связь между АПН и АН СССР, так как многие члены «большой» академии слишком хорошо знали о «научных заслугах» Столетова. Вот почему публикация в «Учительской газете» («Что такое компетентность», 17 марта 1988 г.) вызвала у меня возмущение. Я поддерживаю «педагогическое сотрудничество», которую вот уже несколько лет пропагандирует газета. Но этот новый курс плохо согласуется с индугенцией, выданной Столетову за разгром науки и развал образования. В статье спрашивается: «Почему с благодарностью вспоминают все, что сделал в последние годы своей работы на посту президента В. Столетов?» Хочется спросить в ответ: кто вспоминает? И нет ли у вспоминающих очень удобного избирательного исторического склероза?

В настоящее время готовится реорганизация Академии педагогических наук. Помимо новой структуры, АПН обсуждается вопрос и о будущих членах академии. Ясно, что часть из них будет избрана заново, а часть перейдет из «старой» академии, в числе членов которой, безусловно, есть немало порядочных высококвалифицированных людей. Но нельзя допустить, чтобы в «новой» академии оказались люди нечистоплотные и бесплодные в научном отношении, как, например, травивший Сутомлинского член-корреспондент АПН Б. Т. Лихачев или академик Столетов.

Справедливость должна основываться на проверенной совокупности фактов, а не на избирательной памяти.

В. ЧЕБОТАРЕВ,
преподаватель Московского
городского института
усовершенствования учителей

Не перестаю удивляться тому, что на заработок, превышающий 100 рублей в месяц, в нашей стране налог составляет 13 процентов. Когда была установлена эта квота?

И что тогда можно было купить на сто рублей? И что теперь?

Ожидается реформа розничных цен, говорят, что она будет сопровождаться обязательными надбавками к зарплате и пенсии низкооплачиваемым категориям населения. Но как бы эта реформа ни выглядела, взysкивать 13 процентов, на мой взгляд, допустимо только с трудового дохода свыше 200 рублей. А при 100 рублях справедливо было бы ограничиться пятью процентами.

А. ДЕБОЛЬСКИЙ
Целиноград

Не так давно в «Огоньке» в рубрике, которую ведет Евгений Евтушенко, напечатаны стихотворения Юрия Казарновского из его книжечки, изданной в середине 30-х годов. В примечании было сказано, что составитель не знает, кто такой Ю. Казарновский и напечатал ли он что-либо еще до или после.

Юрий Казарновский из Ростова-на-Дону. Родился он в начале века. Был в литературном кружке в своем родном городе. Арестован. Сидел на Соловках. И печатался в журнале «Соловецкие острова». Там несколько стихотворений его можно найти. Не лучшие стихотворения, но те, которые могли пройти цензуру. Потом он был все время в лагерях и был последним, кто видел О. Э. Мандельштама.

Мы звали его на Соловках Юрка Казарновский. Он был великий озорник. Насколько это было возможно в лагерных условиях. Начальство в лагере было глупое и необразованное. Казарновский работал в культурно-воспитательной части. Во главе ее стоял некто Успенский, совершенно неграмотный северянин.

Тогда была такая теория о «социально близких» и «социально дальних». «Близкие» — это воры, а «дальние» — контрреволюционеры. Теория гласила, что надо все делать для «социально близких».

Успенский однажды сказал Казарновскому и Шипчинскому (это тоже заключенный и тоже поэт), что нужно написать лозунг к Октябрьской революции, к празднику, мол, на Соловках все делается для рабочих и крестьян. И тогда кто-то из них — я не знаю, кто — быстро выпалил: «Соловки — рабочим и крестьянам!» Успенский сказал: «Во здорово! Вот это нам и нужно!» Написали на плакате лозунг и повесили над входом в лагерь, над главными Никольскими воротами. И только потом кто-то указал, что это неприлично, и лозунг сняли.

Журнал «Соловецкие острова» издавался с 1926 по 1932 год и свободно продавался по стране. Его можно найти в библиотеках. Там иногда проходили довольно озорные вещи, много любопытного материала.

Я попал в лагерь в конце октября 1928 года, а Казарновский немного раньше, по-моему, весной. Меня осе-

ню 1931 года увезли с Соловков, и 4 августа 1932 года я был освобожден с «красной чертой». Из пяти я пробыл там четыре с половиной года. «Красная черта» — это значит, что я был освобожден, как ударник Беломорско-Балтийского канала (к этому времени он был закончен, и Сталин в восторге всех строителей освободил досрочно) с правом проживания по всей территории страны. Так мне повезло.

В это время как раз шло уничтожение крестьян. Голод. Их везли на встречу нам эшелонами. Так оправдалась дурацкая шутка.

Д. ЛИХАЧЕВ,
академик

Вопрос, с которым я к вам обращаюсь, без всякого преувеличения, имеет жизненно важное значение. Мне 52 года. Трудовой стаж около 30 лет. Коренной москвич, женат, имею двоих детей. Если взглянуть на мою прежнюю жизнь, наверное, она ничем не отличалась от жизни многих других людей. Жили, работали, воспитывали детей. Но все это до 1985 года. А потом пришла беда. В нашей семье произошел конфликт. Результатом его было мое осуждение по части 3 ст. 206 УК РСФСР к 4 годам лишения свободы.

Горько сознавать, что под занавес жизни такое могло произойти! Но произошло, и от этого никак не деться, как не избавиться от стыда и боли за случившееся. Прошло с тех пор два с половиной года, семья у нас не распалась, и намека на это не было. Мы давно уже во всем разобрались, и жена, и дети ждут не дождутся, когда я наконец вернусь домой. Попав в колонию, решил честно отбывать этот срок, всеми силами приблизить свое освобождение. Мне повезло: по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» срок мне снизили на 1 год 2 месяца 14 дней. Я освобожден 1 сентября этого года. Трагедия же заключается вот в чем. Сейчас, накануне освобождения, выяснилось (все это мне сказали в канцелярии колонии), что меня с моей статьей до мной в Москву не прописывают! И даже направления отсюда дадут куда угодно: от Карпат до Курил, но не в Москву. А как же семья, дети? Мы так ждали этого дня и что делать теперь? Почему моя прежняя жизнь оказывается перечеркнутой до такой степени, что я лишаюсь права на старости лет жить там, где вырос, где прошла вся моя сознательная жизнь, с чем меня связывают крепкие узы семьи — дочери, сына, жены?

Неправильно это. Так не должно быть. Нельзя вот так, согласуясь с какими-то инструкциями, играть человеческими судьбами. Кто и какими соображениями руководствуется, оставляя мою жену и моих детей без отца, когда я жив?

Л. Л. БЛУВШТЕЙН

Думаю, настало время пересмотреть процедуру проведения праздничных демонстраций, особенно в городских и областных масштабах. Почему колонны демонстрантов должны проходить мимо трибуны, на которой расположилось городское начальство, областное руководство, зачастую не пользующееся авторитетом?

Пусть «отцы» города встанут, как все, в колонну демонстрантов и пройдут мимо памятника основателю нашей партии и государства В. И. Ленину два раза в год. Тем более что наша история имеет для этого достойные примеры.

А. И. ГАВРИЛОВА
Москва

Прочитал статью в вашем журнале (№ 49, 1987 г.) «По законам мирного времени», где заключенный исправительно-трудовой колонии писал о режиме содержания, и удивился, что нет почти никакой разницы с тем режимом, который установлен администрацией МВД у нас в ЛТП. Конечно, я не знаю, какие порядки и правила содержания в ЛТП в других регионах нашей страны, ведь их у нас более двухсот. Хочу рассказать о нашем ЛТП и почти уверен, что буду наказан администрацией за это письмо.

Интересно, зачем нам нужна вывеска «Лечебно-трудовой профилакторий», если мы относимся к ведомству МВД СССР? Не лучше ли будет сменить название для наших «пьяных зон», как мы называем между собой ЛТП, если режим здесь такой же, как и в колониях. Необходимо сказать всю правду о ЛТП, ведь наши близкие верят, что их родных отправляют в лечебный профилакторий. А приезжают сюда к нам на свидание и видят настоящую тюрьму с тройным забором, с колючей проволокой, сигнализацией. Видят сторожевые вышки и прожекторы, а на свидание к ним выходит коротко остриженный, в рабочей спецовке, с биркой на груди их сын, брат или муж, похожий на уголовника.

Большинство из нас не против принудительного лечения. Мы понимаем, что без этого нельзя обойтись. Есть такие больные, которые не могут сами бросить пить, и это для них последний шанс. Но все это при условии, когда для лечения будут созданы нормальные условия. Но создается такое впечатление, что лечение здесь находится явно не на первом месте. Основное — режим содержания. Придирки, унижительные обыски, за провинности — наказание. Сколько у нас было всяких комиссий (все больше из МВД). Перед их приездом наведут «глянец», а уедут они, все идет по-прежнему.

Перестройка должна коснуться и ЛТП. Ведь находящиеся там люди не лишены конституционных прав, а в действительности — бесправное, унижительное содержание, при котором даже приличное лечение не может дать положительного результата.

С. В. ГОРНОВ,
пос. Октябрьский
Рязанской области, ЛТП
№ 2

Наше возмущение, если не сказать больше, вызвала Анкета семьи, которую распространяют среди жителей города депутаты горсовета и работники ГОВД. Прочтите ее внимательно. Можно ли назвать это вообще анкетой? Дело, конечно, не в том, как назвать эту бумагу — Анкета семьи или, например, «Что ты думаешь о своем соседе». Дело в том, какую обстановку в городе создаст подобный опрос.

В пункте 9 спрашивается о судимых, надо сказать, членах семьи и отбывающих в местах лишения свободы.

Судимость чья-то — это всегда горе. К тому же эти данные наверняка есть в органах ГОВД.

Последующий пункт анкеты вызывает возмущение своей бестактностью: «Имеются злоупотребления спиртным?»

Вспоминаются статьи в газетах и журналах о методах работы ФБР, насаждающих в обществе обстановку научничества, доношительства. В нашем обществе, борющемся за социализм, эти методы недопусти-

мы, в какой бы обтекаемой форме их ни подавали.

Мы не стали обращаться по вопросу Анкеты семьи в горисполком и горком партии, так как сама анкета отпечатана типографским способом, а значит, с ведома городских властей, как советских, так и партийных.

Обращаемся к вам! Оградите жителей города от людей, составляющих подобные анкеты.

С. ТЮРИН,
Е. КОРЕПАНОВ,
А. СОКОЛОВ
(всего 29 подписей)
Северодвинск

На протяжении десятилетий экономика Латвии развивалась экстенсивными методами. Ежегодно в республику привлекались в больших дозах из других регионов дополнительные трудовые ресурсы. В результате в республике из года в год все больше обострялась жилищная проблема.

Квартиры и дома, в которых мы живем, официально признаны аварийными в начале 70-х годов. Жилища с прогнившими деревянными перекрытиями, разрушающимися стенами, оседающими полами, перекошенными от всего этого дверями и окнами. Водоснабжение и канализация в аварийном состоянии. По этой причине затоплены водой подвалы. Электропроводка изношена и пожароопасна. Дома постоянно вибрируют от проходящего мимо транспорта. Прожив в таких условиях 40 и более лет, невозможно сохранить человеческое достоинство, здоровье, полноценно воспитать подрастающее поколение.

Ответы, полученные нами на обращения в Московский райисполком, горисполком, Совет Министров ЛССР, наглядно свидетельствуют о том, что районное, городское и республиканское руководство отстраняется от действенных мер по изменению сложившегося положения. Пора обеспечить на практике соблюдение принципа социальной справедливости и уважение к человеческому достоинству жителей района, города, республики.

А. Ф. ГРАВЕ,
А. ВОЛКОВА,
Ю. ИРБИТЕ
(всего 200 подписей)
Рига

Наверное, все читатели «Московских новостей» обратили внимание на статью в № 20 об академике Сахарове. Для многих, видимо, этот материал стал откровением. Оказывается, академик Сахаров не купается в роскоши на средства иностранных спецслужб, а его жена Елена Боннэр — вовсе не аморальная авантюристка, вышедшая замуж за академика из-за денег. А ведь именно это слышали советские люди о Сахарове и его семье на протяжении многих лет.

В этой статье говорится об авторе «письменной версии, существующей в миллионных экземплярах». Версии лживой, фальсификаторской. Но почему же не называется имя этого человека?

Откровенно говоря, даже тогда, не зная всех подробностей, читать страницы книги, посвященные Сахарову и его семейной жизни, было неприятно. А теперь оказывается, что все это ложь? Хотелось бы более подробного ответа от создателей и распространителей предыдущих информации о А. Д. Сахарове и его жизни.

А. Ю. ЩЕРБАКОВ
Москва

Поговорим о гласности! За прошедшие с апрельского 1985 года Пленума ЦК КПСС это, пожалуй, самое яркое, бросающееся в глаза изменение в нашей жизни. Увидели свет произведения, давно известные всему миру, но никому не ведомые на родине авторов: Булгаков, Платонов, Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Гумилев, Гроссман... Открылись для общего пользования многие фонды недоступных прежде архивов. Стали постепенно исчезать белые пятна со страниц нашей истории. В своем поистине ужасающем, мрачном величии предстала перед нами сталинская тирания. Читаешь, слушаешь и думаешь: да, ГЛАСНОСТЬ. Действительно, гласность. Действительно?

Но вот ведь штука: вся эта гласность сосредоточена где-то там у вас в Москве. Для Киева уже гласность. Для Черкасс — третья, очень уж скромная. А для Миргорода, Смелы и Конотопа остается самая уже чуточка. Но ведь «не бывает осетрины второй свежести»! Если есть Гласность-1, Гласность-2 и т. д., это значит, что гласности, увя, нет вообще, а есть только ее видимость. Как объяснить, что до сих пор не опубликован «секретный» (уместны ли тут кавычки?) доклад Хрущева? Как объяснить, что по-прежнему закрыты данные медицинской, экологической статистики? Это в общем. А на местах? Конечно, в провинции читают центральные издания и пользуются возможностями, предоставляемыми «центральной» гласностью (Гласность-1), — как мы видим, они тоже ограничены. Республиканская гласность (Гласность-2) еще более сужена: как правило, она рыщет уже поднятую центральными газетами целину — наркомания, проституция, репрессии сталинских времен. Но вот о брежневских временах... Подождем, пока за это возьмутся в Москве. Впрочем, чему же удивляться? Соратники — точнее, соопубликовники — Сталина большей частью уже в могиле. А многие виновники застоя еще даже не на пенсии. Поэтому период застоя анализируется, как правило, чисто экономически, при отсутствии конкретных действующих лиц. И тогда опять возникает вопрос: как объяснить? Как объяснить, что бывший министр внутренних дел СССР стал вором? Как объяснить, что Щелокова не судили, дав ему возможность покончить с собой? Как стала возможна в наши дни адыловщина? Почему смертельно больного Черненко избрали Генеральным секретарем ЦК? Впрочем, это опять же претензии к Гласности-1. Республиканские органы массовой информации не смогли бы ответить на эти вопросы, если бы даже и захотели. Но ведь и о собственно украинских делах они сообщают... как-то неохотно, что ли. Как-то всегда с оглядкой на Гласность-1 — как бы не обогнать, чего доброго.

Прекрасно, что XIX Всесоюзная партконференция приняла резолюцию о гласности. Надо выполнять ее всенародно!

А. ЛУБЕНСКИЙ,
преподаватель
Черкассы

Наш адрес:
101456,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ЧЕТЫРЕ ВСТР

Без явления по имени Ромм не было бы, на мой взгляд, того, что представляет собой наш сегодняшний кинематограф в лице его учеников (будь то ВГИК, Высшие режиссерские и сценарные курсы или творческое объединение, которым он руководил на «Мосфильме»). Их даже перечислить трудно: Григорий Чухрай и Василий Шукшин, Андрей Тарковский и Марлен Хуциев, Тенгиз Абуладзе и Георгий Данелия, Динара Асанова и Резо Чхеидзе, Андрей Смирнов и Лариса Шепитько, Игорь Таланкин и Элем Климов, Глеб Панфилов и Савва Кулиш, Ролан Быков и Сергей Соловьев, Вадим Абдрашитов и Александр Митта...

Семнадцать лет как нет его с нами, и уже выросло поколение, которое не знает Ромма. Не знает его фильмов «Ленин в Октябре», «Тринадцать», «Девять дней одного года», «Обыкновенный фашизм», «И все-таки я верю...»...

В архиве Михаила Ильича, кроме огромного количества рукописей — сценариев, статей, воспоминаний, лекций во ВГИКе, осталось сорок часов магнитофонных записей его устных рассказов, а рассказчик он был отменный. Даже глубокая аналитичность его мышления рождалась не из холодной рассудочности и теоретизирования, а из живого, парадоксального, ироничного столкновения событий, ярких и броских деталей, подмеченных остро и точно. Даже «Обыкновенный фашизм» — фильм трагический и страшный — «рассказан» Роммом с иронией и сарказмом. «Я пришел в кинематограф с убеждением, что искусство должно рассматривать человека в острые, «сломные» моменты его существования; с убеждением, что сильнейшая из особенностей искусства — это столкновение трагического и смешного или почти смешного, что каждый человек неповторимо страшен, что в жизни его можно найти такой отрезок времени, когда он раскрывается весь до дна, во всей своей удивительности...» Умение видеть эту «удивительность» во всем — в людях, в событиях, во времени — отличает все, о чем писал и особенно рассказывал Ромм. «Иные пишут воспоминания от злости, другие же, наоборот, из чистой добросовестности... Я лично решил писать в результате инфаркта. Поверьте, это могучий стимул! Были

Необходимость учиться демократии актуальна сегодня и важна, как никогда. Уроки ее трудны, но жизненная их насущность подтверждалась неоднократно, всей советской историей. Давайте вспомним один из самых трудных и ответственных периодов борьбы за обновление — начало 60-х. Никита Сергеевич Хрущев сделал очень много для возвращения в нашу жизнь ленинских демократических норм, огромна его роль в развенчании преступного культа личности, в развитии контактов Советской страны с окружающим миром, в нормализации жизни советского общества. Многие честные имена засияли заново в эти годы, многие родились в благотворной творческой атмосфере. Очень важно, что при этом Никита Сергеевич Хрущев и сам стремился измениться, пытался преодолеть многие стереотипы, вредящие не только стране и обществу, но и ему самому лично. Трудный это был процесс, но уроки демократии всегда нелегки.

Способствуя освобождению невинно осужденных в годы культа личности, восстанавливая справедливость, партия освобождала человеческие души от страха, и в этом ее роль после XX съезда КПСС особенно благородна. Мы внимали урокам демократии, учились все — от руководителей страны до рядовых граждан.

С этой точки зрения воспоминания народного артиста СССР Михаила Ромма, человека непростого, кинорежиссера талантливого, неоднократно лауреата Сталинских премий, весьма интересны. Ромм был человеком своего времени. Документы тем и важны, что дают представление не только об объекте воспоминаний, но и их авторе. Рассказ о том, как Никита Сергеевич Хрущев, только что совершивший столько хорошего, боровшийся за справедливость, во множестве исторических ситуаций не всегда умел удерживаться на высоте благородства, заставляет задумываться и учит. Уроки партийной принципиальности Н. С. Хрущева обидно переплетены с воспоминаниями о его же волюнтаризме. Впрочем, внимание к личности и поступкам этого крупного политического руководителя будет возрастать, и они, несомненно, получат более многогранное освещение.

Мы постигаем демократию; без нее прогресс советского общества невозможен. Сегодня, когда встречи руководителей партии, страны с деятелями культуры стали событиями нередкими, а польза их очевидна, стоит напомнить себе о первых попытках этих встреч в обновленном, обозначенном великим рубежом XX съезда КПСС времени. Мы далеко ушли от той поры; тем важнее учиться демократии безостановочно, помня и напоминая. Перестройка учит нас не только отстаивать собственные воззрения, но и выслушивать других. Все это во имя настоящего и будущего, дабы не забывалось хорошее и не повторялось плохое.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Михаил РОММ

До декабря 1962 года мне не приходилось лично видеть и слышать Н. С. Хрущева. Правда, мы живем в век газет, радио и телевидения, и это давало возможность ознакомиться и с внешностью Хрущева, и с его манерой говорить... Все, казалось бы, было уже известно. Но все-таки все это не заменило личных впечатлений, и когда я впервые просто услышал его и увидел на трех встречах с интеллигенцией и еще на одном, более ответственном собрании, то впечатление оказалось совершенно неожиданным. Человек оказался гораздо разнообразнее по краскам, и, я бы сказал, и по оттенкам, гораздо сложнее и необыкновеннее. А некоторые его стороны вызвали просто изумление.

...Надо сказать, что я до этого времени принадлежал к числу поклонников Хрущева. Меня даже называли «хрущевцем». Я был очень вдохновлен его выступлением на XX съезде, мне нрави-

РЧИ С Н.С.ХРУЩЕВЫМ

ведь и у меня интересные и ни на что не похожие встречи. ...Потом появился портативный магнитофон, и я стал наговаривать свои рассказы... — решил сделать нечто вроде устной книги рассказов...

Когда слушаешь магнитофонные записи Михаила Ильича, где рассказчик — веселый и ироничный, — возникает в памяти эта неповторимая интонация Ромма в «Обыкновенном фашизме» — и понимаешь, что это формула не легкости, а мужества, воспитанная временем страшным, судьбой трудной.

Выбирая материал для публикации, мы с дочерью Михаила Ильича Натальей остановились на том периоде нашей истории, который, начавшись с весны XX съезда, так и не стал летом истинного обновления. Ох, какие же неоднозначные были эти пятидесятые — шестидесятые!

Для Михаила Ильича они стали годами ломки себя как режиссера, как художника. Именно в эти годы он «замолчал» на шесть лет: «Я понял, что по существу перестал быть художником, что меня постигла очень большая драма. Я перестал быть художником...» Тогда он как бы подписал приговор целому пласту жизни, почти десятилетию своей работы — «это неправда». И после шестилетнего молчания появился фильм «Девять дней одного года». Но и после этого фильма творческая судьба Ромма была устлана не цветами, а мучительными сомнениями и исканиями.

В то время нам, его ученикам, было по двадцать. И не было за нашими плечами ни революции, ни гражданской войны, ни послевоенной разрухи и голода, ни коллективизации, ни страшного тридцать седьмого (начавшегося чуть ли не на десять лет раньше), ни «глухих» сороковых, ни последней войны... Мы не были «действующими лицами», как Ромм и его поколение, а были всего-навсего горячими зрителями из студенческой галерки.

«Хрущевское десятилетие»... Мое поколение помнит эти годы пронзительно и ярко, потому что это были годы нашей юности.

Непростым и неоднозначным было это время, начавшееся с XX съезда партии — с выступления Никиты Сергеевича Хрущева с докладом о культе

личности Сталина и преодолении его последствий. Возвращение к ленинским нормам, возвращение в жизнь тысяч безвинно осужденных и реабилитация тысяч безвинно погибших жертв культа, свежий ветер обновления, ожививший все аспекты нашей жизни, массовое новоселье, пусть в стандартные, неказистые «хрущевники», как называли тогда эти новые районы, но массовое — из подвалов, хибар, коммуналок, голос первого спутника — наш стремительный прорыв в космос, улыбка Юрия Гагарина... И время волонтеристской некомпетентности — настойчивых попыток внедрения кукурузы и кормовой свеклы там, где они никогда не росли, настойчивых попыток «силового» руководства искусством и литературой; время наивных обещаний наступления эры коммунизма через двадцать лет и в конечном счете свертывание и дискредитация сложного, трудного и нескорого процесса обновления страны и общества.

Мы оказались не только участниками событий этого времени, но и свидетелями глубочайшей личной драмы человека незаурядного, но переоценившего свои возможности, не устоявшего перед «медными трубами» славы и власти, не нашедшего в себе силы вырваться из замкнутого круга привычных методов и стереотипов руководства — единоличного и волонтеристского, с осуждения которых так многообещающе начинал он свой путь руководителя партии и государства.

В то время я готовилась к работе над дипломной картиной на «Мосфильме», руководителем которой был Михаил Ильич. Ездил к нему на дачу — иногда за советом по диплому, чаще — от насущной необходимости разобраться в том, что же происходит. А происходило трудное для нас, молодых, уверовавших в свежий ветер перемен, который вдруг обернулся окриками в Манеже, сварой в «Октябре», «арестом» картины Марлена Хуциева...

«Знаешь, кто больше всего виноват в этом?» — сказал мне тогда Михаил Ильич. — Наши друзья и коллеги: современному Сальери не нужен яд. И убивать никого не нужно — только вовремя «посоветовать» кому надо, что «на благо», а что «во вред» государству...

Но, знаешь, пройдет совсем немного времени, и забудется и Манеж, и кукуруза... А люди будут долго жить в его домах. Освобожденные им люди... И зла к нему никто не будет иметь — ни завтра, ни послезавтра. И истинное значение его для всех нас мы осознаем только спустя много лет... В нашей истории достаточно злодеев — ярких и сильных. Хрущев — та редкая, хотя и противоречивая фигура, которая олицетворяет собой не только добро, но и отчаянное личное мужество, которому у него не грех поучиться всем нам...

А то, что сейчас происходит — тоже урок. Всем нам...

Да, страна страхнула с себя страшный сон сталинизма. Пробуждение было нелегким... И все же это было пробуждение.

Итак, рассказ Михаила Ильича Ромма о человеке, которому и сегодня носят на могилу цветы те, кому дал он вторую жизнь, открыв ворота лагерей. О человеке, сделавшем много хорошего, и вместе с тем... Впрочем, слово самому Ромму.

Джемма ФИРЦОВА, кинорежиссер

ласе его человечность. Я старался ему прощать все. Правда, иной раз попадались какие-то такие необыкновенности, которые заставляли оторопеть. Вдруг на одном из митингов он говорит: «Идеи Маркса, это, конечно, хорошо, но ежели их смазать свиным салом, то будет еще лучше». Мне в голову никак не приходило, что идеи Маркса можно смазать свиным салом...

Все в нем переменялось, но, в общем, мне казалось: да ведь тем не менее человек.

Есть такое свойство у наших соотечественников: восхищаться на всякий случай начальством, его еще Салтыков-Щедрин отметил в «Истории одного города», что каждый новый градоначальник был душенька или красавчик.

Про Хрущева сказать было «красавчик» нельзя, но «душенька» — говорили. Говорили все, ну и я тоже говорил. Не красавчик, но душенька.

В области культуры дела шли хорошо, дышалось свободно, искусство двигалось вперед, и мы продолжали время от времени говорить друг другу: «Он, правда, не красавчик, но душенька, душенька».

Так шло до декабря шестьдесят второго года. Свобода делалась все как-то ощутимее, и я в нее как-то уверовал,

что даже выступил на конференции Института истории искусств в ВТО... И стало мое выступление ходить по рукам в качестве «подпольного чтения», а на меня были поданы жалобы в Президиум ЦК. Дела мои в этот момент сильно пошатнулись. А тут как раз оказалось, что очень уж «вовремя» я выступил с этой речью, потому что буквально через неделю состоялось знаменитое посещение Манежа, где Хрущев, как мне рассказывали, топал ногами, обрушился на левое искусство, а заодно на всю культуру, на молодых поэтов.

Я знал абстракционистов, которые вызвали этот гнев, бывал у них в мастерских. Интересные были ребята, самоотверженные, голодные и бесконечно преданные своему делу. В малюсенькой комнатке, 8 квадратных метров, продавленная тахта, тут жена, полуторагодовалая девчонка — дочь. И тут же, на краешке стола, он пишет свои полотна. И ничего в доме нет, кроме хлеба и кипятка и молока для ребенка...

Видел я их. Сердце сжалось. Стали собирать подписи под письмом, чтобы не очень их били. Я подписал, уже было подписано это письмо Фаворским, Эрнбургом, еще многими.

Но такое время было тревожное, тучи стали сгущаться над Хуциевым, над Эрнбургом... да тут еще на молодых поэтов гроза пошла, и вот в этой обстановке, когда непонятно было, куда же склонится эта чаша весов, вот тут и состоялась первая встреча.

В декабре шестьдесят второго года я получил приглашающий билет на прием в Дом приемов на Ленинских горах — там, где эти знаменитые особы, там Дом приемов.

Приехал. Машины, машины, цепочка людей тянется. Правительственная раздевалка. На втором этаже анфилады комнат, увешанные полотнами праведными и неправедными. И толпится народ, человек триста, а то, может быть, и больше. Все тут: кинематографисты, поэты, писатели, живописцы и скульпторы, журналисты, с периферии приехали — вся художественная интеллигенция тут. Гудит все, ждут, что будет.

А через двери, которые ведут в главную комнату — комнату приемов, видны накрытые столы: белые скатерти, посуда и яства. Черт возьми! Банкет, очевидно, предстоит! Что же это, смягчение, что ли? Ради чего ж накрытые столы?

Но вот среди этого гула, всевозможных взаимных приветствий и вопросительных всяких взоров появляется руководство, толпа устремляется к Хрущеву, защелкали камеры.

Хрущев беседует как-то на ходу, направляется в эту самую главную комнату, все текут за ним. Образуется в дверях водоворот из людей. Все стараются поближе к Хрущеву, туда поскорей... Все туда, туда, туда. И, как пылесос, эта главная комната с какой-то удивительной быстротой всасывает людей.

Я решил в эту толкучку не путаться, но не прошло и минуты — смотрю, все уж там. Вхожу, уже все места заняты. Но с одного какого-то дальнего конца мне машут рукой: мне местечко резервировали. Оказывается, как раз молодые художники. Я так между ними и сел в середине. А на другом конце Хрущев.

Ну, а художники-то ведь голодные. А перед ними осетрина, семга, лососина, индейка нарезанная, какие-то поразительные салаты, виноградные соки и тому подобное.

Ну, расселись все. С одного конца раздался такой звоночек, что ли.

Хрущев встал и сказал, что вот мы пригласили вас поговорить, но чтобы

разговор был позадушевнее, получше, пооткровеннее, сначала давайте закусим. Закусим, а потом поговорим.

Хрущев еще извинился, что нет вина и водки, и объяснил, что не надо пить, потому что разговор будет, так сказать, вполне откровенный...

Примерно час ели и пили. Наконец подали кофе, мороженое. Хрущев встал, все встали, зашумели, загремели стулья, повалили народ в анфилады.

Перерыв.

Кончился перерыв, все устремились обратно в зал. Уже столы убраны, я оказался в другом месте. Началось с доклада... Запомнилось несколько выступлений. В одном назвали меня провокатором, политическим недоумком, клеветником, а заодно разносили Щипачева... Суть другого выступления сводилась к тому, что командиры лагерей были прекрасные коммунисты...

А реплики Хрущева были крутыми, в особенности когда выступали Эренбург, Евтушенко и Щипачев, которые говорили очень хорошо.

Вот когда фигура Хрущева оказалась совсем новой для меня.

Вначале он вел себя как добрый, мягкий хозяин крупного предприятия, вот угощаю вас, кушайте, пейте. Мы все вместе тут поговорим по-доброму, по-хорошему.

И так это он мило говорил — круглый, бритый. И движения круглые. И первые реплики его были благодатные.

А потом постепенно как-то взвинчивался, взвинчивался и обрушился раньше всего на Эрнста Неизвестного. Трудно было ему необыкновенно. Поразила меня старательность, с которой он разговаривал об искусстве, ничего в нем не понимая, ну ничего решительно. И так он старается объяснить, что такое красиво и что такое некрасиво; что такое понятно для народа и непонятно для народа. И что такое художник, который стремится к «коммунизму», и художник, который не помогает «коммунизму». И какой Эрнст Неизвестный плохой. Долго он искал, как бы это пообиднее, пояснее объяснить, что такое Эрнст Неизвестный. И наконец нашел, нашел и очень обрадовался этому, говорит: «Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежель на стульчак кто-то сядет. На эту часть тела смотрит изнутри, из стульчака. Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите».

Говорит он это под хохот и одобрение интеллигенции творческой, постарше которая, — художников, скульпторов да писателей некоторых.

И тут же: «И что это за фамилия — Неизвестный? С чего это вы себе псевдоним такой выбрали — Неизвестный, видите ли. А мы хотим, чтобы про вас было известно».

Неизвестный говорит:

— Это моя фамилия — Неизвестный.

А ему:

— Ну что это за фамилия — Неизвестный?

И в таких репликах, то злых, то старательно педагогических, прошло уже два или три часа. Все устали. Видим мы, что ничьи выступления, ни Эренбурга, ни Евтушенко, ни Щипачева — очень хорошие, ну просто никакого впечатления, отскакивают, как от стены горох, ну ничего, никакого действия не производят. Взята линия, и эту линию он старается разжевать.

Наконец берет заключительное слово. Из этого заключительного слова запомнились мне несколько абзацев.

Начал он его опять же мягко. Ну вот, говорит он, мы вас тут, конечно, послушали, поговорили, но решать-то будет кто? Решать в нашей стране должен народ. А народ — это кто? Это партия. А партия кто? Это мы. Мы — партия. Значит, мы и будем решать, я вот буду решать. Понятно?

— Понятно.

— И вот еще по-другому вам скажу. Бывает так: заспорит полковник с генералом, и полковник так убедительно все рассказывает, очень убедительно. Генерал слушает, слушает, и возразить вроде нечего. Надвигается полковник, встанет он и скажет: «Ну, вот что, ты полковник, я — генерал. Направо кругом, марш!» И полковник повернется и пойдет — исполнять! Так вот, вы — полковники, а я, извините, — генерал. Направо кругом, марш! Пожалуйста.

Вот такое заключение.

Или вот еще другое:

— Письмо тут подписали. И в этом письме между прочим пишут, просят за молодых этих левых художников, и пишут: пусть работают и те, и другие, пусть-де, мол, в изобразительном искусстве будет мирное сосуществование. Это, товарищи, грубая политическая ошибка. Мирное сосуществование возможно, но не в вопросах идеологии.

Эренбург ему с места:

— Да ведь это была острота! Никита Сергеевич, это в письме такой, ну, что ли, шуточный способ выражения был. Мирное же письмо было.

— Нет, товарищ Эренбург, это не острота. Мирного сосуществования в вопросах идеологии не будет. Не будет, товарищи! И я предупреждаю всех, кто подписал это письмо. Вот так!

Долго длилось, часа два, это выступление, но никак я не могу вспомнить, что он говорил. Стихи даже читал какого-то шахтера. Он все старался объяснить, какое искусство хорошее, и, в частности, привел стихи, такие плохие стихи, что диву даешься. Запомнил их, очевидно, с молодости, с тех пор стихов-то не читал. Вот стихи прочитал: вот шахтер написал. Правда, шахтер не очень грамотный, но стихи хорошие по содержанию.

И вот как красиво рисуют одни художники. Вот там есть автопортрет товарища такого-то — залюбуешься, красавец. А посмотрите, что эти пишут! Жутко смотреть.

Вот так закончилось это заседание на Ленинских горах. Расходились все сытые, но тревожные, со смущенной душой, не понимая, что будет. Дела после этого пошли плохо, стали завинчиваться гайки, стали помещаться письма, разоблачительные статьи. В общем, начался разгром. Всем провинившимся пришлось лихо в это время. И мне пришлось довольно лихо. Главным образом за мое выступление в ВТО...

Предложено мне было уйти из ВГИКа, но незаметно уйти, после весенней сессии, дотянуть и смыться. Ну, разумеется, из Союза тоже.

А дело мое готовилось к разбору. И решил я применить испытанное средство: заболеть. Поехал на дачу и заболел на полтора, даже на два месяца. Сидел на даче, отсиживался. Приказано мне было написать объяснение по поводу моего выступления, «клеветнического». Не писал я этого объяснения, долго тянул. Потом написал. Ошибок не признал. Признал резкость формы, а по содержанию привел множество доказательств того, что я был прав.

Так вот я сидел, сидел, дожидался все смягчения. Но смягчения не дождался. Напротив, гайки завинчивались все туже. Надоело мне. Решил поехать в Москву — пусть будет, что будет. Разбирательство так разбирательство.

Приехал, жду, что дело мое будет разбираться. А оно все не разбирается. И вдруг приходит снова повестка: письмо: снова приглашают меня на какое-то совещание творческой интеллигенции с руководством. Но на этот раз совещание не на Ленинских горах, а в Кремле, в Свердловском зале.

Итак, вторая встреча.

Продолжалась она два дня, в один день не уложился. Началась с утра.

Пришел я в Кремль, в Свердловский

зал. Те же люди, та же творческая интеллигенция, только вдвое больше народу. На Ленинских горах было человек триста, а здесь шестьсот, а то и шестьсот пятьдесят. И мелькают между знакомых лиц какие-то неизвестные молодые люди, в скромных темных костюмчиках, аккуратных воротничках. Обстановка сугубо официальная. Зал идет амфитеатром, скамьи. А напротив на специальном возвышении места для президиума, трибуна для выступающего. Аккуратный, красивый, холодный зал.

Расселись все. Ясно было, что идет продолжение. Никто особенно хорошо не ждал. Расселись все, и молодые люди расселись — так, по всему залу. Куда ни поглядишь, недалеко сидит аккуратенький, внимательный.

Встали все. Поаплодировали друг другу. Сели. Тишина. Настороженная тишина. Ждем.

Встает Хрущев и начинает:

— Вот решили мы еще раз встретиться с вами, вы уж простите, на этот раз без накрытых столов. Мы решили на этот раз внимательно поговорить, чтобы побольше народу послушало. Но в перерывах тут будет буфет — пожалуйста, покушайте.

Опять начинает как благодущный хозяин.

— Погода, — говорит, — сейчас, к сожалению, плохая. Зима, промозгло так, не способствует она сердечности атмосферы. Ну, ничего, поговорим зато серьезнее. Но следующую встречу мы намерены провести в мае или в июне, солнышко будет, деревья распустятся, травка — тогда уж мы встретимся по-сердечному, тогда разговор будет веселее. Но сейчас вот так приходится, по-зимнему.

Помолчал. Любил он погоду на помолчке призывать, когда выступал. Всегда она ему помогала. Солнышко или его отсутствие.

Помолчал. Потом вдруг без всякого перехода:

— Добровольные осведомители иностранных агентств, прошу покинуть зал. Молчание. Все переглядываются, ничего не понимают: какие осведомители?

— Я повторяю: добровольные осведомители иностранных агентств, выйдите отсюда.

Молчим.

— Поясню, — говорит Хрущев. — Прошлый раз после нашего совещания на Ленинских горах, после нашей встречи, на завтра же вся зарубежная пресса поместила точнейшие отчеты. Значит, были осведомители, холуи буржуазной прессы! Нам холоуев не нужно. Так вот, я в третий раз предупреждаю: добровольные осведомители иностранных агентств, уйдите. Я понимаю: вам неудобно сразу встать и объявиться, так вы во время перерыва, пока все мы тут в буфет пойдем, вы под видом того, что вам в уборную нужно, и проскользните и смойтесь, чтобы вас тут не было, понятно?

Вот такое начало.

Ну, а потом пошло, пошло — то же, что на Ленинских горах, но, пожалуй, хуже. Уже никто возражать не смел. Щипачеву просто слова не дали. Мальцев попробовал было что-то вякать про партком Союза писателей, на который особо напали, но его стали прерывать и просто выгнали, не дали говорить. А те, кто говорил, благодарили за то, что в искусстве наконец наводится порядок и что со всеми этими бандитами (иначе их уже не называли — абстракционистов и молодых поэтов), со всеми этими бандитами наконец-то расправляются.

Признаться, я запомнил, какие выступления были в первый день, какие — во второй. Два выступления было ключевых, я бы сказал. Одно — донос в очень благородной форме о том, что Вознесенский давал интервью в Польше вместе с группой молодых поэтов, и в этом интервью был задан вопрос, как он относится к старшему поколению и т. д., как с по-

колениями в литературе. И он-де ответил, что не делит литературу по горизонтали, на поколения, а делит ее по вертикали, для него Пушкин, Лермонтов и Маяковский — современники и относятся к молодому поколению. Но к Пушкину, Лермонтову и Маяковскому, к этим именам он присовокупил имена Пастернака и Ахмадулиной. И из-за этого разгорелся грандиозный скандал. Это было уже во второй день, помоему.

А в первый день, если не ошибаюсь, было еще выступление Пластова. Вышел такой человек с проборчиком, скромненький, не молодой и не старый, глуховатый или притворявшийся глуховатым, с простонародным говорком таким, и начал, беспрерывно кланяясь, благодаря партию и правительство и лично Никиту Сергеевича Хрущева, рассказывать самые удивительные истории.

Начал он так:

— Вы знаете, Никита Сергеевич, после того заезде, на Ленинских горах я, воодушевленный, восхищенный, старался запомнить все. Ведь это ж историческое событие. И вот записал себе заметки и поехал к себе, где я живу (я живу далеко, в глубинке, там у нас совхоз, колхоз когда-то был), еду и в поезде все повторяю, чтобы не забыть, и ваши слова, и слова товарища Ильичева, и что говорилось, и как говорилось.

Приезжаю, ну, меня на станции на санях встречает Семен (не то Семен, не то Григорий — теперь уже не помню), он старик уже теперь окладистый. Когда-то я его пастушонком написал. Приятель мой.

Сел я и все жду, что он заговорит со мной об этом великом событии на Ленинских горах. А он все не говорит, не говорит. Так, говорит, кто болен, кто здоров, кто помер, кто жив — как, что.

Я ему говорю: «Что ж ты меня не спрашиваешь про событие-то?» — «Какое событие?» — «Ну, на Ленинских горах совещание интеллигенции с правительством, художников». Он говорит: «А что, тебе влетело, что ли?» Я говорю: «Да нет, я, наоборот, на коне, другим влетело — абстракционистам, они оторвались от народа». Он говорит: «Как — оторвались от народа? Они что, из иностранцев или графов?» Я говорю: «Да нет, свои, но оторвались». Да вы что, газеты-то читаете?» А тот мне: «Которые читаем, которые так раскуриваем».

Приехал я к себе, ну никто ничего не знает, Никита Сергеевич. Там не только что абстракционизм или там сюрреализм, там и что такое реализм, никто не понимает. Учителюша ко мне пришла, просит: «Дайте мне хоть Репина какую-нибудь репродукцию, показать ребятам. Я же не знаю, чего объяснять-то». Ну, собрались мужики, я им говорю, они говорят: «Ты поговори с таким-то, с Удиновым, он на почте работает, он все читает, все знает, мы в этом деле не понимаем». И спрашивают меня: «А что этим художникам, платят?» Я говорю: «Платят». «И хорошо платят?» — «Да платят». Они говорят: «Это чудно, мы вот уж который месяц только галочки ставим, зарплату не получаем, а тут, оторвавшись от народа, а платят!»

И вот в этом роде он все говорил. Его Хрущев пытался прерывать, вставлять замечания, он повернется: «Ась? Да-да, вот я и говорю!»

Например, такой эпизод:

— Приказали мне доярку такую-то написать. Я посмотрел на нее и в фас, и в профиль. Ну, ничего нет в ней ни героического, ни романтического, ни реалистического — ну как ее писать?

Продолжение на стр. 25.

СОТНИ ТЫСЯЧ ГОРОЖАН — ЛЮБИТЕЛЕЙ-САДОВОДОВ ПОЛУЧИЛИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ. КАК ПРАВИЛО, НА НЕУДОБНЫХ МАССИВАХ, ИСКЛЮЧЕННЫХ ИЗ ПАШНИ. ИНЫМ ПОВЕЗЛО БОЛЬШЕ: УЧАСТКИ ИМ ВЫДЕЛИЛИ В ЗАБРОШЕННЫХ ДЕРЕВНЯХ. НО И ТЕ И ДРУГИЕ ДОВОЛЬНЫ: ИСТИННЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ САДА-ОГОРОДА, КОПАНИЯ В ЗЕМЛЕ ЗНАЕТ, ЧТО ЧЕРЕЗ «ТЕРНИИ» ОН НЕПРЕМЕННО ПРИДЕТ К «ЗВЕЗДАМ» — ХЛОПОТЫ ЕГО ОКУПАЮТСЯ ПЛОДАМИ, ЯГОДАМИ, ВИТАМИННОЙ ЗЕЛЕНЬЮ, А ТАКЖЕ ЗДОРОВЬЕМ — ДЛЯ НЕГО И СЕМЬИ.

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
Александр НАГРАЛЬЯН (фото)

КАК ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ
С ПЕРВЫХ ШАГОВ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ
ЕЕ НОВЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ —
ГОРОЖАНЕ,
В ДАННОМ СЛУЧАЕ МОСКВИЧИ?
С ЧЕГО НАЧИНАЛИ?
НА ЧЕМ ЛИХА ХЛЕБНУЛИ?
ПОСЛУШАЕМ, ЧТО ГОВОРIT
ОБ ЭТОМ М. Е. ВАЛЬДМАН, —
НАЧАЛЬНИК УЧАСТКА
МОНТАЖНО-НАЛАДОЧНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
«СПЕЦЭНЕРГОГАЗА»
МИНИСТЕРСТВА
ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.
ОН ЖЕ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРАВЛЕНИЯ
САДОВОДЧЕСКОГО
ТОВАРИЩЕСТВА
«ПЛАМЯ».

Н

аша организация и совхоз имени Куйбышева Истринского района заключили между собой взаимобязывающий договор на строительство к нашему поселку,

вернее к деревне Ламоново, где нам дали участки, дороги, создание системы водоснабжения и электрификацию. В свою очередь министерство обязалось помочь совхозу оборудованием для котельной и другой техникой, — рассказывал Вальдман. — Дорогу построила наша передвижная механизированная колонна и совхоз. Обошлась она нам в двенадцать тысяч рублей. Сумма не так уж велика, если разделить на сорок семь участков. Но возникли дополнительные проблемы. Во-первых, дорогу надо продлить и улучшить ее покрытие, во-вторых, ею стал пользоваться для своих нужд сам совхоз. Наши садоводы недовольны; рядом ходят тяжелые грузовики. Значит, надо добиваться сооружения обводного пути. Хуже всего обстоит пока дело с водой. По существу, на весь поселочек один колодец-родничок, да и то до него один километр. Там берем воду для питья и приготовления пищи. Для полива воды пока нет. Но со временем все наладится. Трубы есть, подведены на участки. Дело за установкой водонапорной башни у пруда. Ищем исполнителей за плату, конечно. С электроэнергией проблем нет. Газ баллонный. Истринский узел связи обещает выполнить работы по телефонизации, дать пять номеров.

— А как со строительством домов и других построек, вижу, что есть еще необжитые участки.

— Трест «Союзгазспецстрой» централизованно доставил и возвел десять хозяйственных блоков стоимостью по полторы тысячи каждый и сделал три фундамента под дома. На остальных участках каждый устраивается по-своему. Я лично использовал для разборки старой избы балки. Докупал брус. Сруб мне поставили. Обшивал его и первый и второй этаж сам. Ушло на это больше года. Но вообще со строительными материалами очень сложно, нет в магазинах нужного ассортимента. Поэтому у нас не все еще застроились. С транспортом полегче, до железнодорожной станции Снегири четыре километра по хорошей лесной дороге. За плату ходит по субботам и воскресеньям наш служебный ав-

тобус. Спрашиваете, какие урожаи? Как видите, вот поспевают своя клубника. Яблони и ягодники поднялись. Поставили парничок. Загляните к нашим соседям — Печеновым. Иван Александрович из тех пяти членов нашего товарищества, которых присоединил к нам Истринский горисполком как очередников района. Он ветеран.

У Печенова прямо-таки ботанический сад: кроме обычных овощей и ягод, облепиха, айва, болгарский перец, баклажаны... Мы осторожно ходили вдоль тщательно возделанных, без единой сорной травинки грядки горожанина на сельской земле. Сколько в них вложено любви, труда и терпения! Наслаждались благодатной тишиной, столь непривычной для уха, оглушенного моторами.

***

Все, что мы видели, вдохновляет на мысли о том разумном и прекрасном, что может быть в Подмосковье, но

с каким же усилием и напряжением оно достается! Не надо обладать особым воображением, чтобы представить, каково пожилому человеку, например, или инвалиду толкать тачку, нагруженную ведрами с водой! Разве не сельским Советам заботиться о том, чтоб и горожанам жилось тут полегче? Райагропрому это не под силу, у него своих забот навалом, ему бы успеть отводить землю желающим. А таких очень много. Истринский район облюбован москвичами: здесь проходят автомагистрали и железная дорога; природа живописная: прихотливый рельеф, изрезанный речками и ручейками, прудами и озерами, много лесов. Не случайно здесь санатории, пансионаты, базы отдыха.

Тут же нашли пристанище, как сообщил нам Виктор Алексеевич Анцупов, председатель районного Агропрома, и многие садоводческие товарищества.

— Конечно, мы не раздаем землю направо и налево, — продолжал он. — К каждому случаю выделения массивов, участков — то ли в деревне, то ли на неудобьях — исполком относится предельно взвешенно и внимательно. Но в районе решительно покончили с той нелепой ситуацией, когда десятки лет земля пустовала, плодила сорняки, а некто в Москве, имеющий, кстати, не одну дачу, не «пускал», не «дозволял» — сидел этаким «собакой на сене». Понятно, земля в Подмосковье имеет особую цену, учитывая плотность населения столицы и самой области, ограниченность территории. Но все равно резервы есть в большинстве районов, стоит только честно провести инвентаризацию земель. Вельможные опасения, изыски некоторых «теоретиков», что-де человек непременно разложится на шести сотках, просто смешотворны. Нам очень помогло, что теперь будет ежегодно выделяться по стране миллион с лишним участков для нужд садоводов. Обратили внимание на пустующие деревеньки, закустаренные неудобья. Сейчас в районе уже 15 тысяч домиков в 150 товариществ.

В этом году начнут обустраиваться еще 80—90 коллективов. Значит, еще семь-восемь тысяч московских семей приблизятся к природе, — приводил цифры Анцупов. — Предпо-

лагаем отдать им еще три «умирающие» деревни, в которых доживают свой век по три-четыре избы. Для оформления отвода земли при Мосгипросельстрое создан кооператив, он готовит проектно-сметную документацию. Немалую помощь по застройке оказывает Истринское РСУ Мособлжилстроя и кооператив «Прогресс». ДСУ Автодора строит подъездные пути, за прошлый год — на 55 тысяч рублей. В Новом Иерусалиме работает магазин стройматериалов, за год он реализовал 136 домиков и хозяйственных построек, перевыполнив розничный план по торговле. Кроме того, магазины стройматериалов работают в Дедовске и откроется в поселке Румянцево. Доставкой ведаёт Истринское производственно-транспортное объединение. Оно же по договорам обслуживает садоводов за плату по воскресеньям и субботам. Электрички в эти дни страшно перегружены, мы добиваемся пуска дополнительных поездов. Что делается еще? Предоставляем садоводам за их счет органические удобрения. Долгое время их не хватало. С завершением строительства компостохранилищ в Глебовском производственном объединении проблема эта будет полностью решена. В районе создано общество садоводов. Его члены имеют возможность получить торф, садово-огородный инвентарь. Продуман и сбыт выращенных плодов — открыты пункты заготконторы.

Мы, конечно, понимаем, что далеко не все потребности и запросы горожан удается удовлетворить местными организациями. Ведь население района в летнее время увеличивается чуть ли не вдвое: к 115 тысячам прибавляется самое малое еще девяносто. Возникают сложности и перебои с продуктами первой необходимости — молоком и хлебом. Мы неоднократно ставили вопрос об увеличении фондов району на летний период, но ответа не получили. Хорошо, если бы нам передали частично фонд города Москвы для тех же самых москвичей, которые живут у нас летом. Это касается не только нашего, но и целого ряда других районов области, облюбованных жителями столицы. Ведь садоводческие товарищества — важная часть социальной политики, и все вопросы, касающиеся их, должны решаться оперативно — в духе перестройки.

Председатель РАПО В. А. Анцупов (справа), его заместитель А. Г. Мельников, агроном Т. П. Кашуба и директор совхоза «Онуфриевский» А. И. Никищенков выбирают место для нового садоводческого товарищества. Здесь раньше была деревня Житяино

...ПОЛУЧИЛОСЬ ТАК, ЧТО НА РАБОТУ МЕНЯ ПОСЛЕ ПОЧТИ МЕСЯЧНОЙ БОЛЕЗНИ НАКОНЕЦ-ТО ВЫПИСАЛИ — В ПЯТНИЦУ, ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ. РЕШИЛ СЪЕЗДИТЬ В МИНИСТЕРСТВО, ОТОБРАТЬ ИЗ НАКОПИВШИХСЯ БУМАГ САМЫЕ СЕРЬЕЗНЫЕ — ПОМОЗГОВАТЬ ДОМА В СУББОТУ И ВОСКРЕСЕНЬЕ.
МОЯ ВНУЧКА, ВТОРОКЛАССНИЦА, СТАЛА КАНЮЧИТЬ:
— ВОЗЬМИ МЕНЯ С СОБОЙ — Я НИКОГДА НЕ БЫЛА У ТЕБЯ НА РАБОТЕ, А МНЕ ЭТО НАДО — ПОНИМАЕШЬ, НАДО! НУ, ВОЗЬМИ, ДЕДУЛЯ, Я БУДУ ХОРОШО СЕБЯ ВЕСТИ!
А ПОЧЕМУ БЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ВЗЯТЬ?
В МИНХИМПРОМЕ ВНУЧКА ВЕЛА СЕБЯ, ЧТО И ГОВОРИТЬ, ВЕСЬМА СЕРЬЕЗНО И СОЛИДНО. ВСЕ, СОБСТВЕННО, ПРОЯСНИЛОСЬ, КОГДА МЫ ВЫШЛИ НА ШУМНУЮ В ЭТОТ ПРЕДВЕЧЕРНИЙ ЧАС УЛИЦУ КИРОВА. ВНУЧКА ОСТАНОВИЛАСЬ, ПОВЕРНУЛАСЬ КО МНЕ ЛИЦОМ И ПОДНЯЛА ГЛАЗА:
— ТАК ВЕДЬ ОНИ ЖЕ РАБОТАЮТ? — КТО РАБОТАЕТ, МАШУНЯ? — ЭТИ, У ТЕБЯ В МИНИСТЕРСТВЕ.
Я ЖЕ САМА ВИДЕЛА — ОНИ ЧТО-ТО ТАМ ПИШУТ, СЧИТАЮТ НА МАШИНКАХ, ПО ТЕЛЕФОНУ ОБСУЖДАЮТ, ДА?
— А ЧТО ОНИ, ПО-ТВОЕМУ, ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ? —
Я ВСЕ ЕЩЕ НЕ ПОНИМАЛ. — ОНИ ЖЕ РАБОТАЮТ!
А ЗА ЧТО ВАС РУГАЮТ ВСЮДУ, ЧТО ВЫ БЕЗДЕЛЬНИКИ И ЭТИ... БЮРОКРАТЫ?
Я ВДРУГ ПОНЯЛ — ДЕВЯТИЛЕТНЯЯ ДЕВОЧКА СТЕСНЯЛАСЬ, ЧТО ЕЕ ДЕД ТРУДИТСЯ В МИНИСТЕРСТВЕ, И ХОТЕЛА САМА, СВОИМИ ГЛАЗАМИ УБЕДИТЬСЯ, ЧТО ТАМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РАБОТАЮТ, А НЕ БЕЗДЕЛЬНИЧАЮТ...

УПРАВЛЯТЬ УПРАВЛЕНЦУ

Наугад ткните пальцем в любой абзац почти любой статьи в газете или журнале — либо в нем, либо десятью строками выше-ниже обязательно встретятся выражения типа «бюрократизм системы управления», «консервативный командно-бюрократический аппарат», «чиновники со своими чиновничьими интересами». Прodelан такой весьма научный эксперимент — в обычном номере «Литературной газеты» (от 11 мая 1988 года) на полосах десятой, одиннадцатой и двенадцатой (на тех, где обычно помещаются публицистические материалы) подсчитано количество «бюрократов», «чинуш», «командно-административных стилей» и производных от них. Результат наводит на некоторую даже оторопь! Пятьдесят два раза повторяются эти слова и словосочетания!

Надо, наверное, разобраться, додумать надо с истоков и до конца: почему вдруг средства массовой информации (если по-честному, не они одни) так обрушились именно в этот момент и именно на нас, работников аппарата управления?

Самое простое объяснение лежит на поверхности: минуло три года перестройки, а конкретных положительных результатов пока маловато. Надо же кого-то обвинить в противодействии, возложить на кого-то вину за отсутствие быстрых успехов.

Прием «Вот они, виноватые во всем, — бейте их!» не новый, опробованный и обычно помогающий на какое-то время сбросить «давление в котлах» прием. При этом, как правило, не так уж важно, на кого указывать перстом — на католиков или гугенотов, на грамотных или студентов, — можно с тем же успехом обвинить во всех смертных грехах горбатовых или рыжих, суть приема от этого не меняется.

Да, такое объяснение действительно самое простое и уже поэтому хотя бы далеко не полное. На самом деле, думается, перестройка действительно пришла в непримиримое противоречие

с действующей системой управления — это объективный факт. Коль скоро мы решили дать предприятиям самостоятельность и независимость от идущего сверху субъективного приказа, функции управления резко меняются. Образно говоря, работники сферы управления из командиров должны превратиться в инструкторов, в советчиков, рекомендуемых предприятиям грамотные технические, экономические и организационные решения. Должны превратиться, но не превратились. Почему?

Но, может быть, дело в заведомо бюрократической психологии работников аппарата, в их неистребимой привычке к администрированию, в пылкой любви к командирскому тону? Возьму на себя смелость утверждать, что такое предположение — ерунда и чушь! В том главке, где я работаю, должности двенадцати человек включают слова «начальник» или «зам. начальника». Надо думать, выбирали для руководящей работы отнюдь не худших и уж, во всяком случае, не косных или, как теперь говорят, заторможенных работников. Так что ж, переступив министерский порог, они тут же изменили привычки, психологию, навыки в стиле работы, строй мыслей?

И уж коль скоро взялся я за такую нелегкую и щекотливую тему, как перестройка системы управления, кто ж разберется за меня? Поэтому говорил я со многими коллегами и из своего, и из других ведомств: они-то что обо всем этом думают? Были и серьезные, умные ответы — они вошли в эту статью. Но некоторые (и, увы, типовые) ответы просто поразили.

Вот вариант № 1 — отвечает всем довольный клерк с мыслительным аппаратом облегченного типа:

— Ну, старик, слушай, старик, ты даешь! Чего суетишься, чего портишь цвет своей селезенки? Зарплату платят исправно? Так в чем вопрос? Я тебе, старик, так скажу — мне эта штука, насчет самостоятельности предприятий, во-о-о как по душе! Звонят мне с заводов: «Тут у нас прокол, там у нас завал!» — а я им: «Вы за самостоятельность боролись? Вы ее получили? Так в чем вопрос?! Выбирайтесь из своих завалов в точном соответствии с Законом

о государственном предприятии — абсолютно самостоятельно». И — грандиозный привет! Я тебя, старик, прошу, в смысле умоляю, помни только одно — нервные клетки не восстанавливаются!

Вариант № 2 — отвечает работник опытный, с большим стажем, из тех, что в управленческой специфике съели целую стаю собак:

— Стало быть, не хотят, чтобы я командовал производством? Ради бога! Пусть выполняют план и поставки, пусть повышают технический уровень производства и качество продукции — и я буду молчать, как рыба. Но если начнут срывать... Закон о предприятии — дело хорошее, нужное. Однако спина и прочее, по которому меня будут бить, — извини, у меня тоже не двоюродные. Закон законом, а таких чертей с матерями выдам, что у них телефоны порасплавляются! И поставь меня сегодня перед Политбюро — я то же самое скажу, и меня поддержат, если хочешь знать! Потому что когда мы, министерство, срываем, нам тоже такие «любезности» выдают, что хоть к отоларингологу беги, уши прочищать...

Вариант № 3 — телефонный разговор с директором курируемого мной завода, на котором мы когда-то оба начинали свою трудовую жизнь сменными мастерами:

— Уважаемый директор, я глубоко убежден, что делать надо так и только так, как я тебе написал. Но командовать в сегодняшних условиях, сам понимаешь, права не имею, так что...

— Ладно, не прибедайся, а то слезу из меня выжмешь. Ты командуй, командуй, мы не возражаем — пока будешь командовать на пользу заводу, никто не против. А если начнешь не туда заворачивать — тут мы, можешь не сомневаться, о Законе вспомним и министерству укорот дадим незамедлительно.

И, наконец, вариант № 4 — отвечает пенсионер, бывший крупный и весьма ответственный работник системы управления:

— Ну, что вам сказать, друг мой? Вопросы и тревоги ваши мне понятны, но... как бы это, чтоб вас не оби-

деть... Короче, кончайте вы свою просветительскую деятельность, хе-хе-хе! Статьки эти... я не хочу сказать, что вы наживете себе неприятности... время такое, что поощряет как бы... А все-таки замахиваетесь на что? — на постановления партии и правительства, вот! Я-то понимаю, что вы все это из гражданских, так сказать, чувств... да... сила общественного мнения и все такое... газеты на досуге почитываем, хе-хе-хе! Я понимаю, но кто-то может ведь и не понять, так? И опять же — каков эффект? Помнится, перед принятием Закона вы тоже статью опубликовали... крик души, так сказать... И что? Так зачем вам эта... как бы сказать... головная боль, а? Системы на моей памяти меняются не в первый раз... что мы умеем, по чему мы обогнали весь цивилизованный мир — так это по сменам систем управления, хе-хе-хе! Пережили как-то, знаете... приспособились. Надо, надо приспособиться и при любой системе делать что-то по-настоящему полезное для отрасли, вот. А не, извините, плевать против ветра, хе-хе-хе!

Еще раз повторю — были, конечно, разговоры и куда более продуктивные, но в основном с вопросами, а не с ответами на них. Похоже, что сегодня этих ответов большинство работников сферы управления просто не знает и терпеливо ждет, что либо окончательно разгонят всю эту сферу, либо все со временем притрется, утрясется и образуется...

Сфера управления, очевидно, должна управлять. Чем управлять? Производством, конечно, больше просто нечем. Значит, вопрос в том, как управлять, не командуя. К этому очень важному «как» мы еще вернемся, а сначала посмотрим: какие-то подвиги должна свершить эта сфера в новых условиях?

Я вот на что прошу обратить особое внимание — в любом директивном правительственном документе (постановлении, распоряжении, поручении) сегодня, как и вчера, как и десятилетия назад, обязательно есть привычные фразы: «Такому-то министерству обеспечить организацию выпуска того-то в такой-то срок». Эти «директивки» скреплены высокими подписями руко-

водителей — тех самых, что в публичных выступлениях с жаром и убежденностью говорят о перестройке сверху донизу, о примате производства над управлением, о необходимости ничем не замутненной самостоятельности предприятий в вопросах планирования, да и в других вопросах тоже. А идут сегодня, надо сказать, эти «директивки» таким могучим косяком, что только успевай, управленец, читать! Удивительно, времена новые, а стиль директивных указаний традиционный, будто и нет никакой перестройки.

Вот теперь и подумаем вместе: что же надо делать сфере управления, чтобы и Закон не нарушить, то есть не командовать, и директиву выполнить, а значит, давить на завод, заставлять его организовывать производство, выпускать нужную продукцию, иначе говоря, командовать? И — хочешь, не хочешь — снова мы приходим к этому «как» — как управлять в новых условиях, каким методом?

Ах, да, ясно же сказано — экономическим.

Попробуем разобраться и в этом — что означает фраза «экономические методы управления» в переводе на обычный язык. На одном из занятий в системе политехбы был дан такой примерно все проясняющий ответ:

— Вот, предположим, на энском заводе надо организовать производство новой продукции. Лимитная цена, скажем, сотня за тонну или за штуку. Завод говорит: «Резону нет, навару не получим». Тогда ты спрашиваешь: «А по сто пятьдесят будешь делать?» Он подумал, прикинул: «Нет, и по сто пятьдесят не хочу, а вот по двести берусь!» И ты платишь ему по двести рубликов и таким образом экономически, без нажима и диктата, управляешь предприятием!

Тут, правда, еще большой вопрос — кто кем управляет... Но очень похожие (хоть и выраженные более научнообразно) пояснения дают и наши академики-экономисты в очередных интервью на радио, по телевидению или в печати. Что ж, разберем для начала именно такой случай — необходимость организации нового производства (или его расширения) в составе действующих. Недавно была очень похожая ситуация по одному грунтовочному продукту — директору завода разрешили самому записать любую цену, а он все же отказался: нужны дополнительные люди, а у него под боком металлургический гигант и действующее-то производство укомплектованы не полностью; появляются нехорошие стоки, пусть и небольшие (надо уговаривать десять инспекций); зачем ему, директору, вся эта морока, если потребность в продукте небольшая и особой перспективы ее роста не видать?

Так и не уговорили... Честно признаюсь, очень хотелось приказать, обязать, «нагнуть», заставить — нельзя! А грунтовка... что ж, грунтовка будет без этого продукта чуть похуже, не такая стойкая, но мир от этого не перевернется в конце концов... в крайнем случае закупим по импорту за самотлорскую нефть...

А если бы уговорили? Тут возникают для академиков сразу три простеньких вопроса. Разве цену на продукцию устанавливает министерство? А если потребитель не захочет брать какую-то комплектующую продукцию по цене, которая делает его собственное производство невыгодным, — как тогда экономически управлять? И даже если в каких-то случаях (как, например, в деле с грунтовкой) цену в рамках одного ведомства можно поднять — к чему это приведет? Не ко всеобщей ли инфляции?

Может быть, есть и другие экономические методы управления? Может, и есть, только мы их не знаем.

Но это все пока относилось, в сущности, лишь к одному (и не самому важно-

му) аспекту работы — расширению существующего или организации нового производства по традиционной технологии. Все становится на порядок сложнее, когда речь заходит о технологии принципиально новой — той самой прогрессивной технической политике, которую обязано проводить министерство. Давайте для начала откроем секрет, признаемся честно сами себе в трех истинах, которые и без того мы все прекрасно знаем. Во-первых, до сих пор мы говорили о новой глобальной технике, а внедряли чаще всего мелочи, рацпредложения. А тут нужны принципиальные, коренные изменения и процессов, и их аппаратного оформления, и конструктивных материалов, и методов автоматизации и контроля — всего! Во-вторых, внедрять настоящую новую технику предприятию невыгодно было вчера и еще невыгодно стало сегодня (почему — о том написано немало и правильно, повторяться не хочу, примем это за аксиому). В-третьих, системы внедрения нового как не было у нас, так и нет по сей день. У капиталиста система действует в автоматическом режиме — не внедришь новое, вылетит с рынка. Чем заменено это у нас?

Вот, признав это все и не отрываясь от грешной земли, не вдаваясь в высокую теорию, рассмотрим теперь еще один конкретный пример — внедрения новой техники (или, говоря стилем высоким, реализации активной и прогрессивной технической политики), где ценой поиграть нельзя даже в принципе.

Итак, разработана наукой новая прогрессивная технология — применительно к моей разлюбезной химии, предположим, мембранная или лазерная. Определено, что ее внедрение будет стоить заводу миллион рублей, снижение себестоимости продукции составит 200 тысяч (окупаемость затрат — 5 лет; совсем неплохой, кстати, показатель), выпуск продукции на тех же мощностях возрастет на четверть. Хороший процесс? Отличный, не так ли?

Раньше министерство своей властью включало внедрение нового метода в план новой техники — и «нагибало» директора завода, чтобы этот план был безусловно выполнен, ибо план — закон!

При новой системе управления нам надо экономически... что, собственно, надо экономически? При вполне приличном нормативе отчисления от прибыли в 30 процентов и с учетом увеличения объема производства на четверть завод получит в свои фонды тысячу сто (а потратил, помните, миллион) — и для самого предприятия хорошая окупаемость затрат в пять лет превращается в недопустимое десятилетие — под такую эффективность и кредита банк не даст. А сам по себе рост объема производства — что он, этот осужденный и проклинаемый вал, дает сегодня заводу? Склады надо расширять, грузчиков нанимать, с вагонами добавляться лишние мучения, с поставками сырья... Так чем же соблазнить завод, чтобы он сам, по собственной раскрепощенной инициативе включил новую технологию в свой план внедрения?

Академики еще, правда, говорят, что управлять надо также системой экономических методов; звучать это на практике очевидно, должно так: «Будете послушными, станете внедрять прогрессивные разработки — министерство установит нормативы по льготнее, повесомей, а не будете — тысяча извинений, не обижайтесь, но...». Или не так? Тогда как? Мы-то по наивности своей считали, что нормативы должны быть объективными, научно вычисленными и долговременными. Что использовать их нельзя ни в качестве кнута, ни в качестве пряника. Может, неправильно считали?

И все это не относилось к управлению непосредственно производством —

грубо говоря, к плану и поставкам. А этим наиважнейшим процессом как управлять? С помощью того самого заказчика, который потребовал разработки специального законопроекта? Тут вопросов вообще воз и далеко не маленькая тележка. Как сделать, чтобы директор, например, шинного завода выпускал не только более выгодные для него покрышки к «БелАЗам», но и менее прибыльные к «Жигулям» (или наоборот, суть вопроса от этого не меняется)?

Коль скоро автору захотелось задавать вопросы, нельзя отказать в таком же праве и читателям. И их первый вопрос нетрудно предугадать:

— А не является ли автор врагом и недоброжелателем перестройки?

Что ж, тут ответ есть четкий и исключающий толкования — нет, не является; наоборот, он ее горячий и честный сторонник. Но не зря М. С. Горбачев много раз повторял, что перестройка — дело новое, что идем мы путем неизведанным, на котором неизбежны какие-то просчеты, срывы, упущения, просто ошибки. Вот сегодняшнюю «кампанию» против системы управления как таковой автор и считает ошибкой — имеет ведь он право на свое мнение? Помнится, в период обсуждения проекта Закона о государственном предприятии вопросы, подобные упомянутым в этой статье, тоже задавались, но были напроць заглушены тогда дружным хором сторонников самостоятельности, неистовых приверженцев независимости производства от забюрократизированной сферы управления. Сегодня самостоятельность и независимость закреплены законом, но вопросы-то остались. Их бы надо решать, однако теперь уж положение Закона не дает сделать шаг в сторону разумного сочетания единичности и самостоятельности.

Истина вообще нередко лежит посредине между крайними точками зрения. Был вредный, не соответствующий периоду интенсивного развития уклон в мелочную регламентацию, в стремление все централизовать, командовать из столицы всем и всеми. Но появился другой уклон — в неограниченную, какую-то прямо анархическую самостоятельность, без признаков сколь-нибудь заметной единой отраслевой и государственной политики, рассматриваемой как злонамеренное покушение на принципы перестройки. Святая вера в то, что раскрепощенное предприятие само решит все государственные проблемы, конечно, умиляет, но не более того...

Может быть, истина и здесь посредине? И на второй обязательный вопрос читателей: «Для чего написана эта статья — что автор, собственно, предлагает?» — ответ будет тоже однозначный: автор предлагает найти эту «золотую середину» между единоначалием системы управления и «что хочу, то и ворочу» предприятия, внести при необходимости изменения в Закон.

Один студент даже предложил в печати министерства и прочие подобные ненужные органы пустить под топор, а вместо них создать некий «информационный экономический центр». Как говорится, непонятно, но здорово!

Что касается колоссального аппарата, цифра, которая многих потрясла и ныне у всех на устах (18 миллионов управленцев!), с самого начала вызвала у меня недоверие: пусть в Москве сотня министерств и госкомитетов по две тысячи человек в каждом да в республиках штук по тридцать да человек по пятьсот — итого «бюрократов»-то и на полмиллиона не тянет! И только недавно узнал: оказывается, в этих устрашающих миллионах — и директора парикмахерских, и худруки театров, и домоуправы, и прорабы на стройках, и заведующие роно, и работники заводууправлений... Увы, молодой уважаемый автор проекта создания Информационного экономического центра, не получится перевод многомиллионной ар-

мии к станку, никак не получится! Разве что предложить ликвидировать вообще все должности, в названии которых фигурируют «директора, начальники и управляющие», — одним словом, всех руководителей одним махом! То-то будет весело, то-то хорошо!

И наконец, третий вопрос, который обязательно зададут автору самые ортодоксальные читатели, будет звучать так:

— Что, соскучился, милоч, по старым временам, когда мог и командовать, и отчеты запрашивать, и ЦУ давать?

Ну, что ж, надо «колоться»: бумажки (протоколы всякие, проекты приказов и распоряжений, письма на «высочайшие имена») писать, говорить, действительно навострился за два десятка министерских лет — специфика такая, пришлось навостриться. Но до этого полтора десятилетия работал на заводе и в институте — вроде бы тоже кое-что и знал, и умел. Иначе, надо думать, не позвали бы в министерство. Но что могу сказать твердо и абсолютно уверенно — ни я, ни подавляющее большинство моих коллег-управленцев командовать никогда не любили и делали это по необходимости.

Да и по старым временам я не соскучился, просто хочу посоветоваться со знающими и думающими людьми: как управлять, не управляя? И как мне, волею судеб работнику сферы управления, лучше и полезней для дела, для страны выполнять свои обязанности?

Когда я пишу «хочу посоветоваться», то не кокетничаю и не кривлю душой. Просто читаешь статьи типа откровений названного выше студента и приходишь к выводу, что либо крепко чего-то не понимаешь (тогда-то и нужен совет умного человека), либо чего-то не понимают авторы подобных опусов. А ведь печатается и более зубодробительное — один доктор наук из Тюмени дописался вот до такого: «Ничего клерки не производят в своих роскошных кабинетах — ни хлеба, ни мяса, ни машин, ни материалов, а кушать хотят три раза в день, да чтоб послаще кушать! Стало быть, паразитируют они на честном трудовом теле рабочих и крестьян!» — и назвал управленцев... кем бы, вы думали? — враждебным классом!

Даже как-то неудобно реагировать на такие вот мудрые высказывания доктора. А сколько хлеба и ситца производит он сам? А что производит армия? Какую продукцию вырабатывают врачи и дипломаты, учителя и экскурсоводы, дирижеры симфонических оркестров и футболисты? Ах, вот как?! Оказывается, армия нас охраняет, медики лечат, музыканты услаждают, а педагоги учат. Так вот — работники сферы управления, извините за нескромность, управляют. И не надо нервничать и пугаться этого простого слова. Недаром ни одному ученому, ни одному футболисту не платят за рубежом столько, сколько хорошему управляющему. Правда, только хорошему — плохие там не задерживаются и в другие кресла не пересаживаются, их ликвидирует дарвиновский естественный отбор.

Вообще, знаете, почитаешь-почитаешь этикие откровения студентов и докторов и хочется громко завопить:

— Дорогие вы мои противники управленцев и всяких прочих клерков! Хотите кардинальных перемен? За чем же дело стало? Будем логичными до конца и действительно разгон... виноват, ликвидируем сперва министерства, потом госкомитеты и все иные ведомства, потом... кажется, мне куда-то заносит... Не будем все под корень ликвидировать? Тогда кончайте меня позорить! Тут такое, понимаете ли, дело — у меня есть внучка, девятилетняя Машенька, и мне хочется, чтобы она уважала деда...

Феликс ТАТАРСКИЙ,
почетный химик,
работник Минхимпрома СССР

Готовя этот материал, я просмотрела практически все статьи о СПИДе в нашей печати. Главный вывод почти каждого материала — а в качестве авторов выступали и журналисты, и специа-

листы, — чуть утрируя, таков: если группы риска, то есть проститутки, гомосексуалисты и наркоманы, образуются и перестанут быть проститутками, гомосексуалистами и наркоманами, то СПИДа у нас не будет. Но могут ли они образиться перед лицом угрозы СПИДа? Реально ли это?

С этого вопроса началась наша беседа с доктором философских наук, социологом, членом Международной Академии сексологических исследований Игорем Семеновичем КОНОМ.

— Я пока слышал только об одной проститутке, которая так испугалась СПИДа, что сменила профессию. Бывает, что в анонимные пункты проверки на СПИД обращаются женщины, узнавшие каким-то образом: иностранцы, с которыми они контактировали, заражены. Когда анализ их успокаивает: пронесло, — вы думаете, они бросают свое занятие? Нет. Хотя и пережили сильный испуг, и поняли прекрасно, что были в смертельной опасности.

Вообще, если говорить о проститутках и наркоманах... Беда в том, что эти группы риска с точки зрения угрозы СПИДа — это еще и группы риска в более широком смысле. Это люди, склонные к риску. Люди же с развитым самоконтролем, а тем более мнительные, люди с обычной, нормальной тревожностью за свое здоровье, карьеру, будущее, с чувством ответственности за свою жизнь вряд ли станут наркоманами или проститутками, даже если захотят. Надеюсь, понятно: я вовсе не говорю, что проститутки и наркоманы — смелые люди. Просто у них отсутствует элементарный, нормальный, необходимый страх за свое здоровье и свою судьбу, за возможность реализоваться в этой единственной жизни, который и держит иных в руках.

Еще сложнее с гомосексуалистами.

Во-первых, это весьма многочисленная группа. По подсчетам ученых, исключительно гомосексуальный образ жизни ведут 2—5 процентов мужского населения. Что же касается эпизодических контактов, особенно среди подростков, то они вообще не поддаются учету.

Во-вторых, для большинства людей сексуальная ориентация не является делом свободного выбора. Коррекция возможна лишь у некоторой части гомосексуалистов, причем дело это архитрудное, а в нашей стране, где сексология находится в пленках, тем более. Журналисты и врачи, утверждающие обратное, вводят общественность в заблуждение. По невежеству... Для многих людей вопрос стоит так: гомосексуальная половая жизнь или никакой.

Вообще меня стали всерьез беспокоить настойчивые разговоры о группах риска. Мы как бы отгородились от проблемы СПИДа этими группами: мол, СПИД — это там, у них, за непроницаемой стеной, а тут у нас все спокойно. Но стены нет, группы риска обитают не на Луне, а здесь, среди нас. И, простите, половой жизнью живут не только группы риска. Вполне добропорядочные люди тоже занимаются сексом, и не только со своими супругами, хотя бы потому, что не у всех есть семья.

Давайте наконец скажем честно: опасность заразиться СПИДом уже давно вышла из «резерваций» групп риска. Сначала лидирующей группой риска были гомосексуалисты. Эта субкультура чрезвычайно осуждаемая, поэтому контакты здесь чаще анонимные, деиндивидуализированные и беспорядочные, с разными партнерами, которых бывает и по 50—60 за год. Естественно, что эпидемия здесь распространяется быстрее. Гомосексуалисты приняли на

ЖИЗНЬ ПРИ СПИДЕ

ГОТОВЫ ЛИ МЫ?

У женщины, зараженной вирусом СПИДа, с 50-процентной вероятностью может родиться инфицированный ребенок. Это статистика. Да, человечество уже знает и такую статистику... Врачи в этих случаях не могут твердо настаивать на аборте — есть 50 процентов надежды.

Я ожидала всего — только не этого. Ожидала слез, отчаяния, раздражения, ледяного безразличия и взгляда в одну точку, наконец злости, вызова — чего, мол, пришла! Никогда не видела беременных со СПИДом? К этому всему я еще как-то была готова.

Белокурая, кудрявая, она щебетала что-то о будущем ребенке, радостно замирала, прислушиваясь к его барахтанью... Она была счастлива.

А может, когда тебе 19 лет, ты любишь и любима, и все в твоей жизни в первый раз, невероятно, немыслимо поверить в смертельную опасность? «Не может жизнь так страшно наказывать меня, не может! За что? Ведь не за что... Она улыбнулась. — Мне кажется, все будет хорошо!».

И мне показалось тоже.

Я вспомнила недавний разговор двух женщин в автобусе: «СПИД — это у шлюх и наркоманов. У порядочных людей никакого СПИДа не может быть!».

Она вышла замуж год назад и заразилась от мужа — своего первого мужчины.

Только когда после нашего разговора она, уходя из комнаты, обернулась уже в дверях, я увидела совсем другое лицо. Лицо человека, который смотрит в пропасть.

себя первый удар эпидемии. Но сегодняшние научные данные свидетельствуют: гетеросексуальные контакты вот-вот достигнут уровня гомосексуальных по степени опасности заражения.

Зона риска стал вообще секс. И внебрачные, и добрые, и даже брачные связи.

— Значит, надо переформулировать вопрос так: может ли наступление грозной болезни заставить человечество стать нравственнее? Ведь именно на нравственность делают ставку те, кто борется с эпидемией.

— Если человек не делает что-либо из страха, вряд ли можно говорить о повышении его нравственности. Лучше подумаем вот над чем: является ли страх заразиться СПИДом сдерживающим фактором в сексуальной жизни?

Боюсь, что в очень незначительной степени, во всяком случае, рассчитывать на это нельзя.

Как только возникла эпидемия СПИДа, западные сексологи и социологи тут же начали изучать проблему, прогнозировать поведение людей в условиях эпидемии с тем, чтобы выбрать наиболее правильные пути борьбы с ней. (Кстати, непонятно, почему наши социологи до сих пор этим не занимаются.) В качестве модели взяли прошлые эпидемии венерических болезней. В частности, одну из самых больших, которая вспыхнула в американской армии после высадки союзников во Франции. Тогда существовали две тактики пресечения эпидемии. Первая: солдат убеждали не вступать в половые контакты, объясняли, сколь велика опасность заражения. Никакого эффекта, эта запретительная, «удержательная» тактика совершенно не работала, страх никого не останавливал. Причем «свалить» все на экстремальность военных условий не получается: в мирное время люди ведут себя примерно так же.

Но была другая тактика, она-то и дала положительные результаты — эпидемия круто пошла на убыль. Это пропаганда гигиенических мер, в частности презервативов.

— И все-таки сейчас пишут, что в связи со СПИДом на Западе меньше стало супружеских измен, у тех, кто не в браке, сократилось число партнеров...

— Да, такая тенденция есть и в США, и в Швеции, и в Англии, хотя это вовсе не означает, что люди там пришли к жесткой моногамии. Но не СПИД главный наставник в этой вспышке «чистоты нравов». Страх заразиться может быть сдерживающим фактором лишь для совершенно определенных категорий: во-первых, людей немолодых, у которых пик сексуальной активности уже позади, во-вторых, людей женатых, живущих стабильной семейной жизнью, ориентированных на семью. Ну, а молодежь с ее сексуальной активностью? А холостые и незамужние? Здесь СПИД мало кого испугает. Вернее, глаза бояться, а...

Почему же сексуальная революция достигла своего пика в середине 70-х годов, а потом пошла на спад? Почему в 80-е годы на Западе экстенсивность сексуальных связей уменьшилась даже среди молодежи?

После того, как полная — дальше некуда — сексуальная свобода была завоевана и уже нечего стало доказывать, выяснилось то, что в принципе было известно и раньше: с любовью лучше, чем без нее. Люди почувствовали, что сексуальные отношения дают настоящее удовлетворение и счастье, только когда они индивидуализированы. И вот вновь, уже лет 10—15 назад, пресыщенным Западом овладела идея романтической любви. Люди опять стали менее циничны и более сентиментальны. Никуда не деться от любви...

— Получается, что та самая пресловутая «сексуальная свобода», многократно разоблаченная, поруганная и истоптанная, ведет не к распущенности, как нас учили, — наоборот, к нравственному совершенствованию?..

— ...а запреты развращают. Очень

жаль, что мы так долго этого не понимали.

Современное западное общество, которое нам десятилетиями представляли как царство разврата, разгул разнузданного, бездуховного секса, — это общество на самом деле куда нравственнее, чем в прошлые исторические эпохи. Викторианская Англия (синоним строгости половой морали) была чудовищным средоточием всевозможных сексуальных аномалий, проституции (здесь современный Запад отстал в несколько раз), очень жесткая, из одних запретов, официальная культура скрывала за своим «непорочным» фасадом огромное подполье разврата.

Свобода создает новые проблемы, но одновременно и тормоза куда более надежные, чем внешние запреты.

Жесткие внешние табу — моральные, религиозные, — соблюдение которых гарантирует человеку нравственную и политическую благонадежность, вытесняют, подменяют личную ответственность, берут весь груз нравственного выбора на себя. В результате вместо нравственности — послушание, и если человек послушен, не смеет нарушить запреты — все нормально. Когда же посмел нарушить — все, ему уже море по колено, внутренних-то тормозов у него нет.

Либеральная сексуальная мораль поломала многие внешние запреты, и бремя нравственного выбора переместилось на плечи самой личности. И в процессе раскрепощения, наслаждения свободой люди — я, естественно, говорю не про всех, я говорю об общей тенденции — неожиданно обнаружили в себе большую ответственность за себя и за другого человека, вернее сказать, им пришлось учиться этой ответственности, появились внутренние тормоза. В сексуальной революции сработал автостоп, самоограничитель.

Хочу сделать важную оговорку: я никоим образом не призываю к отбрасыванию любых запретов и табу, исторически выработанных культурой. Истинная сексуальная свобода в другом — в собственном выборе.

— **Игорь Семенович, многие специалисты по СПИДу считают: поскольку советские люди более морально устойчивы и менее раскованы в сексуальной области (приводится даже такая цифра: «наш человек» вступает в половые контакты в среднем в 6 раз реже, чем «их человек»), следовательно, у нас есть преимущество перед Западом в борьбе со СПИДом.**

— По-моему, это как с преимуществом нашей административно-командной экономики перед их рыночной...

Не знаю, как специалисты по СПИДу, но я понятия не имею, что происходит с сексом в нашей стране. Сексуальное поведение в Советском Союзе — тайна даже большая, чем карта военных заводов. Потому что по сексуальному поведению нет даже закрытых сведений.

Полное отсутствие научных исследований, зато множество мифов о нашей моральной устойчивости, сексуальной нераспущенности...

Известный советский демограф Марк Тольц провел в Перми исследования по добрым зачатиям и другим таинственным явлениям. Пермское начальство обиделось: «Как оклеветан город!». Жители Перми оказались самыми аморальными, потому что исследований по другим городам не было. А потом то же самое обнаружилось в Ленинграде...

Инфекционист Вадим Покровский анонимно анкетировал тех, кто приходил проверяться на наличие вируса СПИДа, и получил интересные данные: 30 процентов обследованных указали, что в течение последних пяти лет у них или вообще не было половых партнеров, или был один постоянный; у 50 процентов за последние 5 лет было менее пяти партнеров; и у 20 процентов опрошенных — более пяти партнеров в год. Если исходить из этих данных, то действительно получается, что в среднем у нас у одного человека меньше

половых партнеров, чем в западных странах.

Но насколько социологически типична эта выборка и правдивы ее участники? Тут нужны профессиональные опросы. Поэтому не могу считать, что наша сексуальная реальность наконец, так сказать, документирована.

Итак, я не знаю, насколько наше общество сексуально «расковано» или «нерасковано» по сравнению с Западом, зато хорошо известно другое. Либерализация сексуальной морали идет у нас на фоне крайне низкой сексуальной и санитарной культуры. Врачи в ужасе: у подростков в несколько раз подскочила заболеваемость так называемыми малыми венерическими болезнями.

Вообще о каких наших преимуществах в борьбе со СПИДом можно говорить, если наш народ не знает азов гигиены секса, азов!

А ведь чтобы предохраниться от заражения СПИДом, мало сократить число половых партнеров, надо знать и уметь соблюдать множество гигиенических правил, о которых у нас и многие врачи-то не слыхали! Надо знать, что одни способы сексуальных контактов более, а другие менее опасны с точки зрения вероятности инфекции, что особенно чреваты заражением анальные контакты. И так далее...

Чтобы эффективно бороться со СПИДом, нам необходимо поднять половое просвещение на должный уровень. Без этого все наши усилия будут уходить в песок.

Вот говорю я это, а сам думаю: нереально! В ближайшее время нереально.

— **Но почему? Конечно, уроки по половому воспитанию в школе не имеют ничего общего с половым воспитанием...**

— Про эти уроки я уже устал говорить. Когда их ведет учительница ботаники и объясняет все «на примере цветков», все время хватаясь за спасительные пестики да тычинки...

Но это — следствие. И отсутствие специалистов по социологии, по психологии сексуальности — тоже следствие. И то, что даже профессора медицины у нас ничего не знают о гомосексуализме, — это тоже следствие.

Следствия было бы легко устранить. Если бы корень, из которого они произрастают, не сидел так глубоко...

Мы лицемеры. И моралисты. Страшные, жестокие лицемеры и моралисты!

На Западе сразу поняли, что никакой страх не заставит людей отказаться от секса. У нас тоже секс, слава богу, был, есть и будет. Значит, вместо увещаний и нотаций людям нужна помощь, надо сделать сексуальные отношения менее опасными.

Я был сейчас в нескольких странах. Презервативы продаются на каждом углу: в аптеках, киосках, магазинах самообслуживания (это для тех, кто стесняется попросить в аптеке)...

Вот Куба — страна, как мы знаем, небогатая. Почти все по карточкам, а что без карточек, то втридорога. Но когда я зашел в аптеку, я просто остолбенел! Несколько видов импортных контрацептивов, в том числе презервативы. Они покупают их в Японии за валюту, а продают чуть не за даром абсолютно во всех аптеках.

Дальше. Просто иметь в продаже презервативы — этого мало. Надо еще, чтобы их использовали, чтобы они вошли в традицию, были включены в сексуальную культуру... И вот во Франции вечером я смотрю концерт по первой программе. Вдруг концерт прерывается программой о СПИДе. Выступает известный профессор: «Возможно, это прозвучит нелепо, неуманно, чудовищно, но при первом половом контакте девушки должны просить молодых людей использовать презервативы. Потому что при первом сношении происходит разрыв плевры, появляется кровь, и вероятность заражения СПИДом очень велика».

А что у нас? Эх... В Москве презервативы пока есть, но зайдите в аптеку, на 100 километров

отстоящую от Москвы. Нету! Граждане чиновники, послушайте: вирус СПИДа не очень хорошо знает географию! Слушай зараженный СПИДом уже зафиксированы не только в Москве, но и в других городах, и даже в глубинке! Как же людям там предохраняться от СПИДа? Перестать знакомиться, срочно прекратить влюбляться? Или, может, пусть их, сами виноваты? Пропаганда же презервативов до сих пор квалифицируется как растление молодежи.

А стоит заговорить о плохом качестве этого товара, о том, что отечественный презерватив, мягко выражаясь, не способствует удовольствию, — тут вообще шарахаются, машут руками, будто настаиваешь на выпуске порнографических открыток.

Простите, я обращаюсь к уважаемым чиновникам от медицины: результатом сексуальных контактов должно быть удовольствие или нет? А может, Минздрав полагает, будто здесь, как в массовой физкультуре, важнее сам процесс? Не удовольствие, а, так сказать, терпение и труд?..

Итак, не важно, что мы уже вышли на первое место по количеству аборт, что наши женщины гробят свое здоровье, — мы боремся за моральную чистоту. Не важно, что наши люди заражаются СПИДом, что мы перед угрозой страшной эпидемии, — мы боремся за моральную чистоту. Пусть у нас антисанитария — зато мы чисты морально...

Для чиновника милое дело подерживать моральную чистоту вверенного ему населения. Работа непрылая — знай себе борись за высокую нравственность, держи секс под контролем общественности. Не давай ему зашкаливать... А СПИД глаза не ест.

В редакцию «Огонька» пришло письмо:

«Сейчас вы поймете, что бывают письма, которые надо публиковать без подписи.

Моя кровь дает положительную реакцию на СПИД. Мне 26 лет, и пока я чувствую себя совершенно здоровым. Что будет дальше, стараюсь не думать. Хотя бывает очень страшно.

Жене я сразу все рассказал. Она сначала была в шоке, не могла поверить. Потом сказала, что не оставит меня до конца. «А может, через год-два откроют лекарство от этого? И мы тогда тебя спасем?».

Мы пошли вместе в центр анонимного обследования, чтобы она проверилась тоже. У нее вируса СПИДа, к счастью, не оказалось. Встал вопрос — как нам жить дальше? Врач сказала: «Хотя до сих пор ваша жена не заразилась, но продолжать половые контакты без презервативов опасно». Вот так, родить ребенка от меня жена уже не сможет...

Мы решили пользоваться презервативами. Я пошел в аптеку — пусто. Представьте: уже месяц я не могу купить презервативы в рижских аптеках.

Мы молодые, любим друг друга. И однажды за этот месяц мы не выдержали... Меня потом всю ночь трясло — вдруг я ее заразил?

Господи, неужели выпустить достаточно презервативов — такая непосильная задача для нашей могучей страны? Или кому-то надо, чтобы люди заражали друг друга?»

Я обратилась к начальнику Главного аптечного управления Минздрава СССР Александру Дмитриевичу Апазову.

— Вас интересует изделие № 2? (Догадываюсь, что это своеобразный министерский эвфемизм).

— Изготовитель изделия № 2 — Миннефтехимпром СССР. Мы заказали ему на 1988 год 600 миллионов штук. Такова потребность населения в изделии № 2 для предупреждения заражения вирусом СПИДа.

— Простите, а каким образом вычислена потребность?

— Ученые подсчитали.

— Какие ученые? Из какого института?

— Я затрудняюсь сказать, не знаю... Но Миннефтехимпром отказался от такого плана, снизил план поставок на 1988 год до 220 миллионов, объяснив это отсутствием необходимых мощностей. А 220 миллионов проблему, конечно, не решат. Но все вопросы — к Миннефтехимпрому. Мы и так с ними бьемся, бьемся...

— Может быть, пока наша промышленность не справляется, в связи с ожидаемой эпидемией СПИДа надо закупить импортные... изделия?

— Нет, закупать мы не будем — валюты не хватает.

— А не намечается выпуск презервативов более высокого качества?

— Нет, зачем же — сейчас у нас изделия нормального качества. Их производят на импортной линии, они прочные, не рвутся. Так что в смысле предупреждения заражения СПИДом они высококачественные, не уступают импортным. Ну, а в смысле удовольствия, удовлетворения женщин — это, знаете, нас не волнует.

Вообще мое мнение — презерватив погоды не сделает. Не должно быть случайных связей — вот главное! Тогда и презервативы не нужны будут. Если мужчина спит только с женой, зачем ему презервативы?..

— А как же быть молодежи и вообще всем тем, кто еще не вступил в брак?

— Ну, это случайные связи...

— **Игорь Семенович, ханжеское морализаторство стремится реальную борьбу со СПИДом подменить чтением нотаций. Но у морализаторской позиции есть еще одно не менее страшное последствие. В «Огонек» приходят письма, в которых бушует ненависть к зараженным СПИДом: мол, это нечисть, развратники, так им и надо, грешили — пусть теперь знают...**

— Увы, это было всегда. В XIX веке сифилис был не опаснее, чем туберкулез. Однако отношение к больным сифилисом и к больным туберкулезом было разное. В случае туберкулеза инфекция порождала страх, но сами больные вызвали сочувствие. В случае венерического заболевания, поскольку оно было связано с нарушением религиозных и моральных запретов, отвращение и страх перед болезнью переносились на жертву.

Конец XX века — вроде бы совсем иное отношение к сексу, совсем другие моральные критерии, но по отношению к больным СПИДом люди снова превращаются в беспощадных моралистов, в средневековых инквизиторов.

Я был прошлой осенью в Болгарии. Там социологи провели опрос среди молодежи об отношении к СПИДу. Результаты буквально ошеломили их. Высокий процент ответов содержал требование изолировать зараженных СПИДом, чуть ли не уничтожить их. И это голос молодежи!

СПИД — своего рода экзамен для человечества на гуманность и здравый смысл.

Прошлым летом в вашем журнале появилась статья о СПИДе, в которой журналистка с нескрываемым отвращением, со злостью описала нашего пока единственного больного СПИДом. Он даже не понимает, какое зло на нас навлек! А ведь речь идет о больном человеке! Жертве страшного заболевания, о существовании которого он тогда — когда заразился — даже и не подозревал.

— **В читательских письмах весьма часто высказывается мнение, что зараженных СПИДом надо изолировать от общества. Логика такая: гуманизм гуманизмом, но ведь от зараженного**

человека, который знает, что обре-чен, трудно ожидать благородства. Больше того, у него может появиться психологически в общем-то понятное стремление как бы отомстить здоровым. Следовательно, он переразразит массу людей...

— Совершенно неверно! Наоборот, если человек будет знать, что его изолируют, лишат семьи, любимой работы, что его возненавидят, станут подозревать — вот тогда он действительно захочет отомстить обществу, которое к нему так несправедливо. Мы сами своей негуманностью развязываем ему руки, дадим что-то вроде морального права на негуманное отношение к нам, даже на преступление. Если же человек уверен, что врачебная тайна будет сохранена, а если даже сограждане узнают о его болезни, то относиться станут сочувственно и, уж конечно, не предпримут никаких репрессий, то и он к окружающим будет — можно надеяться, что будет, — относиться соответственно. То есть по-человечески.

Идея изоляции зараженных не только негуманна, чудовищна, безнравственна, она несет страшные, непоправимые социальные последствия. Ведь те, кого ненавидят, дискриминируют, примутся тоже ненавидеть и мстить, начнется настоящая гражданская война. Завяжется бесконечная цепочка взаимного насилия. И человечество станет неуправляемым.

Вообще, если мораль данного общества выдает разрешение дискриминировать людей по одному признаку (зараженность СПИДом), это означает разрешение дискриминировать и по всем другим признакам. Как сухая трава от искры, вспыхнут национальные вопросы, расовые... Все общество превратится в систему гетто, которые будут ненавидеть друг друга.

— То, что безнравственно, негуманно, — оно и социально невыгодно?..

— Вот именно! Но нас-то десятилетиями учили абстрагироваться от понятия гуманности, уметь противопоставлять суровую историческую необходимость нравственным порывам, «слоня-вому либерализму», подавлять в себе жалость, элементарное человеческое сочувствие. Хорошо учили, и многие научились. Прибавьте к этому навыку вдолбленное в наши души четвертьвековым поиском «врагов народа», отточенное до автоматизма, до рефлекс-а умение переносить борьбу с недостатками с самих недостатков на любого имеющегося под рукой козла отпущения. Главное — всегда иметь козла...

Поэтому эпидемия СПИДа — это для нашей страны испытание куда более суровое и более опасное в социально-психологическом плане, чем для многих других стран. Тяжело об этом говорить, но наши люди часто очень агрессивны, и повернуть эту агрессию в любую сторону ничего не стоит. Посмотрите — зараженных СПИДом еще очень мало, но козла отпущения, врагов мы уже нашли: проститутки, гомосексуалисты и наркоманы. В 4-м номере журнала «В мире книг» черным по белому: «СПИД, как известно, порождение гомосексуализма». Ненависть населения по отношению к этим группам у меня как у социолога уже просто вызывает страх: к чему это приведет, неизвестно, того и гляди разъяренная толпа выйдет на улицу и начнет их бить.

Так и хочется крикнуть: люди, опомнитесь! Наркомания — это страшная болезнь, которую надо лечить. Борьбаться надо с торговцами наркотиками, а самих наркоманов лечить. Да и проституция — тяжелая социальная болезнь...

Средства массовой информации должны не подливать масла в огонь, а переориентировать общественное мнение. Пока не поздно. Пока не вспыхнула эпидемия, когда социальные издержки могут оказаться страшнее СПИДа.

Эту историю мне рассказали в Центральной научно-исследовательской

лаборатории эпидемиологии и профилактики СПИДа. Муж и жена работали в маленьком провинциальном городке. У обоих обнаружили вирус СПИДа. Об этом тут же узнал весь город, и началась настоящая травля. Она была вынуждена уволиться с работы — коллеги шарахались от нее, директор угрожал: «Либо сама напишешь заявление об уходе, либо уволим с позором». На улице на них показывали пальцем, кричали в лицо ругательства, соседи злобно шипели.

Обстановка накалялась — вокруг требовали изолировать зараженных. Тогда врачи (заметьте — врачи!) посадили этих несчастных людей в изолятор. Под видом медиков туда приходили журналисты, разглядывали и фотографировали их через стекло. Так в советском городе двое советских граждан несколько недель просидели, как звери в клетке, на которых приходят поглазеть любопытные...

Когда в Москве узнали об этом случае, их тут же перевели в клинику при Центральной лаборатории на обследование. Когда вернулись домой, на работу устроиться так и не смогли. Уехали на родину, попытались устроиться там, но и там уже всё знали. Отчаявшись, они снова собрали чемоданы и уехали куда глаза глядят...

— Но почему же все всё знали — ведь есть врачебная тайна? — спрашиваю у заведующего лабораторией Вадима Валентиновича Покровского.

— Да, врачебная тайна обязательна, и людей, у которых выявлены антитела к вирусу СПИДа, недопустимо изолировать, они должны продолжать нормально жить и работать. Таковы официальные требования в нашей стране. Но на деле... Когда, скажем, лечащий врач узнает, что у такого-то выявлен вирус СПИДа, он почему-то нередко считает своим долгом сообщить об этом, например, в горком партии. А иногда доктор прямо, не смущаясь, указывает диагноз в медицинской справке, в бюллетене...

«МЫ СПОКОЙНЫ, СПОКОЙНЫ, СПОКОЙНЫ...»

Следующее интервью — с Валентином Ивановичем Покровским, президентом Академии медицинских наук СССР.

— Американский журнал «Ньюсуик» опубликовал фотографии всех умерших в 1986 году от СПИДа. С коротенькими подписями — имя, фамилия и профессия. Актер, хирург, тракторист... Впечатление от этой «портретной галереи» очень сильное. Похоже, на Западе не боятся шокировать общество, понимая, что иногда шок, встряска жизненно необходимы. Чтобы остановить эпидемию, нужно, чтобы люди испугались, поняли серьезность положения.

У нас же прессу все время одергивают: «Нельзя сеять панику!». Да, паника — плохо, а спокойствие?

— Если за ним стоит безразличие, бездействие, то это спокойствие роковое.

У нас сейчас не только общественность спокойна, но и многие ответственные работники, от которых зависят конкретные мероприятия по предотвращению эпидемии СПИДа, — они тоже на редкость спокойны...

— Очень ответственный работник Минздрава СССР сказал мне: «Речь о распространении эпидемии пока не идет...»

— А почему, собственно, не идет? Ну да, всех убаюкала малая цифра — «всего» 56 носителей вируса... Но обратите внимание: из них 26 человек было выявлено за весь 1987 год, а в этом году только за 4 месяца — 30 человек! То есть с каждым днем количество инфицированных увеличивается, а темпы роста числа зараженных такие же, как в западных странах. Значит, если сей-

час по числу инфицированных мы соответствуем Франции 1981 года, то через 5—6 лет мы достигнем нынешнего уровня Франции. Это несколько тысяч больных и несколько сот тысяч зараженных.

— Валентин Иванович, по данным западных исследователей вероятность заражения СПИДом при инъекции «грязным» шприцем выше, чем при половом контакте с зараженным партнером. Одноразовых шприцев у нас нет, значит, можно заразиться от простого укола в поликлинике?

— Сравнивать вероятность шприцевого заражения и полового очень трудно. В обоих случаях она зависит от дополнительных условий. Вообще при половых контактах с носителем вируса вероятность заражения 1 процент. Но она резко повышается — в 10—20 раз, — если есть воспалительные процессы, кровотокающие эрозии. И еще, если человек имел, скажем, пять половых партнеров до встречи с данным партнером, то для последнего опасность заражения такая же, как если бы он сам имел связь с этими пятью, — она возрастает в пять раз! Насчет медицинских процедур... При лечении зубов, взятии крови из пальца вирус если и попадает, то тут же вымывается с током крови, поэтому вероятность заражения мала. А вот внутривенные инъекции, когда вирус попадает прямо в кровоток, дают очень высокую вероятность заражения.

Можно ли заразиться в больнице, поликлинике? В общем-то нет. Есть инструкции по стерилизации шприцев, других медицинских инструментов, в том числе зубо-врачебных, принятые еще в 1978 году в связи с опасностью заражения вирусным гепатитом В. По инструкции, например, шприцы медсестра должна сначала положить в специальный мыльный раствор на полчаса, потом их в этом растворе промыть, потом еще промыть чистой водой и, наконец, стерилизовать 60 минут. Должна. Но это очень трудоемкая работа, и если медсестра недобросовестный человек, она может и отступить от инструкции.

Бывает, сестры по неграмотности меняют только иглы, а шприцы — нет. Это недопустимо, потому что при уколе, особенно внутривенном, кровь подсасывается в шприц.

Известно, какая страшная халатность царит у нас во многих сферах. Халатность стала нормой жизни, даже, можно сказать, формой жизни.

А что, перед дверьми медицинских учреждений недобросовестность замирает в почтении? Сейчас стало чуть лучше. Многие инструменты обрабатываются в центральных стерилизационных — это надежно. Но одноразовые шприцы, конечно, крайне необходимы, они сняли бы проблему недобросовестности хотя бы по части инъекций. А пока я могу посоветовать лицам, часто получающим инъекции, иметь дома свой личный набор шприцев и с ним ходить в поликлинику на уколы.

У нас проверяется на СПИД вся донорская кровь. Но вот в нашем Центре обследовалась женщина — и мы выяснили, что ее заразили СПИДом недавно, перелив ей зараженную кровь во время родов, и ребенок родился тоже с вирусом СПИДа. Как это могло случиться? Дело в том, что ей сделали прямое переливание крови от человека, который пользовался абсолютным доверием у врачей, им просто не пришло в голову, что он может быть носителем вируса СПИДа — порядочный человек, не наркоман... Сработал дурацкий стереотип, что СПИД бывает только у распущенных людей. Но все же это и недобросовестность.

Да, сейчас многое делается. Но нельзя молчать, надо бить во все колокола о том, что медицина наша еще далеко не полностью готова к встрече со СПИДом. У нас нет одноразовых шприцев, мало централизованных стерилизационных. Не хватает (и неизвестно, когда будут) одноразовых систем для переливания крови, диализаторов, с помощью которых производится гемодиализ — очистка крови. А ведь это оборудование чрез-

вычайно трудно простерилизовать!

— Чего же мы ждем? Когда эпидемия просто припрет нас к стенке?

— Мы действуем по пословице: «Гром не грянет — мужик не перекрестится». Не понимаем, что миллионы, сэкономленные сейчас, через пять лет обернутся миллиардами убытков.

И потерянными людскими жизнями.

За поставку одноразовых шприцев отвечает «Союзмедтехника» Минздрава СССР. Звоню заместителю начальника Бориса Леонидовича Варламову. Он говорит:

— А что одноразовые шприцы? С ними все в порядке. В 91-м году будет выпущено 3 миллиарда одноразовых шприцев — столько, сколько нужно нашей медицине. Подробности можете узнать у изготовителя — в Минмедбиопроеме СССР.

Начальник Главного производственного управления Минмедбио-прома Михаил Иванович Григорьев:

— Все хорошо с одноразовыми шприцами? Кто вам это сказал? У меня вот нет оснований для оптимизма. Во-первых, запланированные 3 миллиарда в 91-м году — это для нашей страны мало, они нас не спасут. Мы выпускаем в год 6 миллиардов ампул с лекарствами — это уже 6 миллиардов инъекций. А сколько еще нужно шприцев для взятия крови из вены на анализ?

Во-вторых, есть ли у нас реальные возможности совместно с Минприбором сделать даже эти запланированные 3 миллиарда?.. Наша нынешняя мощность — 7 миллионов в год. В этом году покупаем импортную линию производительностью 100 миллионов в год. Ну еще 250 миллионов мы как-нибудь сделаем — закупим какое-то оборудование, воспользуемся помощью соцстран. Короче, план 89-го года — 350 миллионов одноразовых шприцев — мы с горем пополам выполним, выкрутимся. Ну и все, это наш потолок!

Минстанкопром должен был сделать отечественные линии, производящие одноразовые шприцы. Но у них там что-то не получается, и нет никаких гарантий, что они успеют к 89-му году изготовить линии.

А диализаторы, пластмассовые контейнеры для хранения крови, одноразовые системы для ее переливания? Тут как быть, мы вообще не знаем. У нас нет отечественного оборудования. Давно купленное импортное дает мизер — по сравнению с нынешней потребностью. А оборудование это сложное, технология капризная, там особые требования по температурному режиму, по точности, нужны особые пластмассы. И предствите: за 10 лет мы не смогли уговорить ни одно министерство взяться за изготовление оборудования! И сейчас никто не берется...

— Валентин Иванович, наверное, надо говорить и об общем уровне санитарии. Взять хотя бы парикмахерские...

— О, парикмахерские — особая проблема. Когда делают маникюр, педикюр, брейт, обрабатывают кожу лица, часто случаются ранки, царапины, значит, инструмент соприкасается с кровью, и если он «грязный», возможно заражение. Правда, вероятность здесь очень низкая, но она есть. Поэтому для парикмахерских Москвы, например, выпущена специальная инструкция, по ней у маникюриста и косметички должно быть два комплекта инструментов: пока один комплект в работе, второй обязан лежать в спирте-денатурате. Но опять же так должно быть! А как на самом деле? Я считаю, клиент должен сам следить, чтобы мастер брал чистый инструмент из спиртового раствора. В парикмахерских работа сделанная, и если клиенты начнут уходить... Так что обращайтесь с призывом: клиенты, будьте солидарны!..

— «Огонек» уже писал: купить шприц в аптеке можно только по рецепту, заверенному главврачом. Объясняют это борьбой с наркоманией. Но ведь действительно: человек, умеющий достать наркотик, шприц всегда достанет. Только это будет грязный шприц, вполне вероятно, с вирусом СПИДа... Что же получается? Борьба с наркоманией, от которой наркомании не меньше, «зато» больше зараженных СПИДом?

— Вы правы. Во многих зарубежных странах борьба с распространением наркотиков соседствует с совершенно свободной продажей шприцев, в том числе одноразовых. Среди наркоманов надо пропагандировать чистые, индивидуальные шприцы, объяснять, что их надо кипятить перед каждым использованием, что всей компании колоться одним шприцем очень опасно. У них ведь как принято? Уколоться и набрать в шприц немного крови, а потом передать его следующему. А с увеличением порции крови, которая осталась в шприце, резко возрастает вероятность заражения — до 100 процентов! Все это наркоманам надо объяснять, объяснять и еще раз объяснять, подключая средства массовой информации.

— Инструкция для наркомана, напечатанная в газете?

— Понимаю, что это может шокировать кого угодно, но... Свободная продажа шприцев и пропаганда их правильного использования — это единственный путь, который способен вытащить наркоманов из группы риска.

Мы же своими жестокими и невежественными запретами только дальше заталкиваем наркоманов в эту самую группу. По сути, помогаем им заразиться СПИДом, исходя из того, что наркоманы — асоциальные, опустившиеся люди. Но кто же мы сами в таком случае?

Те, кому претит гуманное отношение к наркоманам, должны помнить и то, что, ставя под удар наркоманов, мы ставим под удар молодежь вообще. В молодежной среде все переплетено, и группы, в которых нормой является экстенсивная сексуальная жизнь, с большим числом партнеров, тесно связаны с группами, где употребляют наркотики, и так далее.

Мы не раз предлагали Минздраву сделать продажу шприцев свободной, без рецептов, но...

Обращаюсь к заведующему отделом наркологии Минздрава СССР Владимиру Федоровичу Егорову:

— Почему шприцы теперь продают строго по рецептам за подписью главврача?

— Этого требует приказ Минздрава СССР от января 1987 года. Приказ связан с борьбой с наркоманией.

— Но ведь есть опасность заражения СПИДом, так, может, лучше, чтобы наркоманы всегда имели возможность купить в аптеке чистый шприц?

— Да, в Америке такая точка зрения, но мы так не считаем. Когда шприцы продавались свободно, наркоманы все равно пользовались одним на всю компанию. Это у них как ритуал, что ли.

— Но тогда еще практически не было опасности заразиться СПИДом, а сейчас, когда заражаются все больше узнают об этой опасности, возможно, многие из них поменяли бы привычки?

— Если они, как вы говорите, узнают об опасности, то, может, им надо не шприцы покупать, а лечиться от наркомании? А то мы будем каждому наркоману шприц давать, жизнь облегчать: «Пожалуйста, колись, дорогой!»

Нам дана фора в борьбе с эпидемией СПИДа: если западные страны оказались застигнутыми врасплох, то у нас уже есть весь накопленный ими опыт плюс время, чтобы использовать этот опыт, чтобы построить на пути эпидемии «оборонные сооружения».

Время пошло...

РЕКЛАМУ ЛЮБЯТ В СИЛУ ПРИСУЩЕЙ ЧЕЛОВЕКУ СЛАБОСТИ К НОВОСТЯМ ВООБЩЕ. ТАК ЧЕМ ЖЕ СЕГОДНЯ ПОРАДУЕТ НАС ТЕЛЕИНФОРМАТОР? ЧТО ПОКАЖЕТ?

Пользуйтесь микрокалькулятором «Микроша» — он очень удобен в быту, — советует счастливый обладатель «Микроши». Улыбка во весь экран. Микрокалькулятор крупным планом.

— Еще бы! — завистливо восклицает телевизор. — Вот только где его достать?

А на экране уже кружатся флаконы духов! Тилинь-динь-динь, тилинь-динь-динь, — переливаются бубенчики. Вальс духов! Сколько поэтики, элегантности, красоты! Купите, а?

— Это можно, — успокаивается телевизор, — парфюмерии производства фабрики «Новая заря» в магазинах навалом.

И далее, вежливо улыбаясь, теле-

интересы, — объяснил мне главный редактор объединения В. В. Мельников. — А мы готовы рекламировать все: начиная от цинковых ведер и кончая всевозможными фестивалями рок-музыки. У нас уже и заявок скопилось от всевозможных заказчиков на семь миллионов рублей.

— И что же мешает расширить тематику?

— Мощности. В год мы осваиваем лишь полтора миллиона.

Попробуем прорекламировать материально-техническую базу «Союзрекламфильма». Едва ли найдется в столице подвал, сочетающий в себе столь разные климатические условия, как тот, в котором разместились лаборатории объединения. В одном углу жарко от батареи — в другом лужи. Сотрудники таскают пленки из одного угла в другой, стараясь поддержать в металлических коробках тепловой баланс. А это что такое, ветхозаветное, аккумуляторно лежит в углу? О! Это мечта кинооператоров 30-х годов — камера «Конвас-автомат». У «Союзрекламфильма» их две. Пока одной снимают, другую ремонтируют. А еще есть «Родина» — старинная камера с ручкой про-

стность уже не нуждается в подтверждении, отказался от рекламы, и мгновенно его доходы упали на тридцать процентов. Есть и иные, отечественные примеры: после рекламы продажа персональных компьютеров в магазине «Электроника» возросла с пятнадцати штук в день до ста. А магазин «Мужские сорочки» с оборота шестьдесят три тысячи в неделю «нарастил обороты» до ста двадцати одной тысячи. И тем не менее нам Минторг СССР установил оптовые цены на рекламу, как на картошку, что для системы кино недопустимо.

Стараясь активнее участвовать в жизни «Союзрекламфильма», торговые работники добавочно спустили еще несколько дельных, по их мнению, рекомендаций. Одна из них — подробное описание конструкции туристских палаток, на которые, как выяснилось, заявок вообще не поступало. Строго контролируют каждый шаг, а с кооперативами, хозрасчетными объединениями, любительскими театрами вообще знаться не рекомендуют. На всякий случай. А ведь именно эти организации сегодня наиболее мобильны.

— Что же касается помощи с оборо-

ПРОШУ
СЛОВА

РЕКВИЕМ

друг ласково доводит до сведения, что прачечная стирает, химчистка чистит, полиуретановые подметки прочнее других, летать следует самолетами Аэрофлота, а деньги класть на сберкнижку.

В общем, либо ничего нового, либо сообщение о том, чего не достать. И все. А между тем ежедневно в стране создаются новые центры досуга. Кооперативы выпускают самую различную продукцию, пока еще не попавшую в дефицит. Организуются новые виды услуг. Почему нас никто не уговаривает посетить вернисаж молодых художников, который начнется завтра? Спешите, спешите, ведь молодым позарез нужна популярность! Где можно купить модную мебель, которую начали выпускать кооперативные объединения? (Мебельные магазины упорно продают товар по ведомственным спискам.) Ау, реклама!

Как же так получилось, что самый современный вид рекламы оказался чуть развернутой копией допотопных магазинных афиш и плакатов сберкассы?

И я отправилась за ответом в творческое объединение «Союзрекламфильм».

— Дело в том, что мы подчинены Минторгу СССР и, разумеется, в первую очередь обязаны соблюдать его

изводства 1957 года. В рабочем состоянии, между прочим. Вся киноустановка была когда-то списана с киностудий, но если потребуются что-нибудь несписанное, то сотрудники идут непосредственно в лаборатории киношников. «К нам очень хорошо относятся в мастерских киностудий, — гордо объяснили мне в объединении, — когда я усомнилась в возможности производства здесь даже такой рекламной вершины, как «Хек полезен для здоровья». — А иначе бы пропали».

Нетрудно поверить, если добавим, что в лаборатории отсутствуют видеотехника, качественная кинопленка и имеется всего лишь один испорченный мультстанок.

Неразбериха царит и в системе оплаты. Ведь находится рекламфильм под эгидой Министерства торговли СССР, ведомства строгого и не поощряющего всякие творческие, а также финансовые взлеты.

— В какую сумму обходится рекламный фильм? — поинтересовалась я. — Ведь известно, что на Западе он очень дорогой.

— Конечно, ведь западные фирмы денег не жалеют, поскольку реклама себя оправдывает. Вот пример: концерн «Кока-кола», решив, что его изве-

дованием, то министерство, разумеется, кинопавильонов не имеет, — сказал директор «Союзторгрекламы» И. Н. Борзенков, курирующий «Союзрекламфильм». — Кинокамерами, видеоаппаратурой, современной кинопленкой также не располагает.

Значит, оказалось, что две совершенно различные организации вплетены в единое ведомство. И хотя отсюда немало увлекательных роликов, имеются призы, но не ближе ли современной кинорекламе такая организация, как Госкино СССР? Самостоятельности бы побольше, ведь «Союзрекламфильм» — организация хозрасчетная. А может быть, пора задуматься о создании единого центра рекламы?

— Имей мы под руками современную технику, не пришлось бы так долго возиться с кинофильмами. Месяцы мы ухлопываем на то, что сегодня кинематографисты делают в считанные часы. Потому и снимается нечто «вечное» вроде сберкассы и химчистки. Ведь кооперативы или современные предприятия потребуют оперативной рекламы — двигателя прогресса. А мы что? А мы в хвосте прогресса... — прощаясь, посетовал В. В. Мельников.

Ирина СКОРОБОГАТОВА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

«ГОЛИАФ»

ПРИЯТЕЛЬ «ФОБОСА»

«ФОБОС» — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ НОВЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ. ПОМИМО ФОБОСА, СПУТНИКА МАРСА, С ПОМОЩЬЮ АВТОМАТИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ БУДУТ ИЗУЧАТЬСЯ САМ МАРС, СОЛНЦЕ, МЕЖПЛАНЕТНОЕ ПРОСТРАНСТВО. ИДЕЯ ЭТОЙ АВТОМАТИЧЕСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПРИНАДЛЕЖИТ СОВЕТСКИМ УЧЕНЫМ ВО ГЛАВЕ С НАУЧНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ ПРОЕКТА АКАДЕМИКОМ Р. З. САГДЕЕВЫМ И ТЕХНИЧЕСКИМ РУКОВОДИТЕЛЕМ ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ АН СССР В. М. КОВТУНЕНКО. НАУЧНАЯ АППАРАТУРА ДЛЯ «ФОБОСА» ГОТОВИЛАСЬ СПЕЦИАЛИСТАМИ ОДИННАДЦАТИ СТРАН И ЕВРОПЕЙСКОГО КОСМИЧЕСКОГО АГЕНТСТВА. ДЛЯ НОВОЙ ПРОГРАММЫ НА ГИГАНТСКОМ РАДИОТЕЛЕСКОПЕ В КРЫМУ УСТАНОВЛЕН МОЩНЕЙШИЙ ПЕРЕДАТЧИК — «ГОЛИАФ».

Сергей ЛЕСКОВ

С тех пор, как в 1877 году американец А. Холл разглядел у Марса спутники, наука несильно продвинулась вперед в понимании их природы.

Спутники эти Фобос и Деймос — по-гречески «страх» и «ужас», — словно оправдывая свои имена, с момента открытия внушали астрономам священный трепет. Их поведение на марсианском небосклоне казалось ненормальным. И в сравнении друг с другом спутники ведут себя, как братья-антиподы. Фобос ускоряется, век от века приближаясь к Марсу, Деймос, напротив, тормозится и миллиметровыми шажками переходит на все более далекие орбиты. Через несколько миллионов лет Фобос, если его предвзвешенно не разорвут на мелкие части приливные силы, упадет на Марс. Так что это негданное счастье, что мы застали его в добром здравии и можем не торопясь изучать. Фобос станет первым малым телом Солнечной системы весьма обширного класса космических объектов, поверхности которого достигнет управляемый аппарат.

В современные телескопы можно детально разглядеть Фобос. Наибольший его поперечник — 26 километров. Там виден крупный, около десяти километров в диаметре, кратер Стикни, названный в честь жены Холла. От него в разные стороны расходятся геометрически параллельные борозды шириной до 600 метров и глубиной 100 метров. Что-то вроде рисунков в пустыне Наска. Каким образом на поверхности спутника появился исполинский чертёж, убедительно объяснить еще никому не удалось.

А вдруг кто-то сознательно наложил непонятный грим на лик Фобоса и Стикни — вовсе не кратер, а гигантское сопло? Фантастическое предположение всецело на моей совести. Но извиняет меня то, что оно вполне согласуется с гипотезой, высказанной четверть века назад членом-корреспондентом АН СССР И. С. Шкловским. По мнению известного советского астрофизика, единственное объяснение странного, нарушающего законы гравитации движения Фобоса заключается в том, что спутник этот — полое тело. Есть основания полагать, что в космосе естественные сферические тела существовать не могут. Но тогда... Надо договаривать до конца: тогда Фобос — искусственное, рукотворное небесное тело, созданное неизвестной цивилизацией.

Хотелось бы предостеречь горячие умы от чрезмерной доверчивости к гипотезе И. С. Шкловского. Симпатичной, конечно, гипотезе, отвечающей нашему глубинному стремлению к братьям по разуму, но, к сожалению, далеко не бесспорной. (Впоследствии была найдена ошибка в данных американского

астронома Шарплесса, которыми пользовался Шкловский.) Кстати, сам автор гипотезы, что в науке пока редкость, несколько лет спустя высказывал противоположное суждение. Человеческая цивилизация, утверждал И. С. Шкловский, есть феномен во Вселенной уникальный, обреченный на одиночество. Хотя бы потому, что разум вовсе не является высшей стадией развития жизни, поскольку рано или поздно в результате экспансии вступает в противоречие с породившей его биосферой и самоубийственно способствует собственному самоуничтожению. Цивилизации — это короткие и никогда не совпадающие друг с другом вспышки в бесконечной эволюции галактик.

Можно ли согласовать два противоречивых высказывания? Если уж в ход пошли гипотезы, не откажу и я себе в удовольствии пофантазировать. Марс и Земля витают рядышком. Понимаете, рядышком? Что если одна цивилизация в силу неких причин просто перебралась на соседнюю планету?

Член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов в своих воспоминаниях рассказывает, как в 1961 году в перерыве между заседаниями сессии Верховного Совета СССР Сергей Павлович Королев мечтательно говорил о полете к спутникам Марса. Признатель: задача так захватила его, что он «покоя себе не находит». Главный конструктор хотел проверить, действительно ли, как предполагал Шкловский, Фобос пустой изнутри, и если это так, то с характерной «королевской» практичностью собирался установить толщину стенок.

Королев, как известно, был человеком дела, беспочвенными фантазиями не увлекался. И слова на ветер не бросал. Первый советский «Марс» стартовал в 1962 году еще при жизни Сергея Павловича. Всего к загадочной планете стартовали семь советских станций серии «Марс» и несколько американских — серии «Маринер» и «Викинг», удалось неоднократно осуществлять посадку на поверхность Красной планеты. В феврале 1977 года аппарат «Викинг-Орбитер-1» прошел в 100 километрах от Фобоса, передав о спутнике много ценной информации.

Изучение планет земного типа — попытка заглянуть в геологическое прошлое и будущее тел Солнечной системы, Земли, узнать особенности формирования климата планеты. И все же, представляется мне, решающим фактором, так сказать, эмоционального воздействия при организации столь дорогостоящей и сложной программы, как «Фобос», является извечный вопрос о жизни на Марсе.

Как ни странно, ответ на него сейчас дать гораздо труднее, чем, скажем, в начале века. Меньше знаний — меньше сомнений. В 1900 году во Франции

была объявлена премия тому, кто первым установит связь с внеземной цивилизацией. С любой, гласили условия, кроме марсианской. С Марсом все ясно, глупо деньги тратить. То было время «марсианского» бума. Итальянский астроном Скиапарелли обнаружил на планете разветвленную сеть «каналов». Газеты выходили с аршинными «шапками», публика жила сенсацией — жизнь на Марсе сомнений не вызывала! Не было, пожалуй, в истории астрономии другого случая, чтобы невозмутимая муза Урания столь властно приковала к себе всеобщее внимание. Богатый американский астроном-самоучка Персиваль Лоуэлл, распродав свои виллы и яхты, выстроил обсерваторию в Аризоне. Лоуэлл не щадя средств защищал берущую за сердце версию: каналы — ирригационные сооружения погибавшей от жажды цивилизации. Как хотелось нашим прабабушкам и прадедушкам протянуть марсианам руку помощи...

Наконец, у Марса побывали автоматические станции. Но никто не вышел их поприветствовать, никто не пожал их железную руку. Ни советские аппараты, ни американские, в том числе «Викинг», исследовавший марсианский грунт, признаков жизни на планете не обнаружили. Той жизни, в которую так верил Лоуэлл.

— Неужели на Марсе нет ничего живого? — разочарованно спросил я у известного советского планетолога Л. М. Мухина.

— Любопытно, что вы считаете «живым»?

— Цветочек считаю или муравья.

— Ну, этого на Марсе не найти, — без тени сомнения ответил профессор.

— Такой скучный мир?

— Скучный?! — возмущенно воскликнул астроном. — Это же удивительно интересные небесные тела! Убежден, что там, в районе Марса, настоящая кладовая открытий. И с жизнью на Марсе не все ясно, хотя таких высокоорганизованных организмов, как наши муравьи и травы, там, видимо, не найти.

В противовес безапелляционным утверждениям автоматических аппаратов о безжизненности Марса ученые отыскивают все новые теоретические возможности присутствия на планете ростков жизни. Американский космохимик Юрий показал, что сотни миллионов лет назад на Марсе было много атмосферного кислорода и глубокие океаны омывали планету. Год назад К. Маккей и Р. Уортон заявили, что на дне высохших марсианских озер, возможно, имеются останки примитивных организмов. И даже руководитель биологических экспериментов на «Викинге» Г. Клейн не теряет оптимизма: жизнь не исключена в ледовой толще, в грунтовых породах.

Все надеются: новый международный проект «Фобос» разрешит сомнения. Эксперименты такие, что ни один микроб не замаскируется. Один из экспериментов называется «Лима» — с высоты в несколько десятков метров тонкий лазерный луч, сфокусированный до пятнышка диаметром в один миллиметр, в течение очень короткого времени вызовет взрывоподобное испарение и ионизацию вещества. Часть ионов разлетится, часть попадет в специальный прибор рефлектор, установленный на борту аппарата. В другом, не менее «экзотичном», как выразился заместитель директора Института космических исследований АН СССР В. М. Балебанов, рассказавший мне о научной программе проекта, эксперименте «Дион» с борта аппарата из специальной «пушки» поверхность Фобоса будет бомбардироваться ускоренными ядрами криптона. Выбываемые вторичные ионы зарегистрирует бортовой квадрупольный масс-анализатор. Будут использованы и традиционные, проверенные способы исследований — инфракрасная и гамма-спектроскопия, спектрограмма, цветная фото- и телесъемка. Установлен на аппаратах и специальный радиолокационный комплекс для изучения рельефа Фобоса.

Для работы на поверхности Фобоса разработаны два типа станций. Одна мощным якорем прикрепляется к месту посадки (сила тяжести на Фобосе в тысячу раз меньше земной, так что держаться надо изо всех сил) и затем проводит исследования химического состава грунта, изучает небесную механику (помните, необъяснимые странности в движении Фобоса?). Другой вариант — это космический «кузнечик», который, исследовав грунт в одном месте, всякий раз бодро перепрыгивает на 20 метров в сторону и повторяет эксперимент.

Проект получил название «Фобос», но одним Фобосом дело не ограничится. Если уж оказался в космосе аппарат, вооруженный приборами, как говорится, до зубов, надо его использовать на все сто. Пока станции будут кружить вокруг Марса, радиометрический спектральный комплекс займется его всесторонним изучением. А после удаления от Фобоса надо будет еще уделить внимание нашему светилу. Аппараты подойдут к невидимой с Земли стороне. Наблюдение одновременно с борта космического аппарата, с Земли и околоземных спутников дадут возможность впервые построить трехмерную структуру хромосферы и короны Солнца.

...Далекие миры покоряют воображение конструкторов космических кораблей точно так же, как много веков назад они захватывали сердце звездочетов. Признаться, не встречал я человека, который пожалел бы о пылком романе с музой Уранией...

ПАЛИТРА

Львовский художник-график Юрий Чарышников с равной увлеченностью делает иллюстрации и станковые композиции, работает в рисунке, офорте, автолитографии. В его «послужном списке» — приз «Золотое яблоко», присужденный ему в Братиславе за иллюстрации к «Барону Мюнхгаузену», выставки в Москве, Вильнюсе, Киеве, Львове, Таллине, а также в Польше, Чехословакии, ГДР, Югославии, Италии, Франции, Австрии, ФРГ, Финляндии. Не считает себя ни иллюстратором, ни станковистом, но просто художником, реализующим свои замыслы и свое мировосприятие в различных жанрах и техниках, будь то цикл «по мотивам...» или сочиненные им самим сюжеты и образы.

Предпочитает работу высшего

Ю. И. ЧАРЫШНИКОВ. Род. 1947. НАЧАЛО. Из серии «Диалог».

ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЕМ

класса сложности. Берется иллюстрировать М. Салтыкова-Щедрина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Д. Свифта, В. Хлебникова. Всякий раз предлагает свою трактовку. Даже сказки К. Чуковского обнаруживают в его интерпретации пласт философских «притчей для взрослых», соединивших смех и слезы, фантазии и раздумья о вполне реальных противоречиях действительности.

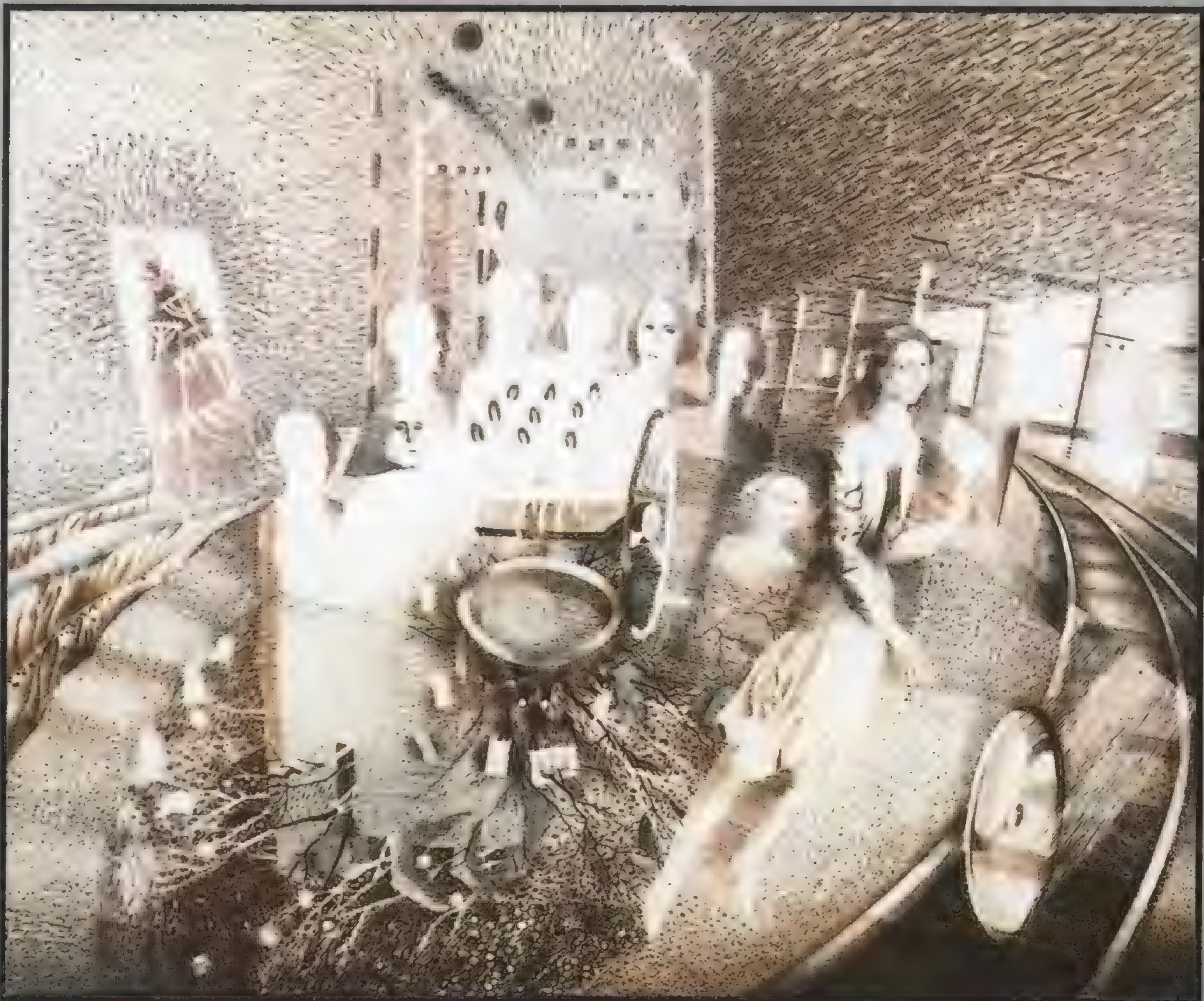
Его «Мюнхгаузен» — это не только и не столько невероятные и веселые приключения бессмертного вруна, сколько драматическая по своей сути коллизия бескрылого прагматизма и мечты, которая по-своему тоже реальна. В обаятельной жизнерадостности главного героя проступает грусть человека, пытающегося уйти от жесткой алогичности жизни в вымышленный им яркий и необыкновенный мир, где все возможно.

Еще в начале творческого пути Чарышников приходит к пониманию одного из любопытнейших парадоксов искусства графики, заключающегося в том, что максимальное приближение к литературному тексту мешает осознать его глубинную сущность, и, наоборот, явное отдаление от него оказывается часто наиболее краткой дорогой к постижению. Чарышников тяготеет не к живописанию быта, а к изобразительным гиперболам, иносказаниям, метафорам, острому гротеску, сарказму.

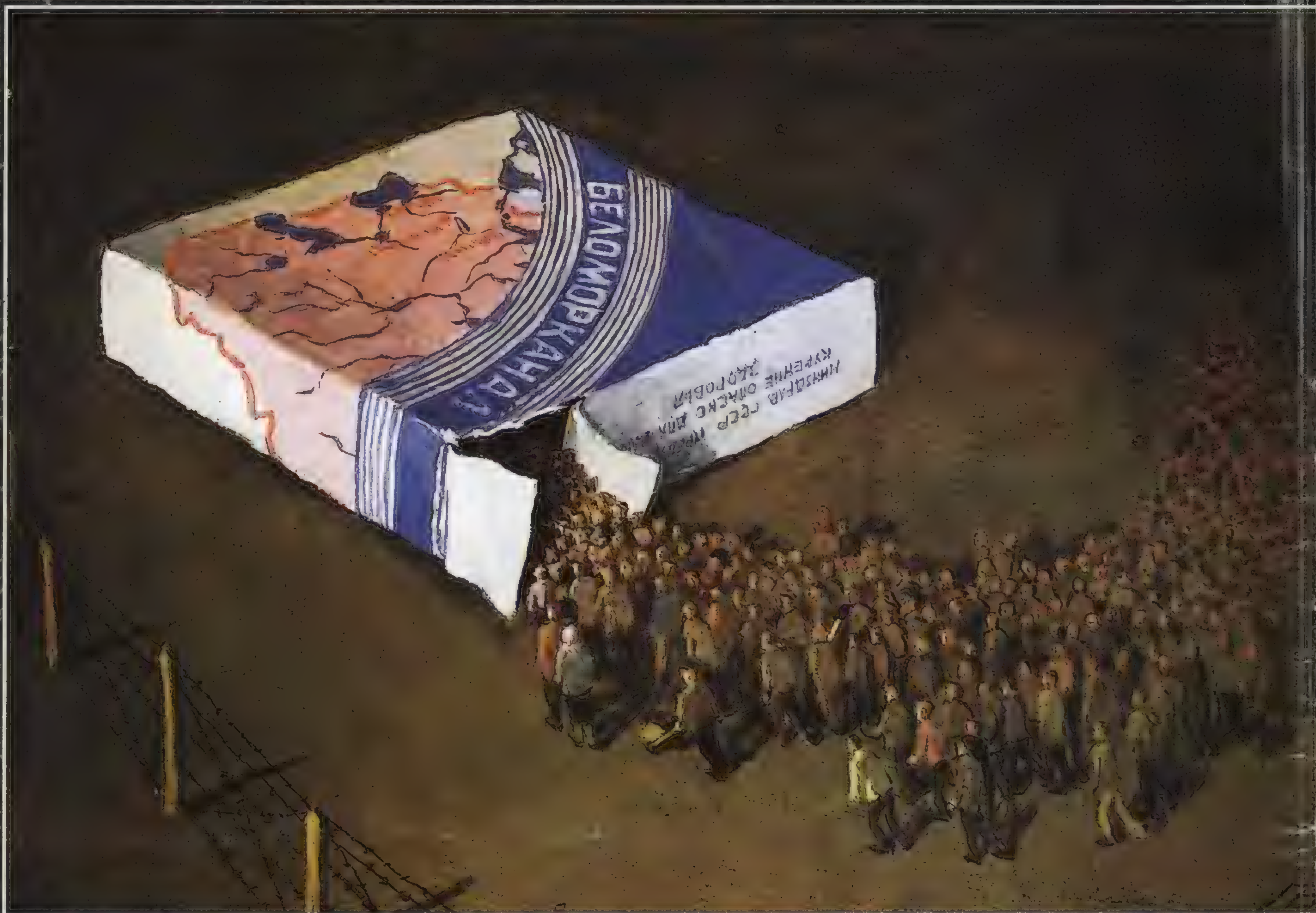
Одну из своих композиций Юрий Чарышников назвал «Диалог». Это не случайно. Его искусство — не монолог проповедника, но приглашение зрителя к обдумыванию важных и трудных вещей, приглашение к разговору о них. Чарышников предлагает нам искусство сложное, требующее порой «расшифровки», но кто сказал, что искусство должно усваиваться как сахар?

Григорий ОСТРОВСКИЙ

Из цикла «РИТМЫ ГОРОДА».

ПО ЗОВУ ДУШИ

П. А. БЕЛОВ. 1929—1988.
АВТОПОРТРЕТ. ВСЯ ЖИЗНЬ.
1987.

П

етр Алексеевич Белов был художником театра и человеком театра. Молох сцены поглощал его целиком, переламаывал, перемалывал. Включенный в огромное и сложное производство, художник театра гораздо реже, чем его собратья, может оставаться наедине с холстом, наедине с самим собой. Года три назад я стал замечать, что Белов начал не то чтобы тяготиться театром, но как-то уставать от беспрерывных театральных разговоров, слухов, суеты, зависимости. Все чаще и чаще он уезжал из макетной в маленькую мастерскую на Солянке и занимался там какой-то своей работой, не имевшей никакого отношения к театру. Что-то он писал там для души, но друзьям ничего не показывал.

Потом случился инфаркт. Он воспринял его не только как житейское испытание, но и как строгое указание: «надо торопиться!». В послеинфарктный период, на «реабилитации», он получил счастливую возможность продолжить работу, которая стала теперь занимать его целиком и без остатка. В глазах его появилось особенное выражение, тот свет, который ни с чем не спутаешь. Он что-то понял в самом себе, что-то постиг и, кажется, обрел душевный покой.

Года полтора назад он позвал к себе на Солянку. Там, на спинке старого дивана, он выставил несколько своих работ. Тех самых. Они поразили неожиданностью. Теат-

ПАСТЕРНАК.
1986.

БЕЛОМОРКАНАЛ.
1985

ральный художник Петр Белов открывался заново как художник и как человек. Он будто освобождался от каких-то давних и глубоко за-
прятанных видений, надежд, стра-
хов.

В картинах, выставленных на спин-
ке старого дивана, предстали наша
жизнь, наша история, наши общие
страхи и надежды. Петр Белов рас-
сказывал о своем детстве, о своей
семье, о войне, о Мейерхольде,
о Булгакове, о Сталине и еще раз
о Сталине. Он пытался рассказать
о нашем небывалом времени и небы-
валом государстве. Он не вписывал-
ся ни в какую кампанию, не пресле-
довал никаких прагматических це-
лей. Он просто сделал то, что под-
сказали ему совесть и воображение.
Видимо, это было предчувствие
близкой смерти. Ее дыхание торопи-
ло, подталкивало в спину, заставля-
ло отбросить в сторону все иные
дела и совершить то, что было пред-
назначено. Однажды он мне сказал
об этом, не в таких, конечно, словах,
без всякого пафоса, даже с юмором,
но именно об этом, о призвании,
о жизни, большая часть которой вы-
текла бессмысленно, как вода в пе-
сок.

Друзья, увидевшие работы худо-
жника, стали уговаривать его сделать
выставку в Доме актера. Потом воз-
никли переговоры с «Огоньком». Он
очень хотел, чтобы его работы увиде-
ли свет именно в этом журнале. Стал
готовить слайды, спросил меня, не
согласусь ли написать несколько
вступительных слов, если дело дой-
дет до публикации. Я уезжал в ко-
мандировку, торопился, договори-

КОМЕНДАНТ
1986

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 4
Тов. Народный артист РСФСР
Мейерхольд В. Эм.
работает в Гостим
в должности Главн. режиссер
« » 1926

МЕЙЕРХОЛЬД.
1986

ПРОТАЛИНА
БУЛГАКОВ.
1986

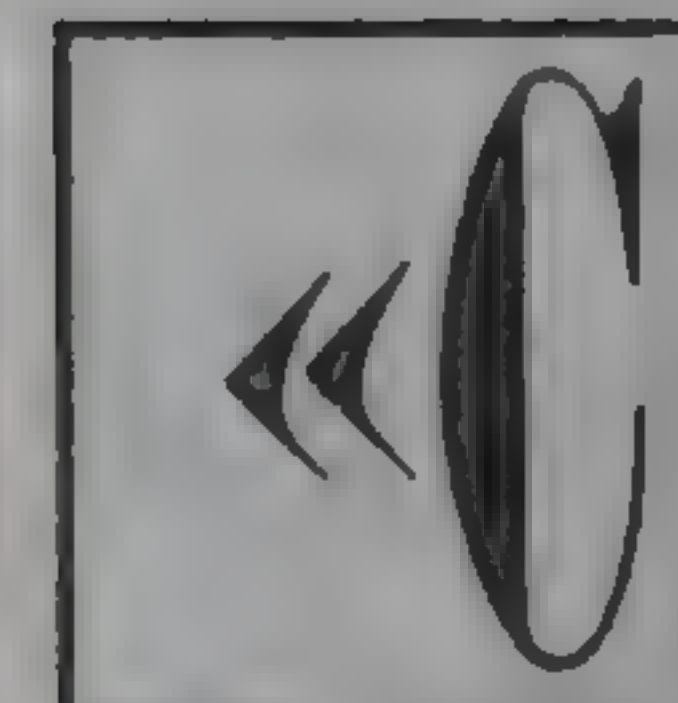
лись, что через неделю приеду
и обязательно напишу.

Через неделю в неудобном огром-
ном фойе огромного театра Совет-
ской Армии мы прощались с Петром
Алексеевичем Беловым. Предчув-
ствие не обмануло его, он не зря
торопился. Его работы, убежден,
останутся, потому что в них не толь-
ко судьба театрального художника
Белова, но и частичка нашей общей
судьбы.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

«Совершенно не приемлю в искусстве унылого бытописательства, прилежного копирования предметов и лиц,— определяет свою творческую позицию московский художник Анатолий Мосийчук.— Художник в своей работе должен быть сродни композитору — соотносить внутреннюю музыку выстраивать, создавать ее образ во внешнем пространстве».

Художник Мосийчук органичен в сегодняшнем дне, его переживания откликаются в каждом, о чем бы он ни заговорил,— о житейских трудностях или о глобальной угрозе миру.

Чистые, пронзающие интонации. Три женских фигуры в ночи. Одиночество, неустроенность, нереализованность женской судьбы. Старик и попугай. Они сидят друг против друга, разделенные песочными часами. Скользит песок времени, старику уже не вернуться в жизнь. А птица было покинула свою клетку, но обязательно вернется обратно, без клетки она уже жить не может. Нехитрая параллель, но почему так сжимается сердце?

Тема художника, его жизни среди людей — одна из основных в творчестве Мосийчука. Портретно-«житийные» скульптуры, посвященные Тициану и Генри Муру. Последняя работа — Николай Рубцов. Непризнанный при жизни, скитавшийся по земле. Фигура хрупка и беззащитна. Присел на скамью, как бы повисшую в воздухе: не было в жизни поэта твердой бытовой, материальной опоры. Но неброским рельефом трав и колосьев застыла у ног своего сына родная земля...

Никита ИВАНОВ

А. М. МОСИЙЧУК.
Род. 1942.
ИЗ СТРАНЫ В СТРАНУ. 1982

СЮЖЕТ ОДИН.
Из серии «Театр». 1987.

ПАЛИТРА

ВЕРЯ
ВНУТРЕННЕЙ
МУЗЫКЕ

ВИРУС СЕРВИЗПРОНВИТ

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

— Наше общество столкнулось со своей недавней историей, как будто лайнер с айсбергом. И хотя удар для всех нас был неожидан и силен, корабль остался на плаву.

Тридцать седьмой год жестоко прошелся по нашей семье: двое дядьев погибли в неволе, третий отсидел десять лет, а мой отец, реабилитированный после XX съезда партии, получил в подарок от товарища Сталина пять лет лагерей. Жизнь его была сломана...

(Так начал свой рассказ главный редактор журнала «Юность», лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола поэт Андрей Деметьев. В эти дни ему исполняется 60 лет.)

— Жили мы бедно. Мать одна тянула семью. Девятый класс я сдал экстерном, чтобы побыстрее окончить школу и почувствовать себя самостоятельным человеком. О чем я только не мечтал тогда — и о медицинской академии, и об институте международных отношений, и об университете... Но сыну «врага народа» было нелегко — анкетная проверка всех ставила на свое место.

Почему же все-таки посадили отца — выходца из бедной крестьянской семьи, своим трудом и способностями пробившегося в науку. Помню, что на первом суде его оправдали и он плакал при всех от торжества справедливости, как ему тогда казалось. Но прокурор подал протест, и отца посадили после второго суда.

У меня в те непростые годы, как и у многих моих сверстников, не было позиции. Мы были инфантильны, незрелы, наше духовное возмужание затягивалось.

— Андрей Дмитриевич, если судить по вашим стихам, по количеству изданных книг, ваша судьба сложилась, в общем, благополучно. Значит, вас не коснулись несправедливости времени застоя и вы как бы взяли реванш за последствия того, что были сыном «врага народа»?

— Это не совсем так. Чудовищное колесо, давившее любое проявление инакомыслия, прокатилось и по мне. Просто я об этом не люблю вспоминать. В 1964 году я написал стихотворение «Россия пьет». Толчком послужила командировка.

В поезде меня просто потрясло пьяное буйство пассажиров. Пьяны были буквально все, исключая, может быть, только машиниста. Тогда этот поезд показался мне многострадальной Россией, мчавшейся по нетрезвым путям в неизвестность. Стихи эти я читал на своих вечерах. И на меня стали коситься. А потом к 50-летию Октября написались стихи о расслоении в нашем обществе, о том, что для одних лишняя рубашка с галстуком — роскошь, а для других роскошью стала вся жизнь — от личных «Волг» до чужого подбострастия.

Многое меня тогда тревожило и возмущало. С послевоенного времени каждую субботу я уезжал из Калинин в Москву за продуктами. А в газетах крупными шрифтами набирались заголовки — «Историческое решение...», «Для блага народа...» И в то же время крестьяне покидали обжитые дома и родные поля, а их земляки из Тулы, Калинин, Калуги, Ивановы толкались в очередях в столичных продуктовых магазинах. И вот однажды я прочитал обо всем этом новые стихи. Прочитал на вечерне поэзии землякам. Ретивые коллеги завели на меня персональное дело, обвинили в клевете и чуть ли не антисоветизме. Не знаю, как бы моя судьба сложилась дальше, если бы в это время я не переехал в Москву. Переезд в столицу спас меня от гнева местных демагогов.

— Скажите, а сейчас у вас есть враги?

— Мои враги — это те, кто не хочет изменений в нашей жизни, это враги перестройки. Я не могу отмалчиваться, соглашаться, принимать многие статьи, которые публикуются в «Молодой гвардии», «Нашем современнике», «Москве». «Юность» им отвечает и будет отвечать.

— Вы редактор молодежного журнала. Сохранились ли в вашей душе те порывы молодости, которые, несмотря на возраст и положение, показали бы, что вы понимаете нынешнюю молодежь и готовы и дальше поддерживать ее?

— Гм... Я, не задумываясь, готов встать в ряды каких-нибудь молодых «забастовщиков»: неформалов, экологов, «зеленых», протестующих против любого проявления конформизма и бюрократизма, — и тем самым, как прежде, проявить свой юношеский максимализм.

Бесконечно верю в победу перестройки. Думаю, что после XIX партконференции мы еще и еще раз убедимся в том, что партия должна состоять из людей творческих. Только на творца может рассчитывать в своих надеждах Время.

Беседовал Феликс Медведев

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Этот зловещий фургон, прозванный в народе «черным вороном», однажды остановился у нашего дома и увез моего отца.

Старели женщины до срока,
Когда в ночи
Он отъезжал от темных окон
И угрожал — «МОЛЧИ...»

О, черный ворон, черный ворон!
Ты был внезапен, как испуг.
И просыпался целый город
На каждый стук.

Не видя слез, забыв про жалость,
Свой суд творя,
Ты уезжал... Но оставалась,
Но оставалась тень твоя.

На снах детей, на тыщах судеб,
На всей стране.
Как трудно было честным людям
Жить с тенью той наедине.

И закрывались глухо двери
Перед добром.
И люди разучились верить
Сперва себе. Ему — потом...

О, черный ворон, черный ворон!
Будь проклят ты!
Сейчас ты лишь бумаги ворох,
Да безымянные кресты.

Да память горькая, да слезы.
Да имена друзей.
Проехали твои колеса
По сердцу Родины моей.

1962 г.

РОССИЯ ПЬЕТ

Я ехал в поезде вчера,
Как будто ехал в вытрезвителе.
Мои попутчики — строители;
Видать, большие мастера,
Опять ладонью губы вытерли.

«Что ж не выпить? Завтра — Май.
Осуждаешь, что ли, парень?
Слышь, Павлуха, наливай!
За знакомство вдарим...
Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!»

Мне суют под нос стакан —
«Не стесняйся...»

Вез наш поезд мат и смех,
Песни озорные.
И плыла одна на всех
За окном Россия.
И на частых остановках
Лезла к нам в вагон она —
В смехе, в говоре, обновках, —
И пьяным-пьяна.

Эх, Россия, эх, Россия!
Сколько вынесла ты зла.
Помнишь, скарб в кабаке
носила,
Лишь бы стопочка была,
И казалась сладкой водка
Оттого, что жизнь горька.
От двора до околотка
В праздник — пьяных три шага.
Ты гуляла так, что тошно
Становилось на Земле.

Это все осталось в прошлом...
Только что-то грустно мне.

Эх, Россия, грустно что-то.
С болью в сердце я гляжу —
Снова пьют у нас без счета,
В драке тянутся к ножу.
В будни пьют и в дни
рождений,
Веселясь или скорбя,
При деньгах или без денег, —
Пьют, Россия, за тебя.
Но от этаким любви,
Русь, ты их останови...

1964 г. Калинин.

■
Пока мы боль чужую чувствуем,
Пока живет в нас сострадание,
Пока мы мечемся и буйствуем, —
Есть нашей жизни оправдание.
Пока не знаем мы заранее,
Что совершим, что сможем
вынести, —
Есть нашей жизни оправдание...
До первой лжи или первой хитрости.

■
Лишь рядом со смертью
Вдруг сердце пронзит
Забывшее чувство вины перед теми,
С кем делишь привычно судьбу
или быт,
К кому привыкаешь,
как к собственной тени.

НАКАНУНЕ ОПЕРАЦИИ

Человек умирает дважды:
Первый раз — в своих мыслях
тягостных,
Равнодушно или отважно,
Но от собственного диагноза.

Я прошел этот долгий ужас
Одиночества и отчаянья,
Когда жизнь — это просто участь,
Что внезапно в тебе кончается.

А второй раз он умирает
В самом деле — легко или
горестно —
Оттого, что смертельно ранен,
От болезней или от возраста.

А которая смерть страшнее —
Я не знаю. И знать не хочется.
Я пока только жить умею.
Я всегда не любил одиночества.

■
Мы столько не виделись лет —
От первой улыбки до слез.
В душе затерялся твой след.
Чужими словами зарос.

Вначале я помнил тебя.
Потом все дела да дела...
Последней листовой октября
Вновь память тебя замела.

Прости, что забылись слова,
Прости, что не помнился смех.
Любовь лишь однажды права,
Когда она свет, а не грех.

Спасибо за то, что была...
За то, что забылась навек,
Как мед забывает пчела,
Как землю — растаявший снег.

ФОТОКОНКУРС

• Леонид Константинов. ТРОЕ В ЛОДКЕ.

• Николай Чесноков. УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ.

• Владимир Руемновский. УТРО В МУЗЫКАЛЬНОЙ СТУДИИ.

• Звонимис Булгаковас. ПРОГУЛКА.

**Земля
у нас
одна**

**Владимир МАЛЕЕВ,
Александр НАГРАЛЬЯН
(фото)**

«...Мне очень стыдно перед тов. Стрижаковым. Он поверил мне как человеку, а я сорвалась опять. Я очень, очень прошу его извинить меня и обещаю, что приду и все-таки буду стремиться к лучшему... Пожалуйста, покажите это письмо Владимиру Евгеньевичу, потому что я его очень уважаю и еще раз прошу прощения, что не оправдала его доверия... Я не теряю надежды.

С уважением Г. К.»

Ето письмо из лечебно-трудового профилактория от женщины, направленной на принудительное лечение от алкоголизма. Трогательное. Искреннее. От всего сердца. Ответ на участие, за которым — трагедия, а возможно, грядущая победа.

...Мы идем по улицам старой Самары — реликтовому уголку в центре Куйбышева. Под камуфляжем бликов весеннего солнца изрядно запущенные, но не утратившие архитектурного изящества фасады домов будто помолодели. Сочнее стали краски, рельефнее — формы. Картинка для туристического проспекта, радующая взгляд любителей старины.

Но это все — экзотика для непосвященных. Старшему участковому Самарского РОВД В. Е. Стрижакову, как никто, знающему этот район с изнанки, не до восторгов. За старыми стенами прячется здесь коммунальный быт. Только пятая часть домов благоустроена. Быт, где все у всех на виду. Где каждый пустяк, слово, жест могут встретить неожиданное понимание. Или неприятие, обиду. Где тесная дружба соседствует с открытой враждой. Где уединение — роскошь, а человеческое общение — не всегда в радость. Особый уклад, особые правила общежития. Четвертая часть жителей — пенсионеры. Много социально неблагополучных. С ростом новостроек произошла своеобразная сегрегация жителей. В старой Самаре остались те, у кого виды на новую квартиру весьма проблематичны. Атмосфера конфликтная, чреватая взрывами. Потому-то и забот у Владимира Евгеньевича хватает. Летом вообще ситуация «пиковая». Район становится местом отдыха горожан — базар, пляж, речной вокзал, они привлекают людей...

Скоро четырнадцать лет, как окунулся в это людское варево В. Е. Стрижаков. Познал он тут жизнь во всей ее неприглядной и скандальной наготе. По мере своих в общем-то скромных возможностей пытается смягчить неприязнь, разрядить сгустившуюся атмосферу. Владимир Евгеньевич и следователь, и воспитатель, а иногда он проявляет себя как пробивной хозяйственник. Кем только не станешь ради уми-

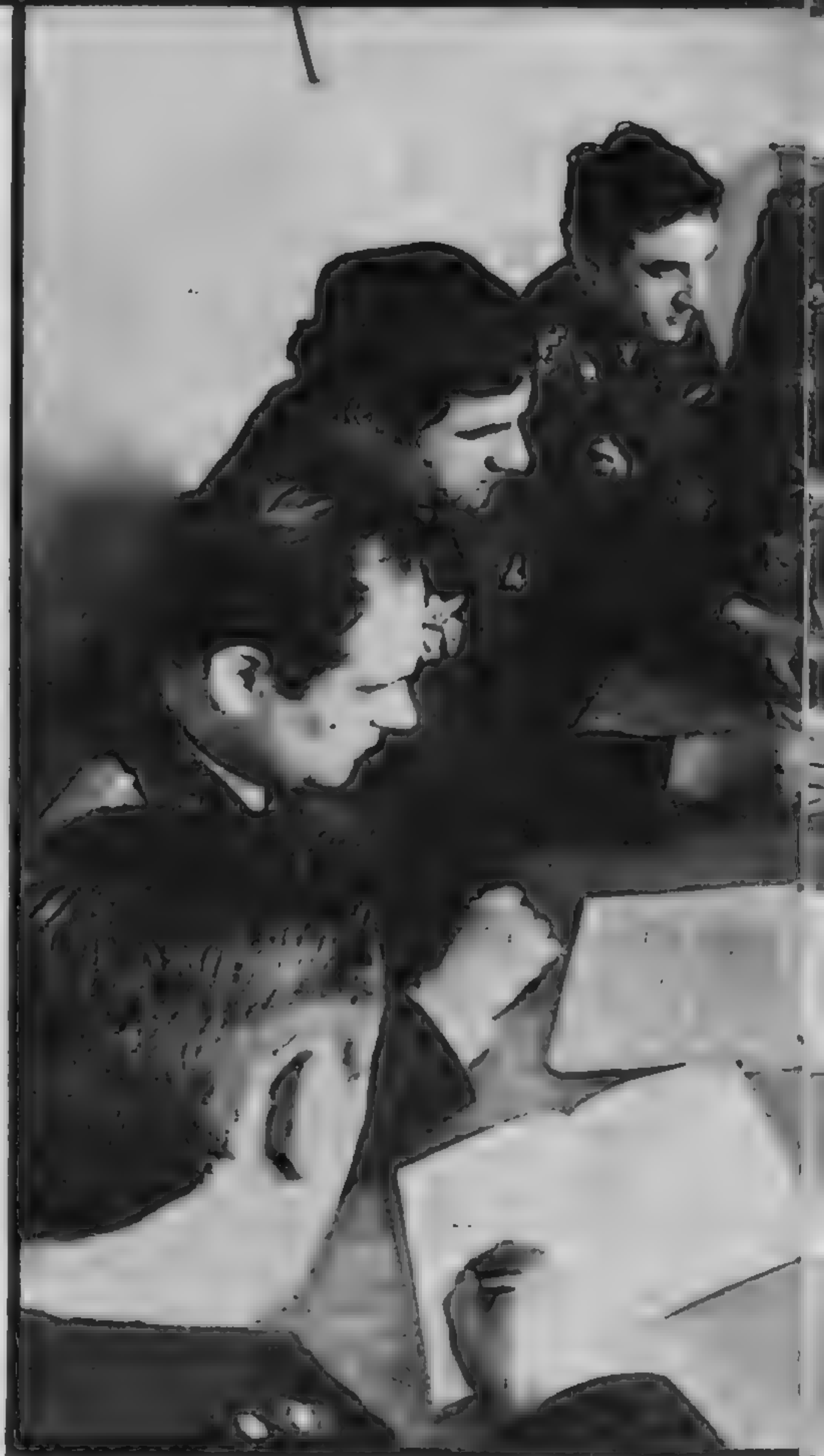
ротворения недобрых сил жизни, чтобы прежде всего выполнить свой служебный долг.

Нет у нас статистики добрых дел. К сожалению, нет. Хорошо бы знать, сколько преступлений предупреждено, какова доля общественного здоровья на совести дотошного участкового. Не измерить живительного тепла благодарных слов за своевременную с его стороны помощь. Да и ни к чему это, вести подсчет — кощунственно подходить со счетами к добру. Добро так и так не пропадает. А мера ему — твое честное имя на устах людей.

Настоящую цену ему я осознал позже, когда сам побывал у подопечных Владимира Евгеньевича Стрижакова. Больно видеть картины повседневного, прошедшие перед глазами. Трудно было поставить себя на место участкового, которому надо каждодневно быть в курсе событий, происходящих в десятках домов и квартир, брать на себя ответственность в критических ситуациях.

Вот молодая женщина, она ухаживает за парализованной матерью. Ушла от мужа, отказавшего ей в помощи. Тяжесть случившегося оказалась не по силам. Вскоре женщина оставила и двоих детей. Дошла до того, что потянулась к наркотикам. Теперь в ее глазах — пустота безразличия...

Вот затравленная старушка жалуется на сына, четырежды судимого, а теперь пропивающего вещи. Но сын же — отправлять его на принудительное лечение мама не хочет.

Вот пьяное застолье. Алкаш, сидящий на иждивении жены, справляет именины. Приходу участкового собутыльники «рады» — распозлись в ухмылках, кривляющиеся, обезображенные пьянками лица, среди них есть и совсем молодые...

Не по себе от вида концентрата беды, горя. Страшна вереница изувеченных пьяной погибелью судеб. Где былые мечты и надежды этих все-таки людей? С какими словами к ним подступиться милиционеру, о каких идеалах, моральных ценностях можно с ними говорить? Навеки прощайте, теплота и гармония, покой крепких семей, живые лица детей? Нет их, здесь нет...

— Нервы сдают, — обронил Владимир Евгеньевич. Слово врач после обхода тяжелобольных, он долго размышляет, прежде чем определить метод лечения. — С той девушкой буду беседовать... Должна бы одуматься. Пьяниц и без нее хватает. А тем место в ЛТП, иначе быть беде...

— И тем не менее на безгласность мы не имеем права, — говорит В. Е. Стрижаков. — Да, эти люди опустели. Потеряли человеческий облик. Но они не мусор, их место в жизни — не на свалке. Если поздно спрашивать, почему они оказались в теперешнем состоянии, то мы просто обязаны использовать все средства, чтобы вытянуть людей из грязи.

Но одними руками, как бы ни были

они сильны и добры, одними руками не вытянуть. Да и не только в этом задача участкового инспектора. Он — Уполномоченный Закона. Организатор охраны правопорядка. Без помощи населения, трезвомыслящих и образованных жителей он без глаз и рук.

В. Е. Стрижакову повезло с единомышленниками. Председатель общественного пункта охраны правопорядка хоть и пенсионер, но бывший начальник уголовного розыска района — Алексей Яковлевич Шиян. Слесарь Федор Егоров — командир оперативного комсомольского отряда. Десятки людей. Всех не перечислить. И все отдают свое свободное время без корысти, по убеждению, по совести. Благородное дело — социальная помощь. Не окриком — добрым делом... И словом. Не страхом, а поддержкой в борьбе за каждого. Тем более за того, кто уже катится по наклонной плоскости. Кто подошел к черте закона и вот-вот переступит ее... Только в прошлом году здесь внимание общественности коснулось 622 неблагополучных. Сегодня под контролем — 426 подопечных. И это в общем-то в небольшом районе.

А ведь не каждый сочувствующий идет на сотрудничество с милицией. Такова уж психологическая реакция на милицмейскую форму, она вызывает настороженность в людях. Человек в мундире как бы и не личность в глазах окружающих, как бы и не свой брат

горожанин, но атрибут закона. Без него и нельзя — закон должен быть в форме, а с ее носителем только без панибратства. Но такое отчуждение участковому мешает.

— Только через три года почувствовал, что форма перестала стеснять, — признался Владимир Евгеньевич. — Тогда понял, что нашел себя.

Стрижаков! — перед этим именем сегодня магически открывается каждая дверь в районе. Привыкли люди: ничего, кроме добра и спокойствия, оно не несет.

Не плутал в поисках своей дороги Владимир Евгеньевич. Служба на флоте. Завод. Комсомольский набор в милицию. Вот и все жизненные вехи... Дослужился до майора. Старший участковый. Что дальше — точка? Растить не позволяет среднетехническое образование. Подходит к концу выслуга лет. Точка или многоточие? Не все решает диплом. Опыт есть. Будущее покажет.

Вот что сказал мне заместитель начальника Управления охраны общественного порядка области А. В. Возняк:

— Служба участковых не видит той помощи, которую должны оказывать городские власти в соответствии с известным постановлением партии и правительства. До сих пор только сорок два процента наших инспекторов имеют жилье на обслуживаемой ими территории, еще меньше имеют домашний телефон. Кстати, Стрижаков ждал благоустроенную квартиру почти четырнадцать лет!

В камень преткновения превращается такое, казалось бы, элементарное дело, как трудоустройство тунеядцев и лиц, вернувшихся из мест лишения свободы. У таких ни кола ни двора. На работу не берут — нет прописки. Чтобы прописаться, им надо где-то жить! Общежитие? Но, чтобы туда поселиться, нужно быть принятым на работу. Круг.

Журнал посетителей участкового. Удивили вопросы, с которыми обращались люди к участковому. Какие же тогда проблемы решала группа из двадцати депутатов! А ведь они — все двадцать — должны поочередно дежурить в общественном пункте! Оказалось, семь раз из одиннадцати депутатов не было на месте. И только три раза не явились сами посетители.

Грустный факт. И вполне объяснимый. Депутатов выдвигали перед выборами не жители района, а представители предприятий. Учитывали пол, образование, партийность — не один ценз, а вот о территориальной принадлежности забыли! И получилось, что из двадцати депутатов большинство для избирателей, то бишь для жителей района, — чужаки. Отсюда и взаимная невнимательность. Такую ситуацию в райисполкоме вроде и понимают, но сломать сложившуюся систему страшатся. Ждут? Чего? Указаний сверху? А ведь «свой» народный депутат сплотил бы жителей района, выдвинул бы активных единомышленников, кто дрался бы за исполнение наказов избирателей. Нет заинтересованности — нет и дела.

— Еще проблема, — называет В. Е. Стрижаков, — досуг молодежи. Газеты восторгаются, что клубы активизировали работу, достигнут рост платных услуг! Но кружки и курсы всегда были, и даже бесплатные! Что ж, были богаче — стали беднее? Или скуднее? На чем и на ком экономим? Не разумнее ли, чтобы те несколько тысяч рублей, которые выручает крупный клуб за год, брать у заводов, фабрик, чем у молодых людей по грошам? А мы еще удивляемся, почему молодежь предпочитает толкотню дискотек, темные аллеи в парках!..

В размышлениях на эти невеселые темы мы провели последние часы с одним из лучших участковых МВД СССР майором милиции Владимиром Евгеньевичем Стрижаковым. Расстались с верой в разум энергичных людей, в творческие силы перестройки.

Участковый. От слова «участие»? Нет, не так уж случайна эта игра слов.

Яков СЕГЕЛЬ

РАССКАЗ

Видимо, исключительно для солидности врач на своем молодом лице носил серьезную черную бороду, подобающую, по его мнению, психотерапевту. Он пронзил Илью Петровича всепроницающим взглядом и, не спрашивая ни о чем и даже не прикасаясь к пациенту, поставил безошибочный диагноз:

— Бессонница.

Проницательность доктора объяснялась просто — чаще всего к нему обращались именно с этой жалобой.

— И давно это у вас?

Илья Петрович задумался или только сделал такой вид.

— Я спрашиваю, давно это у вас? — врач начинал сердиться.

— Ой, простите, доктор! Понимаете, это началось как-то не сразу... Ну, что ли, как-то постепенно... Вообще, я знаю, надо гулять перед сном, оставлять на ночь открытую форточку... И я, честное слово,

Илье Петровичу уже доставляло явное удовольствие отмечать, как на самом деле исполняются все подсказки доктора, он получал от этого почти наслаждение.

— Я лежу в душистой, высокой траве и слышу, как стрекочут кузнечики... Теплый воздух пахнет травой и цветами... Травой и цветами... Глаза мои закрыты, но сквозь ресницы я вижу над собой голубое небо и легкие облака... Легкие, пушистые облака...

До этих слов Илья Петрович охотно следовал за врачом, но когда тот заговорил о траве, душистых цветах, теплом воздухе, Илья Петрович вспомнил — как будто его кто-то заставил вспомнить — совершенно другой, далекий день, когда ему вовсе не было ни тепло, ни уютно, ни тем более комфортно и лежал он тогда совсем не на душистой траве, а на снегу. И какие уж там кузнечики — среди зимы?!

Это было лет сорок назад... Или сорок два?.. Пожалуй, точнее — сорок три. Сорок три... И — никаких приятных запахов, пахло паленой тряпкой. Наверное, на ком-то из убитых тлел ватник. А может, ватник тлел на нем самом?..

— Я спокоен... Приятная истома овладела всеми моими членами... Жужжат пчелы... Приятное, монотонное жужжание...

Нет, в тот далекий студеный день Илья Петрович услышал не пчел, а человеческие голоса. Говорили не по-русски...

Он попробовал незаметно приподняться, чтобы посмотреть, но что-то прижало его к снегу... Тяжелое... Оно лежало наискось через все его тело.

Минуту спустя, даже не приподнимаясь, он увидел тех, что говорили, — двое в зеленых шинелях со «шмайссерами». Они ходили по поляне, низко опустив головы. Так ходят, когда ищут грибы или ягоды. Они искали тех, кто еще был жив, и приканчивали их из автоматов.

выдаст пар изо рта... Как, наверное, выдал многих... Значит, надо дышать еле-еле... Еле-еле... И уж ни в коем случае не шевелиться.

Илья Петрович лежал на самом краю поляны. Совсем близко начинался кустарник, за ним — мелкий ельник и только за ним — лес...

Он попробовал подвигать правой рукой... левой... Ногами подвигал, сперва — одной, потом — другой... Вроде бы целые, нигде не болело. Только вот непонятная тяжесть по-прежнему вдавливала его в снег.

И вдруг он понял, что слышит вовсе не свое сердце, а того, кто лежит на нем. А если тот жив, значит дышит, и теперь пар от его дыхания может погубить их обоих.

— Ваше тело расслаблено... Вы дышите спокойно... мерно...

Снова раздалась короткая автоматная очередь, и еще кто-то, кто жил до этой секунды, перестал жить. Наверное, дышал...

Прямо в ухо Илье Петровичу стучало чужое сердце. Он скосил, как мог, глаза и тотчас понял, кто лежит на нем. Увидел он только его левую руку, только кисть руки, но тут же узнал, кто это, по большим наручным часам, циферблат которых прикрывала крупная металлическая решетка. Такие часы во взводе носил один только Вася Троеглазов.

Еще до войны Вася успел закончить курсы в районе и работал в совхозе бухгалтером. Играл на гитаре старательно, но плохо, зато мог почти мгновенно перемножить в уме два трехзначных числа и иногда в свободные вечера развлекал этим своим удивительным умением ребят из их взвода.

Илья Петрович отчетливо слышал Васино сердце, но боялся окликнуть его самого, а вместо этого толкнул снизу локтем.

Куда уж он там попал, может, в рану, но только Вася слегка шевельнулся и застонал.

БЕССОННИЦЫ

и гуляю, и форточку оставляю, но...

Но тут бородатый доктор, уже предвидя длинные и знакомые объяснения, прервал Илью Петровича:

— Ну, ясно, ясно, — нетерпеливо вздохнул он, глядя на пациента в упор. — Вообще-то, если по совести, такой болезни нет — бессонницы, а есть, если хотите, определенная распушенность.

Илья Петрович уже начинал жалеть, что кого-то послушал и обратился именно к этому врачу, но тот, неожиданно сменив тон, ласково, по всей видимости следуя испытанной, профессиональной методике, сказал:

— Ну, что ж, попробуем вам помочь.

Он поправил на широкой кровати большую подушку в отглаженной наволочке и гостеприимно откинул угол толстого шерстяного одеяла:

— Раздевайтесь и устраивайтесь покомфортней.

Врач задернул плотные шторы и в наступившем сумраке засветил маленькую лампочку на своем столике.

— Укройте лучше, полностью расслабьтесь и не старайтесь, пожалуйста, уснуть — это произойдет само, а если даже не произойдет, то вы, во всяком случае, почувствуете, что хорошо отдохнули. Ну, вот... Устроились?.. Прекрасно! А теперь, пожалуйста, не спеша повторяйте за мной мысленно: «Я спокоен... Я совершенно спокоен...»

Он говорил медленно, растягивая слова, а Илья Петрович, про себя, честно вторил ему:

— Мне тепло и уютно... Тепло и уютно... Ничего не беспокоит меня... Приятная теплота разливается по всему моему телу... Мне хорошо и спокойно, и — никаких забот... Моя правая рука начинает тяжелеть, становится чугуновой... Левая рука тяжелеет... Наливается чугуном... Чугунная рука... Чугунная...

Послушно повторяя за доктором каждое слово, Илья Петрович действительно стал ощущать приятные тепло и тяжесть.

— Чугунные руки лежат вдоль расслабленного, тяжелого тела... Эта тяжесть приятна... Приятна... Кровь упругими волнами течет по сосудам от плеча к пальцам, и вот я уже отчетливо начинаю чувствовать свой пульс, он ровно и сильно бьется в кончиках моих пальцев.

— Приятная, приятная истома... Над вами плывут облака, а вам кажется, что сами вы плывете куда-то, мягко покачиваясь на теплых волнах... Приятная, приятная истома...

До этой проклятой поляны рота выходила из окружения почти без потерь. Почти... Убитых хоронили наспех, и замполит отмечал на истертой карте места могил, чтобы потом сообщить родным и в штаб. А потом... Потом на той же карте отметили место, где похоронили замполита.

Шли уже пять дней и вконец вымотались.

— Вы отдыхаете... Вам комфортно и совсем не хочется шевелиться, и думать ни о чем не хочется... Ни о чем...

Но Илье Петровичу теперь уже никак не удавалось не думать.

Чтобы выйти из окружения, им тогда оставалось совсем немного, каких-нибудь пятнадцать, двадцать километров...

Впереди скрытно двигались разведчики. Они должны были предупредить, если бы наткнулись на врага. Не предупредили потому, что не наткнулись. Видимо, гитлеровцы специально пропустили их мимо, чтобы неожиданно ударить по роте.

Хитрость удалась — положили всех. Наверное, всех. И тех разведчиков тоже.

Сейчас Илья Петрович не мог вспомнить, как оказался на снегу. Он и тогда даже не сообразил сразу, ранило его или нет, а если и ранило, то куда?..

— Вы спокойны... Дыхание ваше ритмично... Рот полуоткрыт, губы расслаблены... Лежать вам приятно... Тихо... Очень тихо... Так тихо, что вы слышите биение собственного сердца... Биение сердца.

Тогда, на снегу, оно билось так громко, что, казалось, те, с автоматами, могли услышать его. Илья Петрович понимал, конечно, что так ему только кажется, но все равно испытывал от страха тошноту.

— Сладкая истома охватила каждую клеточку вашего расслабленного тела... Сладкая истома...

Те, кто, подобно грибникам, искали оставшихся в живых, бродили по поляне уже совсем недалеко. Только б они не заметили, не догадались, что он жив... Нет, сердца его они, конечно, не услышат, но он же не сможет бесконечно не дышать, а тогда его

Как раз в эту секунду раздалась сразу две автоматные очереди, и, должно быть, поэтому, подумал Илья Петрович, немцы, к счастью, не услышали Васиного стога.

Из осторожности Илья Петрович не стал его больше толкать, но тут Троеглазов сам прохрипел сверху: — Живой, что ли?..

Илья Петрович боялся, что их могут услышать, и поэтому только еле-еле прошептал:

— Ага...

Но и это «ага» было таким тихим, что Вася повторил погромче:

— Живой?..

— Да живой, живой! — зашептал Илья Петрович, ужасаясь, что автоматчики, если и не услышат, то могут заметить пар от их дыхания.

А те двое с автоматами подошли еще ближе и остановились перед пенком, к которому привалившись спиной, косо сидел кто-то из их роты, естественно подвернув руку и уронив стриженую голову на грудь. Шапка его валялась рядом.

Отсюда, от Илья Петровича, хорошо были видны его затылок, оттопыренные розовые уши, плечи и часть спины. И еще было видно, что тот, у пенка, одет в засаленный ватник. Знакомый ватник...

Лифшиц... Семен Лифшиц... Илья Петрович узнал его по ушам.

Ударил автоматная очередь, пули вспороли ватник, и Илья Петрович увидел, как Лифшиц вскинул на мгновение голову, выгнулся, потом осел, обмяк и... перестал жить.

— Гранаты... — прохрипел Троеглазов. — Там у меня гранаты... Ты... давай...

«А почему я? — подумал Илья Петрович. — А пусть сам... Гранаты ж его...»

Но Вася будто услышал эти мысли и выдохнул через силу:

— У меня руки перебитые... Давай... Бери...

И он, насколько мог, повернулся, чтобы Илье Петровичу удобнее было дотянуться до гранат.

— Поближе подпусти, — хрипел Вася. — Я отвечаю... И давай... А после уйдем...

Автоматчики подошли уже совсем близко, поэтому Илья Петрович отвечать не стал, замер, почти не

дышал, чтобы пара не заметили... Хорошо бы и Вася теперь не дышал...

А те подошли еще ближе.

— Ну!.. — едва слышно выдохнул Вася и еще немного повернулся. — Ну... бери!..

Илья Петрович почувствовал, что гранаты перестали давить ему в спину, переместились, а одна из них почти легла в его ладонь.

— Ну!..

Оставалось только сжать пальцы и...

— Ну!!

Один из автоматчиков, что был поближе, насторожился, поздравил второго, и они оба застыли, прислушиваясь.

Даже сейчас Илья Петрович еще вполне мог успеть схватить эту гранату и, вырвав чеку, швырнуть ее под ноги тем двоим — они как раз стояли, отвернувшись, вплотную один к другому.

Теперь не дышал и Вася... Наверное, понял...

Сейчас Илья Петрович решится... Сейчас... Сейчас... А потом они с Васей дождутся в лесу темноты и ночью попытаются выйти к своим...

Еще оставалось мгновение, но Илья Петрович все лежал и лежал, не шелохнувшись, не дыша, и даже глаза закрыл — будь что будет.

Мгновение длилось... длилось... но сколько может длиться мгновение?!

И Вася Троеглазов не выдержал.

Теперь Илья Петрович, даже захоти, не смог бы дотянуться до гранат, которые висели на Васином ремне. Да он и не пытался, а только плотнее зажмурил глаза.

А Василию Николаевичу Троеглазову, который успел подняться во весь рост, просто нечем было швырнуть гранату — перебитая левая рука безжизненно висела вдоль тела, а правой вместе с рукавом не было вовсе.

Мгновение, которое рано или поздно должно бы-

ло кончиться, кончилось, и две автоматные очереди почти одновременно прошли сквозь Васю Троеглазова.

Он упал грудью вперед и снова всей тяжестью навалился на Илью Петровича. Только на этот раз Вася был мертв.

Его гранаты еще сильнее давили в спину Илье Петровичу. Но, ничего, это еще можно было выдержать, а вот, сколько ему удастся сдерживать дыхание, чтобы те двое не заметили пар?..

В тишине Илья Петрович снова услышал мерный стук. Неужели Вася еще жил, а значит, дышал и, значит, те могли заметить пар и еще вернуться. Но испуг этот быстро прошел, слава богу, билось не Васино сердце, а тикали только его часы. Вывернутая кисть убитого висела прямо перед глазами Ильи Петровича.

Снежинка опустилась на еще теплую Васиinu руку и растаяла. Капля сползла к часам. Циферблат был залит кровью, и стрелок не разглядеть, но часы тикали, время шло.

Автоматчики сказали друг другу что-то и ушли.

Но он не торопился начать дышать, а дал им отойти подальше.

Жив!..

Освободиться от мертвого тела он тоже не спешил — ничего, пусть, даже хорошо, даже согревало еще, пока было теплым, пока не остыло. Он только повернулся слегка, чтобы гранаты не так давили в спину.

Теперь он вполне сможет пролежать до темноты, а чтобы не замерзнуть, станет шевелить пальцами на руках и ногах...

— Сеанс окончен! — громко произнес доктор. — Будем пробуждаться!

С тех пор, вот уже почти сорок пять лет, зимой Илья Петрович носил шерстяные кальсоны и шерстяные носки. Снимал он их только весной, отмечая этим, как шутила жена, День Победы.

Если бы Вася остался жить, ему бы сейчас, как и Илье Петровичу, было шестьдесят пять лет, и ему, как и Илье Петровичу, вручили бы орден Отечественной войны.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

Ведет Евгений ЕВТУШЕНКО

Как причудливы бывают судьбы книг и людей. В руки мне попал, быть может, единственный сохранившийся экземпляр тонюсенькой книжечки, напечатанной на оберточной бумаге в Смоленске в 1921 году.

Издание фронтовой комиссии помощи голодающим Поволжья. Типографский штамп «Разрешено военной цензурой Запфронта». На обложке эпиграф из Верхарна: «Ноябрьский ветер трубит в рог на перекрестках всех дорог». Думал ли когда-нибудь Верхарн, что забредет на те смоленские дороги, по которым гнали Наполеона? Имя автора —

Евсей Эркин — мне ничего не говорило, а вот стихи тронули.

Почувствовать историческим инстинктом, что среди разрухи и голода «иной идет к нам Ломоносов, да с песнями твой Беранже» было если не поэтическим, то по крайней мере человеческим незаурядным предвидением.

Другая редчайшая книга — «Мое», Ивана Жижина, которая издана в Иваново-Вознесенске в 1922 году Губсоюзом потребительских обществ в количестве 1500 экземпляров.

Посвящена она с романтической торжественностью «Взлелеянному моему духу пролетариату Красного Манчестера».

На книге высокопарный, но наверняка искренний автограф: «Ото всей души, переполненной немеркнущими лазурными светлыми «Ивы», «Яри» и «Цветущего посоха», рассеявшими величавые звоны над дремучими просторами Руси — автору названных мною книг — Сергею Митрофановичу Городецкому дарю своего робкого первенца на добрую память Иван Жижин». А по

страницам книги рассыпаны частички, как писал Пастернак, «дымящейся совести», драгоценные крупинки исповеди времени. Книжечка «Голос» (Профиздат, 1934) Александра Шевцова поразила талантом, близким к Ярославу Смелякову и Борису Корнилову.

Безвременная смерть отняла несомненно будущего крупного поэта. Позволю себе смелость привести и поразивший меня афористичностью фрагмент из книги

Б. Лихарева «Соль», издательство «Прибой», 1930. Уверен, что приведенные из редких сборников стихи этих авторов будут открытием для читателей «Огонька».

Выражение «белые пятна» мы употребляем сейчас в основном в историко-политическом плане, но не надо забывать и о «белых пятнах»

в истории развития формы искусства, его художественных стилей.

Иван ЖИЖИН

(1892—1933)

ПОЭТ
И ТОЛПА

Приласкай меня, как собаку,
Погладь, шею пощекочи.
Ведь любо былинке и злаку
Пить росу и солнца лучи.

Ты — мой деспот и мой приятель,
Многоликая ты толпа.
А я — с чахлой грудью писатель —
Для твоих прогулок тропа.

1920 г.

РОКОВОЕ

Поломай, поповеркай жестянку:
Если жечь пополам не сломал,
То на глянце за ранкою ранку
По изгибу означит металл.

Ранки те через день потемнеют,
Скоро выступит ржавчины рось,
И они проболят и протлеют
На сверкающем глянце насквозь.

Рук тогда не натрудишь до боли:
Жесть сама распадется собой.
Так и ты, моя твердая воля,
Исковеркана, видно, судьбой.

Борис ЛИХАРЕВ (1906—1962)

* * *

Человечеством правит врач.

Подчиняющийся врачу,
Я вручил ему первый плач
И предсмертный свой хрип вручу.

Он стоит, как в морях маяк.
Для него, что суров и хмур,
Все невзгоды, вся боль моя,
Только смена температур.

Ах, обличью его дивись,
Еле сдерживая восторг;
На щите у него девиз —
Имя громкое «Медснабторг»!

В светлых латах из полотна

Он как рыцарь проходит вдаль,
Лишь поблескивает, холодна,
Хирургических лезвий сталь.

Долетает издалека
Торжествующая латынь,
Как в мифические века
Отливающая золотым.

Он позвал меня за собой
В дом высокий и светлый свой...
Я налево взглянул, и вот
Щеки мне покрывает пот...

Пес распластанный на доске
Издыхает в немой тоске.
И желудочный льется сок
В гуттаперчевый желобок.

Я направо взглянул, и вдруг
Горло мне захлестнул испуг...
Там зеркал отраженный свет
Озаряет огромный мир
Вибрионов и спирохет,
Он над миром их командир!

Ядовитые бьют хвосты,
Угрожающий страшен рост,
В жаркой капле сырой воды
Их не меньше, чем в небе звезд.

Человечеством правит врач!

Подчиняющийся врачу,
Я вручил ему первый плач
И предсмертный свой хрип вручу.
Январь 1929

Александр ШЕВЦОВ

ФРУНЗЕНСКИЙ
РАЙОН

Понимая в мире слабо
Этих дней большой полет,
Несознательная баба
Две селедки продает.
Просит мало она,
Много ль,

Я не знаю.
Я сердит.
Николай Василич Гоголь
Супротив нее сидит.
Он сидит, не зная дрожи,
Не волнуясь,

Не дыша.
Эта баба —
Это что же?
Это мертвая душа.
Это просто вроде груза,
Как иные говорят...

Восемь членов профсоюза
У товарища сидят.
И кричит он им:

«Бригада,
Сотоварищи мои!
Больше спайки!
Скоро надо
Отражать
В боях бои.
Это скоро,
Враг наводит
Пулеметы на завод.
Над страной
Война восходит,

Там,
Где солнечный восход.
Больше силы,
Больше спайки!»
(И стоят, теряя страх,
Две домашние хозяйки
Два часа, как на часах.)
И кричит он:

«Скоро в поле
Будет ветер,
Бой и бред!»
И кричит он:
«Выпьем, что ли,
За поход
Больших побед!
За поход,
Что в мире света
Образует полосу,
Ты за это,
Он за это —
Я закуску принесу!»
И ушел,
Сбив шапку набок...
На углу, отгладив лед,
Несознательная баба
Две селедки продает.

На планете мимо пашен
И во все ее концы
Ходят наши и не наши,
Ходят дети и отцы,
Ходят ветры, и мы еле
Их улавливаем свист.

На помятой на постели

Просыпается фашист.
И лежит (ему не спится)...
Он готов
За пятилетку
Мне
Свинцовую синицу
Посадить
В грудную клетку.

Он готов, но это хуже
Для него лишь.
Я в ночи,
Растрезав на клочья лужи,
Прохожу.
Летят лучи
Фонарей.
Бежит аллея...
Пробежала...
Темен вид...
Красный мрамор Мавзолея
Посреди земли стоит.

Сон шагает по квартирам.
Город грозен,
Город глух.
Звезды падают над миром
В виде точки,
В виде двух,
В виде белых,
В виде алых,
Оставляя серый след
Над страной
Больших и малых
Сотрясений
И побед.

Евсей ЭРКИН

РОССИЯ
(фрагменты)

А. Блоку

Где втоптаны следы Батыя,
Где в поле тишь, а в клетях мышь,
Где тучи — сумерки седые
Висят на жердях рыжих крыш...

Не вздрогнет вкопанная Русь.
Колдуют тайной перепутья,
И шорохи ночью жутью
Творят молитвы наизусть...

Чего стоишь, молчишь, родная!
Иль, замирая, ждешь, когда

К тебе опять орда шальная
Ворвется в села, в города?..

Иль, вспомнив гики басурмана
И обходящий стук вокруг,
Ты, зная Грозного Ивана,
Не различишь, кто враг, кто друг...

Иль звон почудился над степью:
Чей у костра вдали привал?
Перегибая твой Урал,
Кто громыхает снова цепью?..

И свитки старого отбросив,
Из школ, рожденных в мятеже,
Иной идет к нам Ломоносов
Да с песнями твой Беранже!..

И СНОВА — ПРЕМЬЕРА!

А. ЛЕВУШКИН
Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

ДВОРЦАМИ КУЛЬТУРЫ
В НАШЕ ВРЕМЯ НИКОГО
НЕ УДИВИШЬ.
СТОЯТ ОНИ — ПОМПЕЗНЫЕ
И... ХОЛОДНЫЕ.
НЕ ОЧЕНЬ-ТО СПЕШАТ
СЮДА ЛЮДИ.
А В ЭТОТ ВОТ — ДВОРЕЦ
КУЛЬТУРЫ НЕФТЯНИКОВ
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ «БАШНЕФТЬ» —
УФИМЦЫ ИДУТ ОХОТНО.

Сегодня — премьера. Очередная. Витают на бело-розовых счастливых облаках ангелы. Господь Бог бродит. Журит кого-то, над кем-то подтрунивает, наставляет по-отечески. Там, на небесах, такая же жизнь, что и у нас с вами. Потому-то и оживает старая пьеса И. Штока сегодня, что и проблемы, оказывается, не устаревают, и человек меняется мало. Просто ли удержать внимание тысячного зала на протяжении нескольких часов, да силами любительскими, стало быть, дилетантскими? А зал то вспыхивает аплодисментами, то хохочет дружно, то замолкает заворуженно. В Уфе, где есть и театр башкирской драмы, давно уже крепко держащий своего зрителя, и русский театр, переживающий период подъема, привлекающий и новизной репертуара и проблемностью, и театр оперы и балета, и даже кукольный, — каждая новая постановка народного театра ДК нефтяников становится заметным явлением. О премьерах («Божественная комедия» — уже тринадцатый спектакль, выпущенный за несколько лет после открытия дворца) всерьез, без скидок на любительство, пишут местные газеты. О режиссере без оттенка высокомерия говорят завзятые профессионалы. И, чего греха таить, завидуют потихоньку. Завидуют энергии Петра Шеина, его изобретательности, выдумке. И знают — тут есть к чему присмотреться. На этой сцене, где сейчас гремит му-

зыка и беснуются в канкане черти и чертовки, ставились «Революционный этюд» и «Диктатура совести», «Вагончик» и «Третье поколение», «Приятная женщина с цветком и окнами на север» и «Анна Снегина» — спектакли, разные по тематике, по стилистике, по образности...

Мальчишкой в 14 лет Петр Шеин пришел на один из заводов «Башнефти». В 20 стал студентом. Став руководителем дворца в Нефтекамске — небольшом промышленном городе Башкирии, — поставил за полтора десятка лет 70 спектаклей. Темпы и для профессиональных театров завидные. Но главное — были и есть зрители. И в Нефтекамске, и в Уфе... Режиссер умеет не только зажечь зал, но и каждому исполнителю внушить: именно от него зависит успех спектакля. И еще: все коллективы дворца оказываются вовлеченными в постановку — музыканты ВИА, балльные танцоры, взрослые исполнители и совсем юные... Закончится праздник. Погаснут огни в зрительном зале, а завтра снова распахнутся для репетиций классы и залы. Что-то в них родится к следующей премьере?..

Хрущев его прерывает:

— А я ее так бы на вашем месте написал, чтобы эта самая доярка была бы героической и романтической — вот что такое искусство.

Пластов приставляет руку к уху:

— Ась? Ну, вот-вот, я и говорю, Никита Сергеевич, ничего в ней нет ни героического, ни романтического, писать-то и невозможно.

Хрущев опять:

— Да я говорю — ее так можно написать...

Пластов:

— Вот я и говорю: нет в ней ничего, Никита Сергеевич. А вот, помню, писал я соседку — коз она у меня пасла, во время войны еще было, — поразило меня трагическое выражение лица. Пишу день, пишу два, пишу три, но времени-то мало — днем пасут коз, пригонит, уж скоро темнеет. Затянулся немножко портрет. Вот однажды она меня и спрашивает: «Скажи, долго ты еще портрет-то будешь делать?» Я ей говорю: «Да дня четыре». Она говорит: «Как бы мне не помереть к воскресенью». Да и померла.

Из зала его:

— От чего?

Он говорит:

— От голода.

И такую он стал картину деревни рисовать, все поддакивая Хрущеву и говоря: «Спасибо вам, Никита Сергеевич», — клубя нет, спирт гонят цистернами, все безграмотные, в искусстве никто ничего не понимает. Эти все совещания никому не нужны. Такую картину постепенно он обрисовал, что жутко стало... жутко стало. И по сравнению с этим рассказом и «Вологодская свадьба», и «Матренин двор» просто показались какой-то идиллией, что ли.

Рассказывает он, как иллюстрировал Успенского. Пришел на сенокос мужиков зарисовывать, эскизы делать козцов. Ну, вот делает он наброски все эти, потом в полдень они собрались, смотрят рисунки, говорят ему: «Скажи-ка, тебе сколько за это платят?»

— Мне неловко им сказать, это ж сталинское время. Конечно, время было тяжелое, но скажу прямо: платили хорошо. Не скрою, Никита Сергеевич, трудное было время, но платили, уж платили! Платили, между нами говоря, много.

Вот один и спрашивает: «Ну, по пяттерке-то платят?» Другой говорит: «Ну да, станет он за пяттерку чикаться, небось, десятку!» А мне платили пятьсот за штуку. Я говорю: «Поднимай выше!» — «Неужто четвертной?» Мне совестно стало, я говорю — четвертной. «Ну, смотри-ка, молодец! Нам сколько нужно намахаться, чтобы четвертной-то выработать! Пожалуй, месяца два махать».

Вот так он все продолжал, говорил, говорил, а закончил он так:

— Надо, братцы, бросать Москву, надо ехать на периферию всем художникам, на глубинку. Там, конечно, комфорта нету, ванной нету, душа нету, но жить можно.

И заканчивает:

— В Москве правды нет!..

И обводит так рукой. А говорит-то он на фоне Президиума ЦК! «В Москве правды нет!» И хоть и смеялись во время его выступления, когда он кончил, как-то стало страшновато...

А Хрущев все время кипел, все время вскидывался, и Ильичев ему поддакивал, а остальные были недвижны.

Пришлось в этот первый день выступить и мне. И опять выяснилась на этом выступлении какая-то удивительная сторона Хрущева.

От меня ждали покаянного выступления. Поэтому едва я записался, мне тут же дали слово. Я даже не ожидал, моментально.

Я вышел и с первых слов говорю:

— Вероятно, вы ждете, что я буду говорить о себе. Я говорить о себе не буду, это тема, как мне кажется, недостаточно значительная для данного собрания. Я буду говорить о двух моментах.

Я прежде всего хочу поговорить о картине Хуциева.

И начал заступаться за картину Хуциева и, в частности, разъяснять смысл эпизода свидания отца с сыном, когда сыну видится мертвый отец и кончается этот разговор тем, что он спрашивает его: «Как же мне жить?», а отец отвечает: «Тебе сколько лет?» — «Двадцать два». — «А мне двадцать», — отвечает отец и исчезает.

Я и говорю Хрущеву: ведь смысл этого в том, что ты же старшего, ты должен понимать, я же старшего в твои годы и умер за Советскую власть! А ты что?

И вдруг Хрущев мне говорит:

— Не-ет, нет-нет-нет, — перебивает он меня. — Это вы неправильно трактуете, товарищ Ромм, неправильно трактуете. Тут совсем другой смысл. Отец говорит ему: «Тебе сколько лет?» — «Двадцать два» — и исчезает. Даже кошка не бросит котенка, а он в трудную минуту сына бросает. Вот какой смысл.

Я говорю:

— Да нет, Никита Сергеевич, вот какой смысл.

Он опять:

— Да нет!..

Стали мы спорить. Я слово, он — два, я слово — он два. Наконец я ему говорю:

— Никита Сергеевич, ну, пожалуйста, не перебивайте меня. Мне и так трудно говорить. Дайте я закончу, мне же нужно высказаться!

Он говорит:

— Что я, не человек, — таким обиженным детским голосом, — что я, не человек, свое мнение не могу высказать?

Я ему говорю:

— Вы — человек, и притом первый секретарь ЦК, у вас будет заключительное слово, вы сколько угодно после меня можете говорить, но сейчас-то мне хочется сказать. Мне и так трудно.

Он говорит:

— Ну вот, и перебить не дадут. — Стал сопеть обиженно.

Я продолжаю говорить. Кончил с картиной Хуциева, завел про Союз. Союз-то наш был накануне закрытия. Состоялось постановление ликвидировать Союз кинематографистов, и уже была назначена ликвидационная комиссия. Все! Союза, по существу, уже не было. Но я сделал вид, что не знаю этого постановления. И сказал, что вот ходят слухи о ликвидации Союза, но, мол-де, Союз по таким-то, таким-то и таким-то причинам нужен.

Он меня перебивает:

— Нет, разрешите перебить все-таки вас, товарищ Ромм. Это все должно делать Министерство культуры.

Я ему говорю:

— Министерство культуры не может этого делать, у него для этого возможностей нет. Скажем, послать творческую комиссию в Азербайджан или куда-то. Да, кроме того, это деньги будет стоить. Ведь наш-то Союз ничего не стоит государству, мы же на самообучаемся.

Закончил я выступление. Потом выступил Чухрай и закончил тем же: что нужно сохранить Союз.

И вдруг Хрущев объявляет перерыв и после перерыва начинает так:

— А знаете, товарищи, раскололи наши ряды кинематографисты. Вот мы было уж закрыли им Союз, а вот послушали и подумали: а может, оставить?

Ну, мы вскочили и говорим:

— Оставить!

— Давайте оставим. Только вы уж смотрите!

Нет, вы подумайте, накануне Секретариат ЦК запретил, я сказал несколько слов, несколько слов добавил Чухрай, и он решил — оставить!

Знаете, даже радости от этого не было.

Я подумал: вот так решаются дела! А на этом заседании в основном-то ведь собирались еще ликвидировать и Союз писателей, слить его с Союзом художников, композиторов и т. д., ликвидировать парторганизацию Союза писателей (она, кстати, была ликвидирована, а у нас почему-то была, наоборот, организована).

Вот так это все было. Так протянулся этот первый день. В перерывах ели в буфетах чудные закуски и обменивались недоуменными, тревожными взглядами. В перерыве подошел ко мне казахский крупный кинематографист и говорит мне: «Вы меня простите, Михаил Ильич, вашу картину «Девять дней одного года» на Комитете по Ленинским премиям мы забаллотировали, это не значит, что мы к ней плохо относимся, мы ее очень высоко ценим, но сами понимаете, было нужно, нам это сказали, так что вы на меня не сердитесь, пожалуйста».

Ну, я сказал: не буду сердиться, не буду.

И то же самое молча сказал мне Завадский. Подошел, пожал плечами, вытянул руки, что-то промычал, не сказавши ни слова, поднял брови — отошел.

В общем, все-таки первый день оказался не очень страшным. Как-то прошел он мутно, но ничего чудовищного не произошло.

Разошлись, на завтра было назначено продолжение.

И вот наступил второй день, так сказать, третья моя встреча с Хрущевым.

Пришли мы в тот же зал, те же люди, сели на прежние места. Оглянулся я, а позади меня молодой человек в аккуратном... Ну, думаю, надо быть сдержанным в выражении чувств. И в ту же минуту мне сидящий рядом Ю. Я. Райзман говорит: «Миша, будьте сдержанны». То же самое я тихо сказал Тарковскому.

И тут вошел президиум, вошел добрый, веселый, полный жизненных сил Н. С. Хрущев, за ним все остальные. Постояли и поаплодировали, сели. Козлов уставился своими ледяными глазами в зал. Поразительна была неподвижность его лица, тренированность исключительная. Оно не выражало ничего.

А Хрущев начал очень весело, начал так:

— Ну что ж, товарищи, должен сказать — вчерашнее предупреждение подействовало. Подействовало! Ничего не просочилось. Даже могу сказать: вчера были приемы в некоторых посольствах, так просто из осторожности, очевидно, не явился почти никто. Даже вот так. Так что, в общем, хорошо, хорошо. Ну-с, давайте продолжать.

И начали продолжать.

Начался день как-то скучновато. Все та же жеванина, родство поколений, спасибо Никите Сергеевичу, искусство питается соками народа — и пошло, шло, шло...

Ну-с, вот, вышел Вознесенский. Ну, тут начался гвоздь программы. Я даже затрудняюсь как-то рассказать, что тут произошло. Вознесенский сразу почувствовал, что дело будет плохо, и поэтому начал робко, как-то неуверенно. Хрущев почти мгновенно его прервал — резко, даже грубо — и, взвинчивая себя до крика, начал орать на него. Тут были всякие слова: и «клеветник», «что вы тут делаете?», и «не нравится здесь, так катитесь к такой-то матери»,

«мы вас не держим». «Вам нравится там, за границей, у вас есть покровители — катитесь туда! Получайте паспорт, в две минуты мы вам оформим. Оформляйте ему паспорт, пусть катится отсюда!»

Вознесенский говорит: «Я здесь хочу жить!»

— А если вы здесь хотите жить, так чего ж вы клеветаете?! Что это за точка зрения... на Советскую власть!

Трудно даже как-то и вспомнить весь этот крик, потому что я не ожидал этого взрыва, да и никто не ожидал — так это было внезапно. Мне даже показалось, что это как-то несерьезно, что Хрущев сам себя накачивает, взвинчивает. Пока вдруг во время очередной какой-то перепалки, пока Вознесенский что-то пытался ответить, Хрущев вдруг не прервал его и, обращаясь в зал, в самый задний ряд, не закричал:

— А вы что скалите зубы! Вы, очкарик, вон там, в последнем ряду, в красной рубашке! Вы что зубы скалите? Подождите, мы еще вас послушаем, дойдет и до вас очередь!

Вознесенский не знает, что продолжать, говорит:

— Я честный, я за Советскую власть, я не хочу никуда уезжать.

Хрущев машет рукой:

— Слова все это, чепуха.

Вознесенский говорит:

— Я вам, разрешите, прочту свою поэму «Ленин».

— Не надо нам вашей поэмы...

— Разрешите, я ее прочитаю.

— Ну, читайте.

Стал читать он поэму «Ленин». Читает, ну не до чтения ему: позади сидит Хрущев, кулаками по столу движет. Рядом с ним холодный Козлов.

Прочитал он поэму, Хрущев махнул рукой:

— Ничего не годится, не годится никуда. Не умеете вы и не знаете ничего! Вот что я вам скажу. Сколько у нас в Советском Союзе рождается ежегодно людей?

Ему говорят: три с половиной миллиона.

— Так. Так вот, пока вы, товарищ Вознесенский, не поймете, что вы — ничто, вы только один из этих трех с половиной миллионов, ничего из вас не выйдет. Вы это себе на носу зарубите: вы — ничто.

Вознесенский молчит. Что уж он там пробормотал, не знаю, не помню, и Хрущев заканчивает так:

— Вот что я вам посоветую. Знаете, как бывает в армии, когда поступает новобранец негодный, неумеющий, неспособный? Прикрепляют к нему дядьку, в бывшее время из унтер-офицеров, а сейчас из старослужащих солдат. Так вот, я вам посоветую такого дядьку.

И тут же, без перехода почти:

— Ну вы там, вы, что скалили зубы? Вы там, в очках, пожалуйста сюда.

Встает какой-то человек в задних рядах:

— Я?

— Да нет, рядом.

Встает другой:

— Я?

— Я?

— Я?

Идет по проходу человек, действительно в очках, в красной рубашке под пиджаком, без галстука. Не знакомый никому, худенький такой человек.

Тут от этого крика хрущевского на Вознесенского всю эту толпу интеллигентов охватило какое-то странное, жестокое возбуждение. Это явление Толстой здорово написал в «Войне и мире», когда Растопчин призывал убить купеческого сына и как толпа вся, друг друга заражая жестокостью, сначала не решалась, а потом стала убивать.

Идет этот человек по проходу, а на него кричат. Кто-то кричит:
— Красную рубашку надел!
Он говорит:
— У меня нет другой.
— Иди, иди, отвечай за свои дела! Выходит он. Хрущев ему:
— Вы кто?
— Я... я Голицын!
— Что, князь Голицын?
— Да нет, я не князь, я... я художник Голицын, я... художник-график... Я реалист, Никита Сергеевич, хотите, у меня вот тут есть с собой работы, я могу показать...
Хрущев так осекся, говорит:
— Не надо! Ну, говорите.
Тот:
— А что говорить?
— Как — что? Вы же вышли, говорите!
Тот говорит:
— Я не знаю, что говорить... я... не собирался говорить.
— Но раз вышли, так говорите.
Тот молчит.
Он говорит:
— Но вы понимаете, почему вас вызвали?
Голицын говорит:
— Да... я не понимаю...
— Как — не понимаете? Подумайте.
Он говорит:
— Может быть, потому, что я стихотворению товарища Рождественского аплодировал или Вознесенского?
— Нет.
— Не знаю.
— Подумайте и поймете.
Голицын молчит.
— Ну, говорите.
Голицын:
— Может быть, я стихи почитаю?
— Какие стихи?
— Маяковского, — говорит Голицын.
И тут в зале раздается истерический смех, потому что это нервное напряжение уже было невыносимо. Сцена эта делалась уже какой-то сюрреалистической, это что-то невероятное.
Наконец, когда он сказал — Маяковского, Хрущев сказал:
— Не надо, идите.
Голицын пошел и вдруг обернулся и говорит:
— Работать можно?
Хрущев:

— Можно.
Ушел Голицын.
Наконец слово было предоставлено Налбандяну, он отложил очередной эскиз, сказал свое спасибо Никите Сергеевичу, сел. Последовало заключительное слово Хрущева. Большой атракцион!
Начал он, помнится, с того, что стал извиняться, что погорячился, покричал, мол, не обессудьте, дело важное, и погорячиться можно.
Потом стал объяснять нам, что такое хорошее искусство, на образных примерах.
— Вот идешь зимой, ночью, лунная ночь, по лесу. Снег под луной голубой такой, сосны, ели в снегу, глядишь — какая же красота! И думаешь: вот это бы кто-нибудь нарисовал. Так ведь не нарисуют же, а если нарисуют, так не поверят, скажут: так не бывает! А ведь бывает в жизни эта красота! Зачем же ходить в сортир за вдохновением? Вот был у меня друг-шахтер...
И опять читает какие-то стихи какого-то шахтера... А после этого пошла уж совсем странная игра. Начал Хрущев рассказывать такие вещи, что, по-моему, и президиум при всей своей выдержанности этого не ожидал.
— Вот, товарищ Эренбург пишет — он-де, уже понял, после тридцать седьмого года он понял, или после войны понял, что такое Сталин и прочее — понял, но вынужден был молчать; выходит, он понял, а мы не понимали. А если понял, почему молчал? Выходит, все молчали? Нет, товарищ Эренбург, не все молчали, многие не молчали. А вы, товарищ Эренбург, говорите: все молчали. Не все молчали. Здесь товарищ Эренбург?
Но товарищ Эренбург уже ушел. На нем уже верхом проскакали и столько его поминали, что старик не выдержал и ушел с этого второго заседания, кажется, именно в тот момент, когда ревшел и Вознесенского долбали.
— Нет Эренбурга? М-да. Вот он говорит. Вы думаете, легко было нам? Ведь между нами говоря, — говорит Хрущев, понизивши голос и забывая о том, что в зале сидят равным счетом 650 человек, — между нами говоря, это же был сумасшедший последние годы жизни, су-ма-сшед-ший. На троне — заметьте...

Нет, не все молчали, товарищ Эренбург. А вот товарищ Эренбург думает, что это легко.
Вот это сюрреалистическое заседание, с этими рассказами Хрущева, оно, пожалуй, было венцом происшествий, более яркого я что-то не упомяну.
...Пошел я домой, думаю: ну что из этого всего впоследствии? Даже последние слова Хрущева были какие-то возвышенные, что-то провозглашал он, призывал. Но какие тут призывы? Смятение у всех. Что делать? Что будет?
А на завтра парторганизацию писателей действительно разогнали и членов партии — писателей раскрепили кого куда: кого на «Мосфильм», кого в издательство, а некоторые к парторганизации зоопарка прикрепились, потому что она рядом, зоопарк-то рядом с Союзом писателей. Единственный Союз, где нет парторганизации. В случае чего, нет парткома. Есть парторг, а это совсем-совсем другое.
Ну, дальше как дела шли, все известно...
Четвертая встреча с Н. С. Хрущевым состоялась на июньском Пленуме ЦК, отличалась она необыкновенной помпезностью, хорошими обедами и огромным количеством присутствующих. На Пленум было приглашено больше двух тысяч гостей.
Июнь. Следовательно, с марта по июнь я ждал своей судьбы. Я все ждал, ждал, ждал, и все до меня доходили сведения, что собирается материал. Материал собирают и во ВГИКе, и в союзе, и в комитете, и на «Мосфильме». По разным линиям собирают материал. Я все ждал, что будет. Наконец мне сказали: очевидно, после июньского Пленума будет разбираться ваше дело, а может быть, и на самом Пленуме. Это плохо.
И вот наконец состоялся Пленум.
Прежде всего поразило меня поведение нашей высокой интеллигенции, так сказать, верхушки нашей.
Члены Союзов писателей, художников и композиторов находились в недоумении и тоске, ибо эти три союза должны были быть слиты. И в кулуарах все спрашивали друг друга: что же мы будем делать, скажем, на пленумах союза? Неужели живописцы будут об-

суждать вопросы музыки, а музыканты — романы, повести и рассказы? Ведь не может же быть, чем же мы будем заниматься?
Но, несмотря на это недоумение, руководство наших союзов восторженно приветствовало это слияние, приветствовало с тоской и недоумением во взоре, но приветствовало.
Ну, на этом и кончилось. Опять пошло заседание.
Шло заседание, опять говорит очередной оратор. И вдруг очередного этого оратора опять прерывает Хрущев.
— Минуточку, — говорит он. И, обращаясь к двум членам ЦК, говорит: — Вы что здесь ухмыляетесь? Вы, товарищ такой-то... И такой-то (казахская фамилия, один из секретарей Казахстана)... Что вам тут смешно? Вы находитесь на заседании ЦК, надо уметь вести себя прилично. Что вы, не хотите работать? Можно освободить! Как вы себе позволяете вести себя в присутствии членов Центрального Комитета партии! Бе-зо-бразие!
У меня даже сердце упало. Я, признаться, и не думал, что на членов ЦК можно орать вот таким образом, как на мальчишек. Я, правда, слышал, как он орал на Вознесенского, на Голицына, но на членов ЦК!
После перерыва пошел я вниз, что-то болит у меня под ложечкой, пошел я в амбулаторию, говорю:
— Дайте мне что-нибудь от печени.
— Почему от печени?
— Да болит под ложечкой.
— А почему вы думаете, что это печень?
— Да у меня больная печенка.
Послушал меня врач, посмотрел, где болит.
— Что вы, — говорит, — это не печень у вас. У вас стенокардия, это сердце. Я говорю:
— Отродясь у меня не было стенокардии, и сердце у меня железное.
— Ну, вот не было, а теперь есть. Это у нас бывает.
Смотрю, а на другой койке лежит человек, дышит чем-то. Кладет он меня, дает валидол, нитроглицерин. Полежал — пошел...

Публикация
Наталии КУЗЬМИНОЙ.

Встреча Н. С. Хрущева с деятелями культуры. Поэт М. Рейзен. 1957 г.

БУДЕТ ЛИ ЖИТЬ КУЧУК-КОЙ?

Так выглядела усадьба «Новый Кучук-Кой» в 1912 году (акварель П. С. Уткина). А вот такой она стала сегодня...

вым и П. С. Уткиным. Столовую украшал также «Женский портрет», вырезанный из дерева Матвеевым.

Все архитектурные и скульптурные элементы ансамбля были едины с парком, в создании которого некогда принимали участие садовники из Никитского ботанического сада. Многие растения выписывались из ботанических садов различных стран мира. Садовые скамейки, окаймления цветников и бассейнов украшали изразцы, выполненные по эскизам Кузнецова и Уткина на заводе П. К. Ваулина, известного своей работой по возрождению керамического производства в России.

Со времени создания ансамбля прошло более семидесяти лет. Уже к 1920-м годам в результате оползня обрушились лестница, спускающаяся к морю, и барельеф «Спящие мальчики». В 1930-х годах усадьбу занимал дом отдыха для учителей, и, вероятно, тогда исчезли росписи интерьеров. Во время Великой Отечественной войны была повреждена часть скульптур Матвеева.

Лишь в 1967 году усилиями известных ленинградских скульпторов, учеников Матвеева, — В. Г. Стамова, А. П. Тимченко, А. Н. Черницкого, Л. Ю. Эйдлина — были сделаны копии пострадавших скульптур, которые были установлены вместо поврежденных оригиналов, находящихся ныне в Государственном Русском музее.

Необходимость в научной реставрации ансамбля, по существу, назрела давно. Пожар в сентябре прошлого года требует теперь безотлагательного принятия мер. Как нам известно, Ялтинский Совет народных депутатов принял соответствующие постановления. Но нам также известно,

Ныне этот парковый ансамбль входит в территорию «Большой Ялты» и принадлежит пансионату «Криворожский горняк». Это один из уникальнейших памятников русской художественной культуры начала XX века, известный в искусствоведческой литературе под названием «Новый Кучук-Кой», «Ансамбль Кучук-Кой» или «Дача Жуковского».

17 сентября 1987 года здесь произошел пожар, пострадало центральное здание ансамбля, западная, восточная и южная стены которого были украшены чудесными майоликовыми панно работы Павла Варфоломеевича Кузнецова. К сожалению, несмотря на несомненную художественную значимость здания, администрация пансионата использовала его под кухню (?), и беда рано или поздно была неотвратима.

А ведь в последние годы ансамбль Кучук-Кой становится все более притягательным для любителей русского искусства начала XX века, так же как «Абрамцево» или «Дом поэта» в Коктебеле. Севастопольское бюро путешествий уже ряд лет привозит сюда экскурсантов. Таково настоящее.

Но обратимся к истории создания ансамбля.

Его владелец Яков Евгеньевич Жуковский (1857—1931), филолог по образованию, служил в Министерстве финансов, был высокообразованным человеком, энтузиастом отечественной культуры и искусства. Главным же детищем Жуковского, вдохновленного во многом идеями Врубеля о взаимодействии искусств — архитектуры, живописи, скульптуры, — был, несомненно, ансамбль Кучук-Кой.

Камерный по размерам и назначе-

нию, ансамбль был основан на неразрывном союзе искусства и природы, в котором художники и поэты того времени видели спасительный смысл красоты и творчества («Красота спасет мир»). В этом отношении философский и эстетический «подтекст» Кучук-Коя отражает мировоззрение и художественные идеалы своего времени — начала XX века: создается цветущий сад, в котором искусство — архитектура, скульптура, живопись — вступает в теснейшую связь с природой (идеал модерна); и это единое целое духовно совершенствует и облагораживает человека.

Вероятно, по совету Врубеля в 1906 году Жуковский пригласил принять участие в создании предполагаемого ансамбля В. Д. Замирайло (помощник Врубеля по росписям Владимирского собора в Киеве), Е. Е. Лансере и молодого скульптора А. Т. Матвеева, которого Врубель хорошо знал по керамическим мастерским С. И. Мамонтова. Замирайло создает для интерьеров и внешней росписи стен дачи ряд эскизов, но затем по неизвестным причинам уходит от этой работы. Лансере берет только за оформление кабинета хозяина. В 1907 году, после успеха выставки «Голубая роза», в Кучук-Кой приглашаются художники П. В. Кузнецов и П. С. Уткин.

Таланту этих больших мастеров — А. Т. Матвеева, П. В. Кузнецова, П. С. Уткина, в прошлом соучеников сначала студии Саратовского общества любителей изящных искусств, а потом Московского училища живописи, ваяния и зодчества, и обязан в основном Новый Кучук-Кой своей притягательностью.

Ансамбль расположен на последовательно возвышающихся террасах прибрежного амфитеатра и представляется чем-то цельным и обосо-

бленным от иного окружения — как маленький «космос», с своими центрами и ведущими к ним магистралями. Главную ось ансамбля составляет «лестница Якова». Свое название она получила по имени хозяина имени и его библейского «тезки», пророка Иакова. Согласно Библии, Иаков, одиноко заснувший в пустыне, видит сон: «Вот лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот Ангелы Божии восходят и нисходят по ней; и вот Господь стоит на ней и говорит: «Землю, на которой ты лежишь, я дам тебе и потомству твоему».

Изваяния, вырубленные Матвеевым по большей части из местного инкерманского камня, концентрируют в себе лирическую соразмерность окружающей природы чувствам человека. Все в них подчинено очарованию созвучных ритмов, наделяющих шероховатый камень одухотворенностью.

Центральный дом усадьбы стоит на верхней террасе участка, справа от лестницы Якова. Западный, южный и восточный фасады дома украшены майоликовыми мозаичными панно, выполненными Павлом Кузнецовым. Интерьеры здания были расписаны Е. Е. Лансере, П. В. Кузнецо-

как далеко бывает от постановления до его выполнения. Можно ли надеяться, что «Криворожский горняк», на который возложена реставрация памятника, осуществит ее с достаточной мерой компетентности, на должном уровне? Сознают ли всю меру своей ответственности его представители? Долг Министерства культуры УССР, Академии художеств СССР, Русского музея и других учреждений установить контроль за восстановлением высокохудожественного памятника.

Парк ожидает заботы квалифицированных садовников-архитекторов, здесь необходимы восстановительные посадки, стрижка растений, которая не проводилась десятилетиями — не в меру разросшаяся растительность мешает композиционному обзору и целостному восприятию ансамбля. В пейзажи парка вновь должны войти цветники. Необходимо удаление поздних инородных включений: общественного туалета у барельефа «Поэт»; сплетения труб, заменивших истисанный источник в его подножии; массивного сооружения танцкомплеса, находящегося вблизи водоема с «Нимфеей»...

Н. ЖУКОВСКАЯ,
Е. МУРИНА

КУДА ИДЕТ ФУТБОЛ — БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ?

**«ЕВРО-88» — БЕЗ АНАЛИЗА ФУТБОЛЬНЫХ МАТЧЕЙ,
НО С ПОПЫТКОЙ РАССКАЗАТЬ О ТОМ,
ЧЕГО НЕ ВИДЕЛИ БОЛЕЛЬЩИКИ И ТЕЛЕЗРИТЕЛИ ЧЕМПИОНАТА ЕВРОПЫ ПО ФУТБОЛУ.**

Советское телевидение при помощи своих немецких коллег сумело показать практически все матчи чемпионата Европы по футболу из ФРГ. Так что обсуждать какие-то видимые достоинства или недостатки команд, пересказывать ход игр или турнирные перипетии нет смысла. Широко известно, и это, конечно же, правильно, и так будет всегда: у каждого болельщика своя оценка происшедшего, своя «точка» зрения, столкнуть с которой его, ох, как трудно. Да имеет ли смысл? Пусть мнений будут миллионы, пусть каждый истово защищает свое. Даже в футболе наступают времена гласности. Впрочем... Обиды на иные точки зрения на этом чемпионате проявились очень явственно. Более того, скандално. Но не у болельщиков; а, как это ни удивительно, у руководства сборной страны. Но об этом я еще расскажу.

А начиналось для нас все так радужно, красочно и немного страшновато...

Да, жутковато было наблюдать, как расписные, словно на южно-американском карнавале, с лицами, покрытыми оранжевой охрой, в широких одеяниях цвета сборной Голландии, словно в хитоны обернутые в национальные флаги, поднимались нескончаемыми потоками по широким лестницам стадиона в Кёльне (ну, прямо как гости на полночный бал к Вольту), болельщики наших первых соперников. Заняв свои места, они тут же принялись гудеть в трубы, бить в барабаны, скандировать. И рев этот, похожий на рев реактивного самолета на взлетной полосе, сопровождал нас по стадионам Ганновера и Гамбурга, Штутгарта и Франкфурта-на-Майне, Гельзенкирхена и Дюссельдорфа, достигнув своего апофеоза 25 июня в Мюнхене.

Так лихо, непринужденно и шумно вели себя поклонники практически всех команд. А их в ФРГ приехали десятки тысяч. Пресса называла такие цифры: итальянских тиффози — 40 тысяч, английских фанов — 15 тысяч, голландцев — 45 тысяч, датчан — 30 тысяч, испанцев — больше 10 тысяч... Ну, и наших 60. Не тысяч, разумеется, а человек. Даже обсуждать этот нонсенс, честно говоря, противно. Но как, пред-

ставьте, сложно было, отводя глаза, пытаться объяснить коллегам из буквально всех стран мира (ко мне с этим вопросом приставали даже два спецкора из Люксембурга), отчего советская поддержка столь малочисленна? Аргументы относительно цены билетов в ФРГ, стоимости проезда сюда и даже занятости перестройкой мало кого убеждали. Вновь по страницам прессы, по телеэкрану покатились пресловутая легенда о закрытости нашей страны. Обидно! Что недорого советскому человеку поехать за рубеж — ни для кого не секрет. Что связано это с определенными бюрократическими сложностями — тоже тема, многократно обсосанная. И все же раз в четыре года можно подготовиться к такому событию, как чемпионат Европы. Сегодня при многих командах созданы клубы болельщиков — неужто там не могли скинуться и делегировать своих? Неужто нельзя было придумать какие-то специальные туры — дешевые и короткие, на два-три матча? Способов тысячи, возможностей не меньше. Но тем, кто должен был бы заботиться о футбольных болельщиках, болельщик этот самый нужен, выходит, как рыба зонтик.

Однако советские флаги и люди в майках с серпом и молотом, в красных бейсбольных шапочках со звездой все же сидели на стадионах. И — немало. Они неистово поддерживали каждый успех сборной СССР, а при первых тактах «Калинки» вскакивали и начинали петь. Это были здешние ребята: советскую атрибутику можно было купить при входе на каждый стадион. И покупали. И болели. Вообще (это, пожалуй, единственное, в чем сошлись все тренеры всех восьми сборных), публика на стадионах была доброжелательная и разбирающаяся в футболе. А неразбирающимися, некомпетентными оказались... советские журналисты. Так, во всяком случае, считает Валерий Васильевич Лобановский.

Что дало повод для столь суровой оценки меня и моих немногочисленных советских коллег? (Которых даже не набиралось на одну футбольную команду, чтобы выступить в параллельном — журналистском — чемпионате Европы по футболу. Всего же сюда приехало прессы числом около 3 тысяч. И наши

соперники имели как минимум по два мощных состава.) Так вот, что же столь сильно задело знаменитого тренера?

Элементарная критика.

«Правда» и «Известия» написали в своих репортажах, что выяснить какие-то мнения об игре, игроках, перспективах и реалиях у тренера советской сборной или кого-либо из ответственных руководителей нашей команды очень трудно. Это не было сенсацией, об этом уже вовсю трубила местная пресса, разозленная отсутствием информации, а телевидение гнало репортажи с кадрами забора с колючей проволокой, закрытых ворот и многочисленной охраны спортивной базы в городе Рунт, на которой квартировала сборная СССР.

И вот вполне оправданное желание передавать новости о нашей сборной из первых рук, в наши же, советские, газеты, для наших же, советских, болельщиков, вызвало совершенно непредсказуемую реакцию. Началась свара. В. Лобановский в первой половине чемпионата пришел лишь на одну после-матчевую пресс-конференцию — после выигрыша у сборной Голландии. А позже — после, мягко говоря, неубедительной, а если говорить откровенно, испуганной игры с ирландцами — перед журналистами предстал уже второй тренер. Удручающее впечатление оставляли такие встречи. Проходили они в стиле школы прежней дипломатии: слова какие-то вроде бы сказаны, а конкретной информации в них нет. Заканчивались пресс-конференции быстро. Объяснение одно: спешим на поезд, самолет, автобус. Что-то нужно уточнить или перепроверить было чрезвычайно сложно: наша делегация замкнулась, и вся деятельность команды и тренеров на первом этапе была окутана тайной. Видимо, такой страшной, разоблачение которой можно было бы приравнять к выдаче тайны государственной. Иначе чем объяснить столь озабоченный и суровый вид тренеров, вечно спешащих, как легкоатлет на стометровке: то ли дали они обет молчания, то ли так крепко давит казенный галстук, что и слова не вымолвишь?..

Иностранцы теребят нашу маленькую журналистскую колонию, пытаются что-то выяснить. Наши же помалкивают — привыкли к такого рода дороге

с односторонним движением. Сделал я эти записи еще тогда в блокноте и подумал: опубликую такое — и начнутся опровержения, спортивные функционеры заявят привычное — вы подрываете престиж, принижаете значение, не понимаете специфики!.. И посадят клерков высчитывать до последней буквы: кто, когда и сколько из спортивных специалистов дал интервью, сколько раз встречался с репортерами, сколько раз поднимал телефонную трубку спортба-зы в Рунте. И пойдет писать контора! Так оно и вышло.

Так, да не совсем. Ибо ворота базы в Рунте после критических замечаний все-таки открылись и пригласили нас в команду. А там...

А там старший тренер сборной в течение получаса в пух и прах разносил советских журналистов за то, что они ничего не понимают в футболе, сравнил себя в конце концов с режиссером Товстоноговым и певцом Шаляпиным, коих критиковать бы мы не взяли. «Скажите, а у тренера сборной есть ли сегодня какие-либо проблемы в команде, кроме борьбы с советской прессой?» — спросил я.

И тут разговор потерял даже самое отдаленное отношение к спорту. Вышло, что не журналистам судить о футболе. О нем может истинно правильно высказываться только тренер Лобановский (а его мнения — в чем и парадокс — мы до сего момента получить практически не могли). И пошли в ход исторические параллели, фамилии классиков, цитаты из великих. Хотя позновато сегодня (впрочем, впереди — чемпионат мира в Италии), отведу Лобановскому также цитатой из классика. Бернард Шоу говорил приблизительно следующее — я прожил долгую жизнь и не снес ни одного яйца. Но это совсем не значит, что я не могу судить о качестве яичницы.

Быть может, не стоило придавать значения конфликту, хоть и выплеснулся он потом на телеэкраны и во многие газеты ФРГ, если бы не одна деталь. Чуть позже Валерий Васильевич отыскал нас на территории базы и при работающих телекамерах сам пошел на мировую. Протянул руку, утверждая: во имя футбола надо дружить. Попросил оставить взаимные обиды. И это увидели не только стоящие рядом корреспон-

денты, но и телезрители Федеративной Республики. А не увидели они другого. Как тот же тренер, но совсем уже без улыбки в тот же вечер в течение сорока минут вновь рассказывал советским специалистам, приехавшим в Руйт, о некомпетентности нашей прессы.

Так кто же некомпетентен — Владимир Маслаченко, много лет стоявший в воротах сборной Советского Союза? Или Виктор Понедельник, забивший в финальном матче в Париже решающий гол югославам, — тогда единственный раз мы стали лучшими в Европе? Или Олег Кучеренко, тридцать с лишним лет передающий репортажи с крупнейших стадионов мира? Этого узнать не удалось. «Критика» Лобановского шла за глаза.

владеющий русским. Я в это время размещал на столе кучу бумаг, убрав даже для полноты картины в сторону — места не хватало — пишущую машинку.

— Что есть это? — заинтересовался испанец.

Пришлось немало потрудиться, чтобы объяснить: все, что лежит на столе, имеет непосредственное отношение к чемпионату Европы по футболу. Точнее, к командировке советского репортера за рубеж.

— И это?! — показывал пальцем на квитанции мой непонятливый новый знакомый.

Да. И расписка удивленного ночного таксиста, везшего меня с вокзала в гостиницу, и крошечные (но с печатью!) листочки, что выдавал изумленный па-

лать так, чтобы из графы «Транспорт и связь» твоего отчета перенести деньги в иную — «Квартирные». Унижаешься, кланча у ночного таксиста квитанцию с точной записью — ехал, мол, ты из загорода да в свой отель, и слышишь в ответ (краснея): «Ну, что тебе еще в квитанции написать?»

Проблемы такой суровой отчетности совершенно недоступны пониманию западных репортеров, зато близки и понятны всем нашим. Впрочем, кое-что стало доходить и до немецких сфер обслуживания: учащаются контакты с советскими людьми дают себя знать. В очередной раз, словно попугай, повторяя: «Пожалуйста, квитанцию!» — услышал я от пожилого усатого немца приблизительно следующее: «О, русси-

заботы тысячам коллег, что толкуются здесь рядом, делают точно такую, как ты, работу. Но — без унизительной нервозности».

...Особенный интерес и к советским футболистам, с которыми крупнейшие клубы Европы хотят заключить контракт».

Английский «Манчестер Юнайтед» интересовался Ринатом Дасаевым. Я слышал разговор Василия Раца с корреспондентом, бывшим игроком итальянской «Сампдории». В прессе назывались немецкие клубы, проявившие внимание к Протасову, Сулаквелидзе, Гоцманову...

Но это, так сказать, разговоры пока теоретические. Реальность лишь одна — с 1-го июля начался контракт Вагиза Хидиятуллина с французской «Тулузой». Сколько же будет получать там наш спортсмен? Такой вопрос интересовал и западных репортеров, и, понятно, советских журналистов. Но — тайна. Опять тайна! Все тот же Колосков, все в том же интервью телевидению ФРГ сообщил следующее: «25 процентов будет получать клуб «Спартак», 25 — Госкомспорт. Все остальное — Вагиз Хидиятуллин».

Ой ли! А сколько же всего? Французский журналист, специально прибывший в Руйт вместе со мной, рассказал печальную и унизительную для советского спорта историю. Коротко суть ее такова. После переговоров с Госкомспортом определено: на руки Хидиятуллина будут выдавать, как утверждает француз, 6 тысяч франков, что, конечно, несколько больше пособия по безработице. А запасной игрок в том же клубе «Тулуза» ежемесячно расписывается за 40 с лишним тысяч. Все это и дало возможность французскому коллеге напечатать в своей газете следующий заголовок: «Тулуза» купила защитника мирового класса за трамвайный билет!»

Так не оттого ли тайна, что она постыдна? Вновь приходится краснеть за нашего спортсмена за рубежом...

...Итоги чемпионата, несмотря ни на что, не могут нас не радовать. Серебро сборной СССР — это безусловное достижение, за которое низкий поклон отчаянно бившимся на поле футболистам, врачам и массажистам команды, приводившим в порядок наших парней после жестких столкновений на мягкой траве. И, конечно, тренеру Лобановскому. Здесь нет никакой алогичности — я говорю ему искреннее спасибо. Просто и классный специалист, увы, может не понимать простой вещи. Что футбол — не только для команды. Он для всех. Он для болельщиков! А рассказать болельщикам о футболе можно только через нас, журналистов. И доставить людям радость, не скрывая при этом ничего, не бродя в тумане недоумков и не пытаясь давить друг на друга через «инстанции», — наша общая задача.

Футбол — праздник. Тем более — чемпионат Европы. И внешнюю часть этого праздника миллионы советских болельщиков увидели по телевизору. Я попытался рассказать о другом — о невидимом для большинства «ЕВРО-88», о том, что мешало футбольной фиесте. И количество журналистов, посылаемых на такие соревнования (единственный наш фотокорреспондент был отозван в Москву — так, видимо, сэкономили валюту), и смехотворная поддержка наших туристов на трибунах, и поведение руководителей сборной, да и ответственных работников Госкомспорта, вообще аскетическое положение журналиста за рубежом — вещи, увы, привычные. Но от многого привычного мы сумели сегодня отказаться. Неужто в спорте, демократическом по своей сути, мы не сможем отбросить чиновную казенность, бухгалтерский испуг и снять «колючую проволоку»?

Ведь только тогда мы тоже начнем улыбаться на общем празднике.

Андрей ИЛЛЕШ

ФРГ — Москва

Олимпийский стадион в Мюнхене за десять минут до начала главного матча «ЕВРО-88».

Итальянский болельщик весел, он с удовольствием позирует перед фотокамерой... ибо еще не знает счета в матче СССР — Италия.

Мич у Олега Протасова, и стадион в напряжении: от этого форварда всегда ждут неожиданностей.

Фото ТАСС и автора

Дословно то же — о некомпетентности советской прессы, которая «...ругает сборную СССР» — сказал в телеинтервью западногерманским журналистам и начальник управления футбола и хоккея Госкомспорта В. Колосков. Но он пошел дальше. Вячеслав Иванович добавил, что журналисты ФРГ, напротив, разбираются в футболе, ибо «... они сборную СССР хвалят».

Но, видимо, самые компетентные люди, по мнению Валерия Васильевича Лобановского, находились в этот момент в Москве. В инстанциях. В самых высоких, куда, как он мне сказал, и было направлено письмо с жалобой, с требованием оградить команду от критики.

Странная тяга к эпистолярному жанру в разгар чемпионата, когда еще впереди было самое-самое главное: игра в футбол.

...Перед полуфинальными матчами хоть и не уменьшился поток прогнозов, но стал конкретней. Ибо на разные лады варьируются возможности теперь уже только четырех команд — сборной ФРГ и Голландии, Италии и СССР, а буквально несколько дней назад составлялись огромные «гороскопы», публиковались всевозможные таблицы. Поток цифр лили компьютеры, в которые заложено, кажется, все.

И журналисты в пресс-центрах, убеждая в своей и только в своей правоте, тыкали под нос коллегам исписанные бумажки... Словом, кипела футбольная бухгалтерия!..

Ко мне подошел в этой суматохе по все тем же вопросам — быть или не быть — испанский коллега, своеобразно, но все-таки доступно для понимания

ренек с переговорного пункта в почтовом отделении, и многочисленные «фоталианты» от гостиничных служб...

Как толковать бестолковому южанину (или саркастичному британцу, или изумленному голландцу), что каждый шаг, при котором ты вынимаешь за рубежом кошелек, должен быть обязательно строго документирован. Иначе не сносить головы.

В трагикомические ситуации попадает советский человек, требуя повсюду квитанции. Известный в прошлом спортсмен, ныне популярный журналист, рассказал мне, как, добираясь с одной игры на другую поездом, прибыл в пункт назначения ночью. Куда деваться? Да в придачу бузят на перроне английские фанаты. Ничего себе путчики! Можно, конечно, попросить разрешения (за деньги) переночевать здесь же, в купе, но даст ли проводник квитанцию на такую ночевку? А если даст, то засчитает ли бухгалтерия ее: ведь где-то в городе ему идет в счет гостиница?

Путешествовали мы, корреспонденты, ныне по ФРГ изрядно: Ганновер, Штутгарт, Франкфурт, Дюссельдорф, Гамбург... Ждал еще и Мюнхен. Матчи происходили в разных городах, но крайние неудобства доставляло даже не это обстоятельство, мешала работать паническая боязнь не вернуться назад после игры (опять-таки ночью, часто за 300 и более километров) в «родную» гостиницу, ибо снять новую не представляется возможным — бухгалтерия не пропустит. А отказаться от старой — риск велик: устроиться в дешевом отеле в дни чемпионата практически невозможно. И сидишь, маешься: как сде-

ше бюрократии! Как-то не вяжется хорошо знакомая мне женщина из нашей бухгалтерии с таким суровым определением. Скорее относится это к утвердившейся в давние «подотчетные» годы привычке никому ни в чем не доверять. «А вдруг. В случае чего мы их, журналистов, пыльной инструкцией да по рукам...»

Что, в бухгалтериях крупнейших западных изданий сидят простаки или деньгами там швыряются прямо как в Монте-Карло? Отнюдь. Успокаивая того же русскоговорящего испанца, поинтересовался я их «системой». А она до крайности простая и везде «там» одинакова. Получает корреспондент в командировку определенную (вполне разумную) сумму и расходует ее по своему усмотрению. По обстоятельствам. По возможностям. А «отчетом» служит ему одно: продолвшая работа. Здесь ты не смухлошь — статьи напечатаны в газете, репортаж показан по телевидению. Быть может, не к месту такой разговор — он отношения к футболу не имеет? Имеет! И к футболу, и к жизни нашей.

Нас, советских людей, воспринимают за границей серьезно. Делятся наблюдениями, просят высказать свои. Наши мнения печатают повсюду газеты мира. Интерес к советскому журналисту ныне особенный. Ему трудно соответствовать этому, очень трудно сохранять лицо, когда вместо футбольного анализа вынужден судорожно заниматься «высшей бухгалтерской математикой», тратит силы на сбор макулатуры с печатями и подписями, безумно боясь выскочить хоть из одного пункта уготованной тебе сметы. Поди, объясни свои

Петр БАРЕНБОЙМ,
кандидат юридических наук,
Генрих ПАДВА, адвокат

Ни прокурорский надзор, ни суды, ни тем более адвокатура — падчерица советской правовой системы — не предотвратили широкомасштабных беззаконий сталинских времен. Несомненно, отсутствие уверенности в надежности имеющихся правовых гарантий сдерживает и сейчас общественную активность сотен тысяч, а может, и миллионов людей.

Понятие «социалистическое правовое государство» прежде всего включает в себя разветвленную систему гарантий прав гражданина, возможность заставить должностных лиц считаться с ответственностью за нарушение этих прав.

Поэтому принципиальное значение для правовой реформы имеет вопрос о возможности граждан и общественных организаций оспорить правовой акт, принятый государственным органом, например, министерством. Во многих странах, в том числе и социалистических, имеются органы конституционного надзора, которые уполномочены по собственной инициативе либо инициативе госучреждений, граждан, общественных организаций рассмотреть соответствие требованиям Конституции нормативных актов, принимаемых органами государственной власти и управления.

Противники этого, как правило, ссылались на особенности нашей политической и правовой системы, в частности на то, что существует для этих целей прокурорский надзор. При этом вполне могли сослаться и на Владимира Ильича, напомнив и без того известные каждому слова о необходимости с помощью прокуратуры преодолеть отсталость «калужской законности от казанской». Остается только недоумевать, почему десятилетиями в юридических и других исследованиях наряду с вышеприведенными не цитируются стоящие рядом ленинские слова о необходимости создания «центральной коллегии» из представителей суда, наркомата юстиции и прокуратуры, которая и осуществляла бы высший надзор за законностью. Понятно, что В. И. Ленин имел здесь в виду коллегиальный вневедомственный орган совершенно иного, неизвестного у нас типа, аналогичного Конституционному Комитету или Суду. То, что ленинская мысль о необходимости создания «центральной коллегии» по высшему надзору за законностью не была осуществлена, более того, прочно забыта на многие десятилетия, только подтверждает необходимость ее внимательного изучения и использования сегодня, когда она звучит актуально и современно. Прозвучавший в докладе М. С. Горбачева на XIX партийной конференции призыв «вернуться к ленинской позиции» по вопросу о прокурорском надзоре в сочетании с предложением о создании Комитета конституционного надзора как раз и направлены на восстановление ленинской концепции контроля за законностью во всей ее многогранности и глубине.

Когда мы говорим о перестройке правовой системы, то не должны забывать, что по стечению обстоятельств она оказалась сегодня в самом центре общественного внима-

ния. Ведь опасения за возможные кары за активность, смелость, резкость суждений и действий беспокоят многих. Поэтому перестройка в стране тесно связана и во многом определяется перестройкой правовой системы.

В своем выступлении на IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин увязывал «прочную и твердую власть» с укреплением законности, для чего нужно не расширять, а, наоборот, сужать компетенцию и сферу деятельности правоохранительных ведомств карательного толка. Если бы от этого основополагающего ленинского указания вели отсчет многочисленные полемисты на правовые темы, то многие козыри противников кардинальной перестройки в правовой сфере были бы категорически биты.

Дело в том, что, имея карательные механизмы в лице всесоюзных государственных правоохранительных органов, мы до сих пор не имеем защитного механизма во всесоюзном масштабе в единственном, кстати говоря, возможном варианте — в виде всесоюзной общественной организации адвокатов. Создание такого защитного механизма является одним из коренных вопросов перестройки правовой системы.

Адвокатура является важным инструментом общественного контроля за законностью. В связи с этим ее роль и значение как самоуправляющейся общественной организации должны быть значительно повышены.

Для того чтобы сбалансировать правовую систему, по-настоящему демократизировать ее, сделать необратимыми меры по предотвращению нарушений прав граждан, нужно, чтобы адвокатура, являющаяся важнейшим каналом общественного контроля за соблюдением законности государственными правоохранительными органами, превратилась в полноправный институт советской правовой системы.

В последнее время в печати много говорится о конкретном адвокате, а не об адвокатуре в целом. Все признают, что демократизация правосудия без укрепления положения адвоката нереальна. Но не все понимают, что демократизация правовой системы невозможна без утверждения положения адвокатуры как всесоюзной общественной организации.

Нашей правовой системе в том виде, в котором она существовала последние десятилетия, сильная и независимая адвокатура была не нужна. Адвокаты по конкретным делам часто оказывались не в состоянии создавать реальную преграду нарушениям законности, добиваться соблюдения принципа презумпции невиновности, не допускать любых форм незаконного давления на граждан. Справедливости ради следует сказать, что не все адвокаты были бесстрашными борцами с нарушителями законности. Что же касается коллегий адвокатов, то их общественная активность весьма часто была равна нулю.

Непонимание роли и значения адвокатуры ярко проявилось в том, что даже в Законе об адвокатуре в СССР нет четкой характеристики ее как общественной организации. И сегодня существует тенденция к ограничению возможностей ее самоуправления и активной деятельности, хотя на XXVII съезде КПСС говорилось о необходимости повысить активность и значение всех общественных организаций, и особенно — совершенствовать работу адвокатуры. Правильно утверждают ученые, что «в

ПРОШУ СЛОВА!

социалистическом обществе адвокатура как институт политической системы выражает не только конкретные, частные интересы своих доверителей, но и общесоциальный, публичный интерес».

Создание общественной общесоюзной организации адвокатов усилило бы общественный контроль за законностью, установило бы в правовой системе необходимый баланс между ее государственными и общественными элементами.

Между тем подготовка решения вопросов о всесоюзных органах адвокатуры была поручена Министерству юстиции СССР.

В настоящее время обострилась дискуссия о путях дальнейшего совершенствования деятельности адвокатуры. Адвокаты и ученые считают, что в интересах укрепления законности и демократизации в правовой сфере необходимо реализовать возможности адвокатуры как самоуправляемой общественной организации путем создания Союза адвокатов СССР, в рамках которого общественная активность адвокатов в борьбе за перестройку была бы многократно усилена.

М. С. Горбачев поставил на XIX партконференции вопрос о «повышении роли адвокатуры как самоуправляющейся ассоциации», чем очень сильно поддержал общественное движение в поддержку Союза адвокатов. Однако существует реальная опасность, что адвокатам предоставят только видимость самоуправления.

Министерство юстиции СССР и некоторые другие правоохранительные органы, вероятно, опасаясь угрозы своим ведомственным интересам в случае создания сильной и независимой общественной организации адвокатуры, противодействуют этому. Не желая в условиях перестройки прямо и открыто возражать против всесоюзной самоуправляемой общественной организации, предлагают создать вместо нее Совет адвокатуры, порядок и организацию деятельности которого будут определять государственные органы путем разработки и принятия соответствующего положения.

Эти предложения, разработанные без участия адвокатов и академической науки, во-первых, нарушают ст. 51 Конституции СССР и общепринятый порядок создания органов общественного самоуправления; во-вторых, противоречат принципу гласного и демократического обсуждения важных вопросов, являются, по существу, рецидивом застойных явлений. Адвокатов хотят поставить перед свершившимся фактом. В результате создания подобного Совета фактически произойдет огосударствление адвокатуры, ограничение самоуправления на уровне действующих адвокатских коллегий и, как следствие, снижение общественной активности адвокатов в вопросах перестройки и демократизации правовой системы. Под видом перестройки деятельности адвокатуры будет сделан шаг назад, если победит точка зрения ведомств.

Вопрос носит принципиальный характер, и от его решения в немалой степени зависит эффективность перестройки всей правовой системы, так как существует реальная возможность устранения ведомственно-бюрократическим путем многочисленной группы советских юристов от активного участия в перестройке. Фактически речь идет о противодействии созданию всесоюзного защитного механизма, основой которого должен стать Союз адвокатов СССР.

Доктор, персонаж пьесы-сказки Льва Устинова «Хрустальное сердце», изобрел способ, как «создавать добрые сердца». И наверняка можно сказать, что сам сказочник этим даром владеет. Его сказки, забавляя и развлекая, учат человечности, доброте, чувству собственного достоинства. Пьес он написал ни много ни мало — 25, поставили их около 500 театров в нашей стране и 88 театров стран мира. «Белоснежка и семь гномов», «Бочка меда», «Маленький шарманщик», «Город без любви», «Цыганская сказка» завоевали сердца юных и совсем не юных зрителей... За две последние Л. Устинов был удостоен 20 декабря прошлого года национальной премии Италии по детской литературе в г. Ченто. Это первый иностранный автор, получивший такую премию.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей заметки писателя о поездке в Италию.

Лев УСТИНОВ

Ченто — небольшой даже по итальянским понятиям городок. Здесь никто не живет роскошной, праздной жизнью, которую нам иногда показывают в кино. Здесь есть красивые особнячки, но нет роскошных дворцов. Это город-труженик. Здесь все работают на одной и стараются найти вторую работу.

Итальянец времен неореализма теперь разбогател. Те же жесты, но чуть менее темпераментны, спокойнее взгляд, нет такой отчаянной борьбы за кусок хлеба, есть борьба за благополучие: скромный дом, скромная машина, скромная еда приводят с собой проблему реализации себя как личности. В северной части Италии практически нет безработицы для тех, кто согласен на любую работу. Но память о годах безработицы не выветрилась из образа нынешней жизни. И, может быть, это даже благотворная память. Люди стараются приобрести вторую специальность, запасную, на всякий случай, на черный день, изучают иностранные языки — вдруг понадобятся. Цена человека определяется только тем, что он знает и умеет.

В день нашего приезда в Ченто был русский вечер. В городском театре показывал свое мастерство выдающийся советский ансамбль «Мадригал» под руководством Олега Янченко.

После оглушительного успеха в Риме и Флоренции маленький городок, маленький уютный театр. Почему? Ведь концерт такого ансамбля немало стоит?

Утром наши музыканты уехали в Венецию, а мы пошли в картинную галерею, где город благоговейно бережет собрание полотен своего великого земляка Гуэрчино. Несколько картин Гуэрчино есть в Ватикане, в Палаццо Питти во Флоренции, говорят, есть полотна в Музее имени Пушкина и в Эрмитаже, но главное собрание здесь, на родине великого художника. И хранится все в идеальном состоянии. Денег на это не жалеют. Такая галерея могла бы украсить любую столицу мира. Но она украшает маленький город, который как бы шлет привет нашим маленьким городкам: «Ищите своих великих людей. Смелее ищите. И в своем отечестве тоже могут оказаться пророки».

БУД

Если не считать пресловутых «тиф-фози», болельщиков на стадионах, итальянцы не кричат о своей любви к родине, не клянутся в верности ей, не клеймят тех, кто уехал в «богатые страны» работать официантами или инженерами, они просто трудятся, берясь за любое дело, которое принесет им какую-то прибыль. Они знают, что из прибыли всех людей складывается общая прибыль государства. Вот и нам, пожалуй, ох как нужен такой тихий, не крикливый, рабочий патриотизм. Нам надо так построить свою жизнь, чтобы мы жили с ощущением, что наша личная судьба зависит от государства в меньшей степени, чем судьба государства от нашей личной судьбы. Только так сможет родиться независимая ответственность за все вокруг тебя...

Два рабочих человека полюбили друг друга. Бригадир с кондитерской фабрики Валя Бабина и наладчик итальянского оборудования Карло Тестони, который в Москве на пищевых комбинатах «Колосс» и имени Ленина проводил контроль за электрооборудованием машин, поставляемых фирмой «Симбьянка».

Они познакомились дома у Валиной подруги, понравились друг другу, стали вместе ходить в театр, в кино, а через год и поженились. Советская коммунистка Валентина Бабина и итальянский социалист Карло Тестони поняли, что не могут жить друг без друга.

Вот ведь радость какая!

Вот ведь какая беда!

Валя жила в женском общежитии, куда посторонних мужчин не пускают, а Карло жил в интуристовской гостинице, куда порядочным женщинам вход строго запрещен.

Они сняли квартиру. Но каждый день в 11 часов вечера раздавался телефонный звонок и строгий женский голос требовал, чтобы Карло Тестони немедленно покинул квартиру.

— Иностранцам после одиннадцати часов в гостях находиться не разрешается.

— Но он не гость, он мой муж.

— Таковы правила.

Я вспомнил, как неприятно поразило меня в Швеции то, что иммиграционные власти звонят по ночам молодоженам, проверяя, не является ли брак фиктивным.

Может быть, одно из величайших состояний счастья, которые только и есть на земле, — это возможность проснуться рано утром и услышать рядом с собой дыхание любимого человека.

Наступило время уезжать в Италию. Там как-то проще смотрят на возможность совместного проживания итальянского молодого человека с женой, даже если она русская и даже если она бывший член КПСС и все еще подданный Советского Союза. Особенно в Эмилии-Романьи, так называемом красном поясе Италии, где почти все население голосует за коммунистов.

Но Италия была еще далеко, а ей предстояло оформление документов на переезд к мужу.

В ОВИРЕ попросили копию метрики. Валентина поехала на родину, в деревню в Пензенскую область. Председатель сельсовета, когда узнал, для чего справка, даже затрясся от гнева:

— Изменникам Родины справок не даем!

И не дал. На следующий день исчез куда-то, сказали, что в отпуск и что печать, мол, с собой прихватил. А когда будет — неизвестно.

Эк его разобрало, местного пред-

ставителя самой гуманной в мире Советской власти!

В ОВИРЕ повздыхали и стали оформлять документы без метрики. В последние месяцы ОВИР наш умнеет и добрее, а в прежние годы многих людей отвадил он от ностальгии по Родине.

Ну, с документами утряслось. Сложнее было с партией.

Начальник цеха и секретарь парткома потребовали В. Бабину из партии немедленно исключить.

Валя спросила:

— А нельзя ли меня перевести в Итальянскую коммунистическую партию?

Ей ответили:

— Нет, это невозможно.

Но, на ее счастье, на фабрику был назначен в это время новый директор — Ратников Владимир Иванович. Он спросил ревнителей чистоты наших рядов:

— А с какой формулировкой? За любовь?

И, как рассказывает Валя, поехал директор к начальству, убеждал, доказывал и вернулся с новой, необычной для нашей жизни формулировкой: «Выбыла из рядов КПСС по семейным обстоятельствам».

Степень демократичности общества измеряется степенью доброжелательности членов этого общества друг к другу.

В магазинах итальянки темпераментно объясняли ей, что как называется, как и когда это надо готовить, продавцы магазинов давали ей скидку при покупке продуктов.

Валя быстро стала в городе знаменитой женщиной. Она получает поздравительные телеграммы к праздникам из Советского посольства, в годовщину Октябрьской революции, как и все русские женщины, вышедшие замуж за итальянцев, она получила приглашение приехать в наше консульство в Милан на торжественное собрание.

В Москве Валентина подписывалась в общежитии только на одну газету «Правда». Теперь, в Ченто, она подписывается на многие газеты и журналы. А как же иначе? Ведь люди подходят к ней с вопросами: «Что в Москве?.. А правда ли, что?..» И нужно отвечать. Нужно знать. Она здесь единственный представитель Москвы. Валя Бабина — маленький местный посол большой далекой державы. И как бы мне хотелось, чтобы эти строки прочел тот самый председатель сельсовета в Пензенской области. Я не удивлюсь, если посольство СССР в Италии поздравит Валентину Бабину и Карло Тестони с рождением ребенка. А как же: родится советско-итальянский человек. Дитя нашего, нового, более доброжелательного времени. Дитя делового сотрудничества наших стран... Только зачем же надо было так мытарить ее при оформлении права на любовь?

Кстати, в Италии уже давно считается похвальным жениться на русских женщинах. А сейчас, когда наше общество становится открытым для всего мира, мода эта и на другие страны перекинулась. Значит, есть, наверно, в наших русских женщинах достоинства, которые нам с близкого расстояния не очень-то и видны: красота, щедрость, терпеливость, умение радоваться даже самой малости?

Чрезмерная подозрительность отдельного человека к обществу говорит о его психическом нездоровье, а подоз-

рительность общества к человеку — симптом трагического заболевания. Будем надеяться, что и в этом смысле мы тоже начинаем потихонечку выздоравливать.

В конце февраля в Ченто проходит карнавал масок, на который съезжаются до 30 — 40 тысяч гостей из разных городов Италии и даже других стран. Все это стоит огромных денег.

Я был поражен, когда узнал, что городское отделение банка «Касса ди risparmio» отдает на развитие культуры и здравоохранение 700 миллионов лир в год, и спросил у президента банка Винченцо Джигерти:

— Зачем вам это нужно? Семьсот миллионов — это огромная сумма!

Стройный, подтянутый, неулыбчивый, но со всеми внимательный и сдержанно-приветливый, с умными глазами и быстрой реакцией, он сразу становится заметной фигурой там, где появляется.

— Ощущение того, что живешь не в маленьком, затерянном в этом огромном мире городе, а пусть в маленьком, но знаменитом городке, наполняет людей гордостью, без которой невозможно чувство человеческого достоинства... Людям должно быть интересно жить. Тогда они лучше работают. А наш банк получает 20 процентов с прибыли городских предприятий, которые мы финансируем.

Мы побывали на одном из таких предприятий. Это фирма «Симбьянка». Двухэтажное здание примерно 300 на 400 метров. Но внутри завод кажется огромным. Каким образом тут размещается столько рабочих помещений — понять трудно. Нас встречает генеральный директор фирмы Витторио Мерли. Негромкий голос, доброжелательная улыбка, манера говорить, оставляющая возможность для вопроса, для возражения, для анализа реакции собеседника. Фирма существует сорок лет. Производит оборудование для химии, для переработки кормов, для пищевой промышленности и поставляет его более чем в 30 стран: в США, в Австралию, в Аргентину, во многие европейские страны, а теперь и к нам. Заказы из нашей страны обеспечивают им четкий ритм работы и уверенность в завтрашнем дне. А если еще учесть завод «VM», поставляющий моторы для морских кораблей, в том числе и нам, то можно понять, какой интерес в городе вызывает то, что происходит у нас. 20 процентов от доходов предприятия и 1 процент от зарплаты работающих отчисляются на развитие города. И неудивительно, что книга Горбачева лежит здесь на рабочих столах многих деловых людей. В нее заглядывают, как в зеркало, в котором отражается уверенность в завтрашнем дне. Моему переводчику Уго Монтанари жена подарила «Перестройку» на день рождения.

Мы спрашиваем сеньора Мерли:

— Можно ли поступить к вам на работу?

Он улыбается:

— Теоретически да.

— А практически?

— Только если кто-нибудь уйдет на пенсию.

— Почему рабочие так держатся за работу на вашей фирме?

— Потому что мы за них держимся. На заводе работают 300 человек. 200 рабочих. 50 инженеров и конструкторов. 50 человек — управленческий аппарат. На заводе своя медчасть, психологическая служба, магазин, где

товары несколько дешевле, чем в городе, столовая на 200 мест с чисто символической платой за обед, который по меню заказывают утром, приходя на работу. Сейчас завод готовит оборудование на строительство комбинатов детского питания в Москве и Ленинграде. На фабрике «Большевик» в Москве уже работают их линии по производству зефира, печенья, пастилы, мармелада... Пока мы ходили по заводу, цехи постепенно пустели. Звонка к окончанию работы нет. Уходят тогда, когда заканчивают дневной план. В цехах оставалось по одному-два человека, вероятно, тех, кто не сумел уложиться в срок. Кто-то работает быстрее, кто-то — медленнее. И не надо его торопить. Пусть спокойно сделает свое дело.

И я вспомнил историю о приезде в город тысячи южан, которую мне рассказали накануне. Десять лет назад в порядке помощи по программе «Север — Юг» город принял большую группу жителей бедных южных провинций. Они приехали без рабочей квалификации, без знания языка... В Италии рассказывают анекдот: у человека спрашивают: «Кто твои родители?» Он отвечает: «Мать — неаполитанка, а отец — миланец». «Да? — удивляется собеседник. — А как же они понимают друг друга?» Проблема диалектов — одна из проблем Италии. Сейчас кино, телевидение, радио много сделали для создания общего языка, но тогда еще... Они жили по 14 человек в одной маленькой квартире, трудно приспособившись к языку, сложной технике и ритму жизни северного промышленного города. На этой почве были и недоразумения, и столкновения, но город терпеливо ждал: их обучали профессиям и языку. Вечный конфликт: нетерпеливость учеников и неторопливость учителей. А когда они постепенно пережились на местных девушках, все стало намного проще. Смешанные браки ничего не перемешивают, они соединяют. Теперь их никто не отличает от своих, но в сердцах южан по-прежнему живет благодарность к щедрым жителям города Ченто. За их терпение и терпимость.

А ведь это и наша проблема: наши дети переписываются с детьми США, Индии, Англии, Болгарии, предлагая им взаимную дружбу. Это хорошо, конечно. Только не надо забывать, что, кроме внешнего, есть еще и внутренний интернационализм. Легко дружить с тем, кто находится от тебя за тридевять земель, и гораздо труднее дружить с русским, татаринном, армянином, который сидит на соседней парте. Такого предмета в нашей школе нет. Но учить его нужно ежедневно, на уроках и переменах, всегда, он важней математик и географий, потому что по этому предмету нам предстоит впереди один из самых главных экзаменов.

Говорят, не имей сто рублей, а имей сто друзей. Слово «ченто» в переводе на русский имеет два значения: город и сто. А сто на сто — это десять тысяч. 10 тысяч друзей. А может быть, и больше.

И если вы купите в киоске или магазине красивый красно-синий пакетик с хрустящим картофелем, не забудьте сказать спасибо нашим друзьям в Ченто. Эта линия сделана их руками. Для нас. И многое они еще сделают.

И будем надеяться.

ЕИ НАДЕЯТСЯ

Павел
ЛЕОНИДОВ

КОРОНА КОРОЛЕВЫ

Фото Дмитрия ДЕБАБОВА
и Юрия ФЕКЛИСТОВА

РЕПОРТЕРЫ РВУТСЯ В КОМНАТУ, ГДЕ ЗАСЕДАЕТ ЖЮРИ. ТЕ ОТМАХИВАЮТСЯ: НЕ МЕШАЙТЕ! ТОМИТЕЛЬНЫЕ МИНУТЫ ОЖИДАНИЯ... И ВОТ ДВОРЕЦ СПОРТА В ЛУЖНИКАХ ВЗРЫВАЕТСЯ АПЛЮДИСМЕНТАМИ. НА СЦЕНЕ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЖЮРИ, НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР МУСЛИМ МАГОМАЕВ. ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕЙ ПЕРВОГО МОСКОВСКОГО КОНКУРСА КРАСОТЫ СТАЛА ВЫПУСКНИЦА ШКОЛЫ. СЕМНАДЦАТИЛЕТНЯЯ МАРИЯ КАЛИНИНА. ЕЙ ВРУЧЕНА КОРОНА «МОСКОВСКОЙ КРАСАВИЦЫ-88» И СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ — УЧАСТИЕ В КРУИЗЕ ПО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЮ.

Первое интервью — у Федора Олеговича Калинина, Машиного папы.

— Я был против того, чтобы дочь пошла на этот конкурс. Но разве ее переспоришь... Пойду, и все. Пообещала, что сдаст все экзамены. Пришлось отпустить. Больше всего боялся этого божьего окружения, уж очень мне не понравилась публика на первом туре. А, впрочем, пусть сама скажет. Маша бережно снимает корону.

— Все время сваливается, сетует она. — До сих пор не могу поверить, что выиграла конкурс. Видимо, нужно время, чтобы привыкнуть. Столько сразу к тебе внимания. Я обещала родителям поступить в институт.

Идея такого конкурса возникла в прошлом году, на празднике газеты «Московский комсомолец» в парке имени Горького. Несколько месяцев на подготовку, и вот финал. Из двух с половиной тысяч участниц отобрали тридцать шесть. Три дня с семи вечера до полуночи сцена Дворца спорта была отдана финалисткам и участникам шоу-программ «Секрет красоты». Пока шла подготовка к вечернему представлению, девушки старались не появляться в кулуарах и зрительном зале: они мгновенно становились добычей фоторепортеров. Ослепительные улыбки и умело наложенная косметика уже не могли скрыть усталости. Сказывалось огромное напряжение двухмесячного марафона, ежедневных многочасовых тренировок.

Необычной была и программа конкурса. От девушек требовались «все-го лишь» естественность, непосредственность, артистизм (попробуйте сохранить их, когда на вас смотрят десятки объективов и 10 тысяч зрителей!), а также воображение, чувство юмора, умение импровизировать: за 20 минут придумать и сшить вечернее платье или представить, как будет выглядеть молодая москвичка через сто лет, или ответить на каверзные вопросы писателей-сатириков.

Опыта не было ни у кого — ни у девушек, ни у жюри, ни у организаторов конкурса.

Вот впечатления жюри, главного редактора молодежной редакции ЦТ Эдуарда Сагалаева.

— Очень обидно, что Центральное телевидение не стало ни учредителем, ни спонсором конкурса. Просто вовремя не нашли друг друга. Правда, ребята из нашей московской редакции готовят задним числом передачу для первой программы. Постараемся исправиться на всесоюзном конкурсе, надеюсь, он состоится скоро.

— Было ли что-нибудь, что вам не понравилось на этом конкурсе?

— Не всегда удачной была концертная программа. Считаю, организаторам не хватило вкуса и чувств меры. И еще. Обилие людей с красными повязками и рациями, милицмейские оцепления — все это, видимо, нужно, но не в таком же количестве!

А вот мнение зрителей.

Ирина Дьяченко и Лена Егорова,

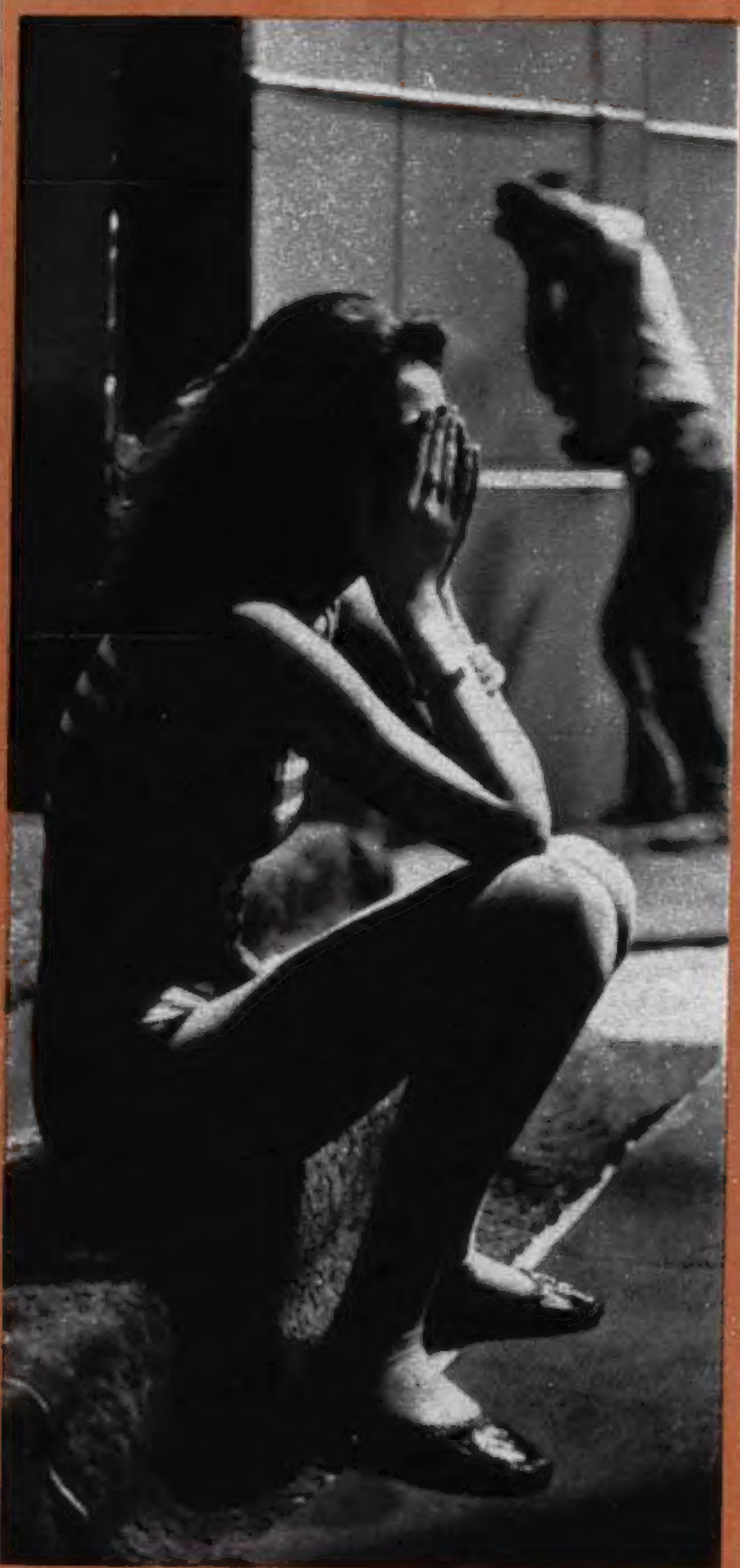

москвички, работают на Трехгорке:
— Давно пора. Думали ли мы принять участие? Если честно, не хватило смелости. Вот так выйти на сцену в купальнике может не каждая.

Действительно ли никто из финалисток не жалеет, что принял участие в конкурсе? (Мы имеем в виду тех, кто попал в заветную шестерку и стал обладателем дорогих призов.) Елена Васильева, артистка Москонцерта:

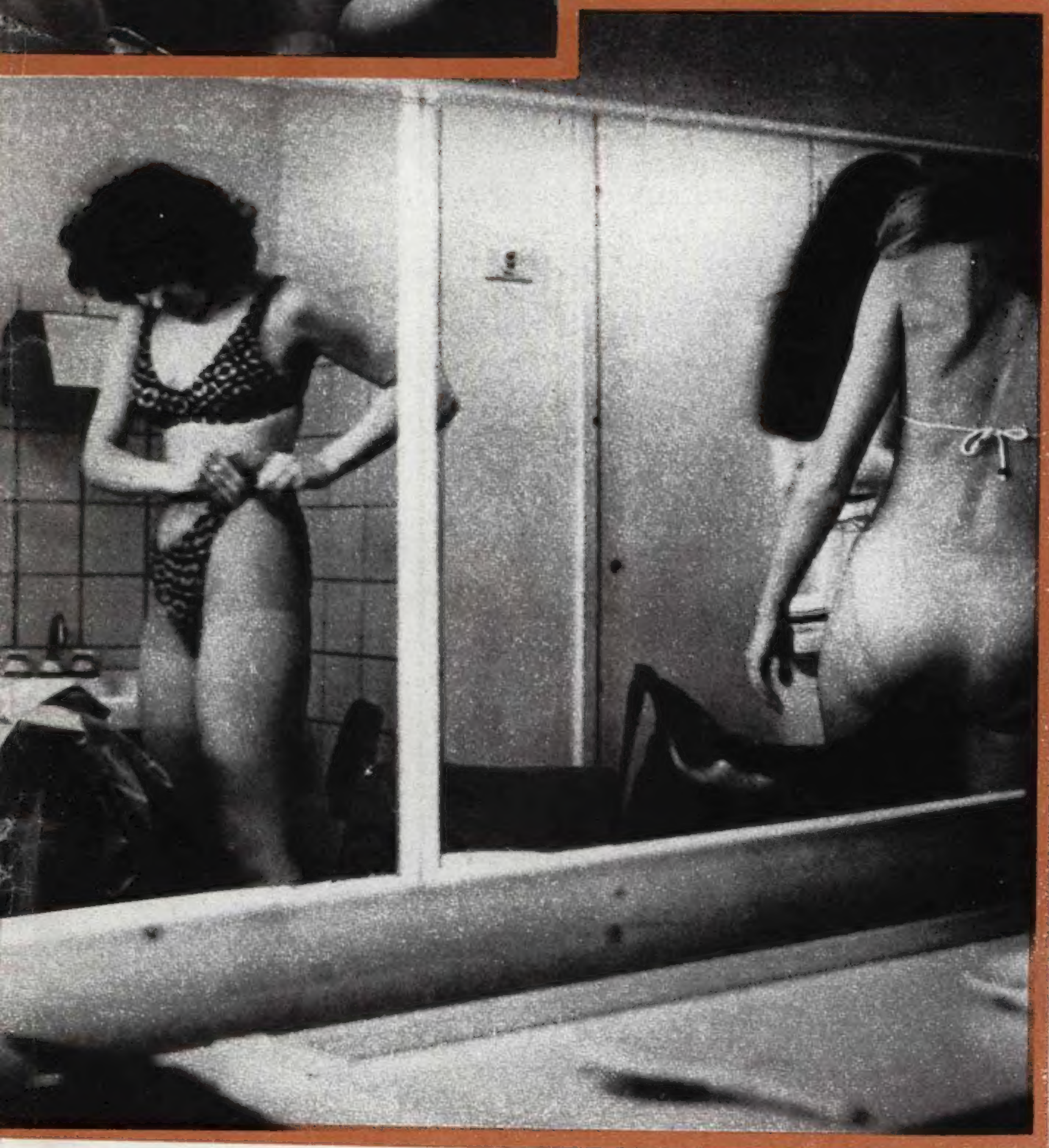
— Сперва все было похоже на сказку. Наобещали всего! К каждой прикрепим профессионального косметолога, платье тебе подберем под цвет глаз, перед финалом отправим в дом отдыха набраться сил... Реальность оказалась иной. С 13 мая пошли тренировки, по пять — восемь часов каждый день. Жара, купальник хоть выжимай, душ принять негде, пообедать негде.

Марина Дятлова, сотрудник Мини-

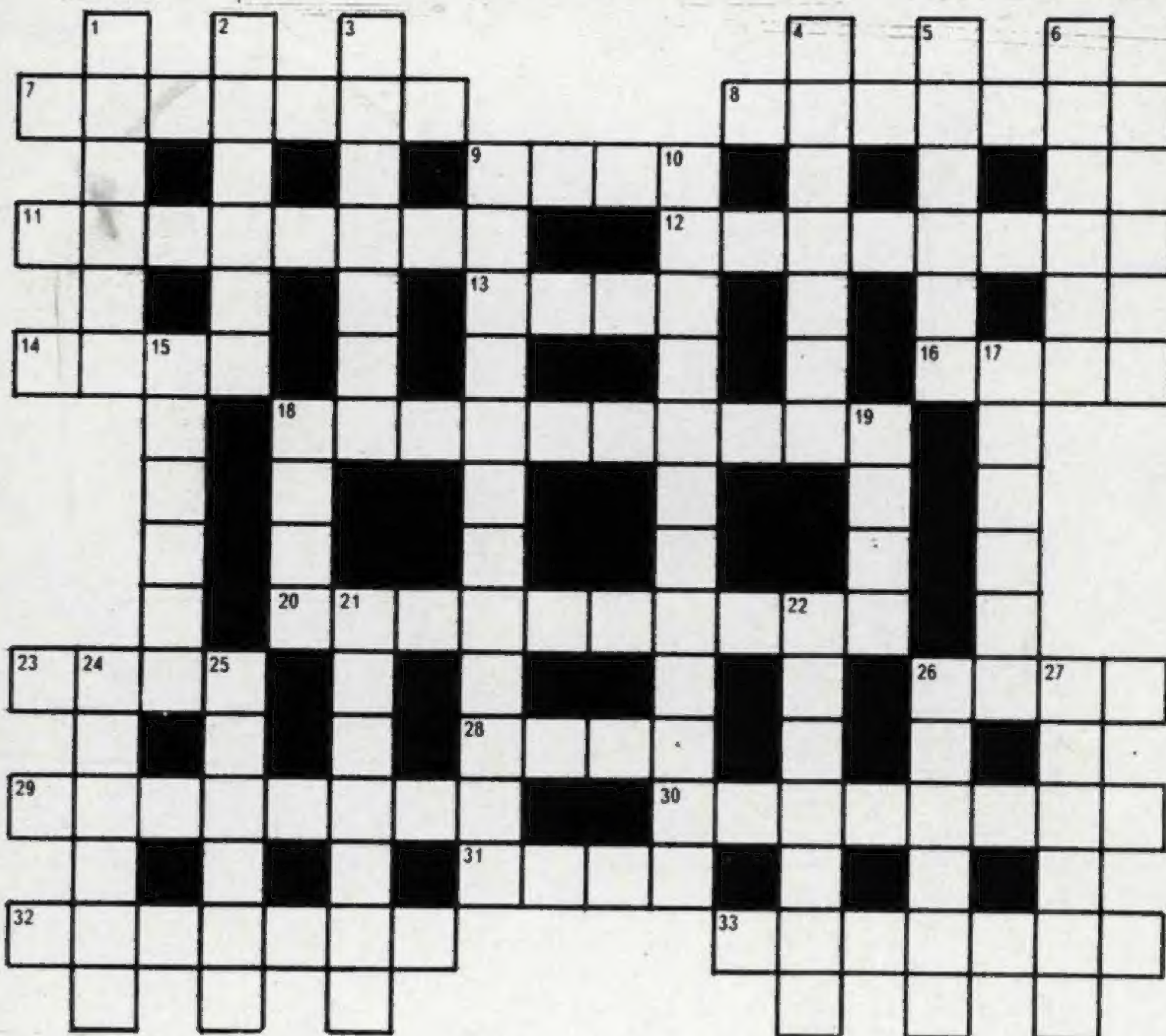

стерства внешних экономических связей:

— Считаю, что было нарушено главное правило конкурса: все должны быть в равных условиях. Я уж не говорю про «блатную команду», как мы ее окрестили, которую правдами и неправдами тянули с первого тура. К кому мы только не обращались, все только плечами пожимали, даже юриста элементарного и того не было. Меньше чем за сутки до первого конкурсного дня нам объявили, что обещанных костюмов для аэробики и платьев не будет. В итоге вышла на сцену в платье Татьяны Веденеевой.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Работник, осуществляющий прогрессивные принципы, методы, приемы. 8. Человек, удостоенный особой премии за выдающиеся заслуги. 9. Культурно-просветительная общественная организация. 11. Свойство, степень пригодности продукции. 12. Бухта Восточно-Сибирского моря у берегов Якутии. 13. Единица освещенности. 14. Количество пойманной рыбы. 16. Промысловая рыба семейства карповых. 18. Небольшая комическая пьеса. 20. Курорт в Запорожской области. 23. Конусообразная сеть для ловли рыбы с судов. 26. Периодически меняющийся береговой ветер. 28. Бельгийский скрипач, композитор, дирижер, имени которого проводятся международные конкурсы. 29. Не замерзающий водный раствор. 30. Промысловая рыба семейства осетровых. 31. Южный декоративный кустарник, дерево. 32. Композитор, народный артист СССР. 33. Басня И. А. Крылова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Морское беспозвоночное животное, полип. 2. Советский спортсмен, неоднократный чемпион Олимпийских игр в тройном прыжке. 3. Небольшая лирическая инструментальная пьеса. 4. Грузинский писатель XIX века. 5. Древнее государство на Армянском нагорье. 6. Одежда оленеводов. 9. Принцип коммунистической морали. 10. Участник команды в спортивной игре с мячом. 15. Нити, идущие вдоль ткани. 17. Рыболовное судно. 18. Государство в Западной Азии. 19. Декоративный и поделочный камень. 21. Свойство тел сохранять состояние покоя или движения. 22. Государство в Центральной Африке. 24. Французский живописец, график, скульптор. 25. Старинная французская монета. 26. Озеро в Казахстане. 27. Представитель коренного населения Америки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Кооперация. 8. Бакен. 9. Феба. 10. Лоция. 11. Купе. 13. Аксу. 16. «Ванька». 19. Ровно. 20. Лодка. 21. Форштевень. 23. Статистика. 25. Лотос. 26. Таити. 27. Атлант. 30. Пирс. 32. Крит. 33. Бланк. 34. Иори. 35. Ершов. 36. Инвестиция.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Солнце. 2. Апофема. 3. Казачок. 4. Фиалка. 6. Раскова. 7. Пицунда. 12. Профессор. 14. Кильватер. 15. Врубель. 16. Варвара. 17. Аметист. 18. Лагутин. 22. Стапель. 24. Биатлон. 28. Татищев. 29. Нагибин. 31. Секанс. 32. Кредит.

Рисунок Ростислава САМОЙЛОВА

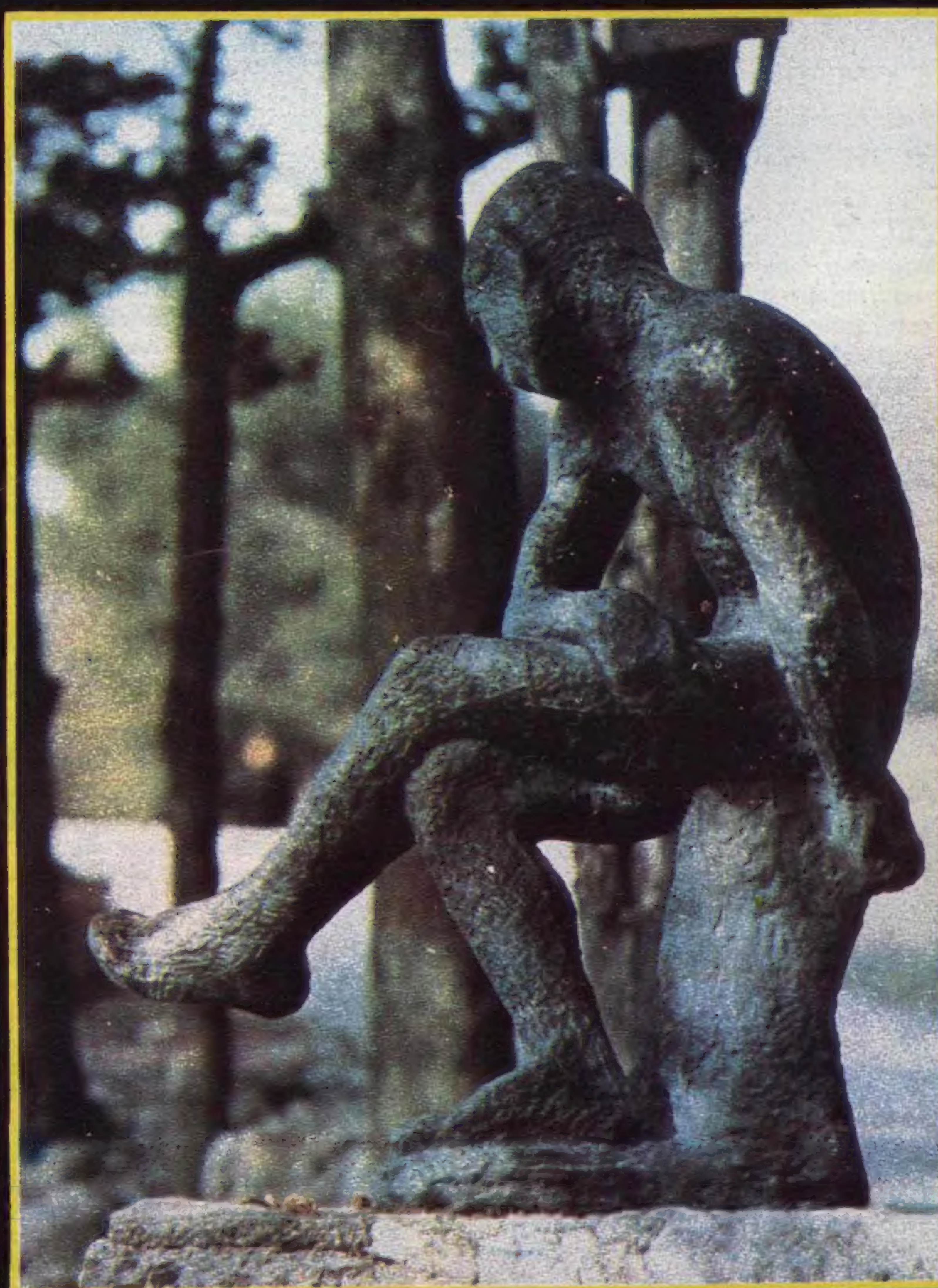
НЕТ ПРОБЛЕМ?

Ансамбль Кучук-Кой — итог содружества людей разных профессий и талантов, но единых в своем понимании природы, искусства и их взаимообогащающих связей. В первоначальный замысел Кучук-Коя входило создание его как «Оазиса красоты», и эта цель была блестяще осуществлена. Формирование ансамбля завершено к 1911—1912 годам, и, по воспоминаниям людей, бывавших там в то время, он являлся поэтичным местом Крыма, его идеалом и эталоном.

СУДЬБА КУЧУК-КОЯ

(См. в номере материал «Будет ли жить Кучук-Кой?»)

Фото
М. МЕЗЕНЦЕВА.

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

ОГОНЁК